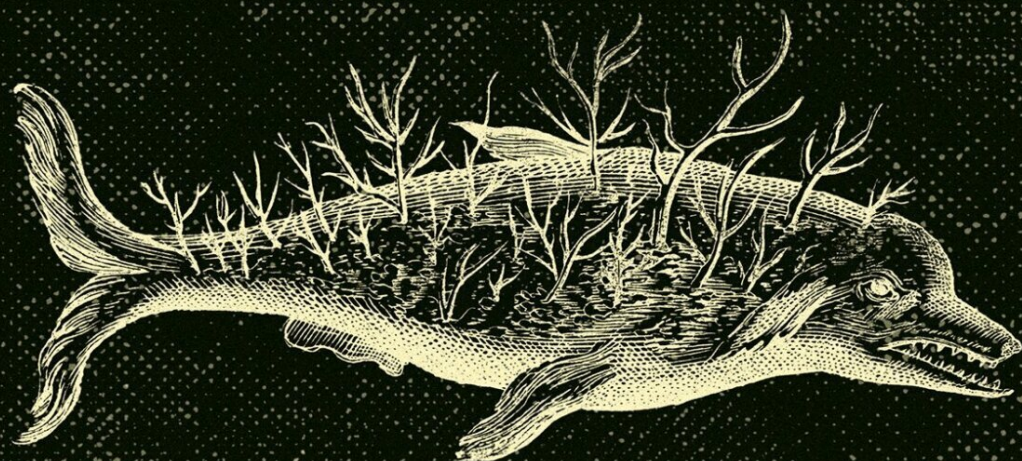

INSPIRIA

ЭДУАРД ВЕРКИН

КНИГА 2

СНЕГ ЭНЦЕЛАДА

АРН СНАРН СНАРН СНАРН СНАРН С

INSPIRIA

Эдуард Веркин. Взрослая проза

Эдуард Веркин
**снарк снарк. Книга
2. Снег Энцелада**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

снарк снарк. Книга 2. Снег Энцелада / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
2022 — (Эдуард Веркин. Взрослая проза)

ISBN 978-5-04-174118-1

Прошло около десяти лет с событий первой книги. Виктор больше не пишет книг, у него разные бизнесы и хороший банковский счет на черный день. Но кто-то присылает ему окровавленную кепку одного из пропавших в лесу Чагинска мальчиков. Как напоминание о трагедии и о том, что ни виновные, ни тела не были найдены. Виктор отправляется в Чагинск, чтобы наконец поставить точку в деле и встретить Шушуна. Лицом к лицу. "Снег Энцелада" - вторая и заключительная часть романа. Расследование, уцелевший свидетель, страшная правда о ненайденных. Роман Эдуарда Веркина, известного автора подростковой прозы, а также автора бестселлера «Остров Сахалин» — это опус магнум, целый мир, в котором отразилось наше настоящее и прошлое. Чудовища из детских сказок существуют. И они идут за тобой... «Стивен Кинг в гостях у классиков русской литературы. Эдуард Веркин раскладывает литературную традицию на фишки Lego и собирает из них абсолютно оригинальное произведение. Смешной, страшный и одновременно грустный роман, в котором жизнь пугает едва ли не больше смерти». — Наталья Кочеткова, книжный обозреватель Лента.ру

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

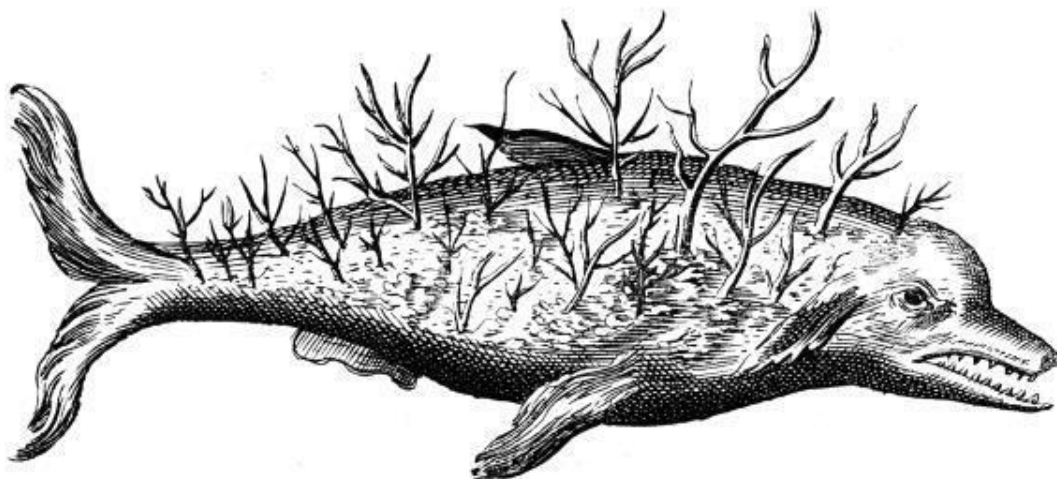
ISBN 978-5-04-174118-1

© Веркин Э. Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Эдуард Веркин
снарк снарк. Книга 2: Снег Энцелада

На совещании правительства Крыма из шкафа неожиданно вышел человек.

© Веркин Э.Н., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Соя России

Я проснулся и выпил стакан воды, через две минуты принял хлорофилл, утро – мерзость, которая всегда с тобой, неизбежная мерзость. Дотянулся до термоса, залил кипятком имбирь и вышел на балкон.

По кафелю хрустели жемчужные тараканы – с вечера я забыл на столике миску с клубникой, за ночь тараканы успели обглодать ягоды, уснуть, умереть, безнадежно высохнуть. Потрескивали. Мне нравилась эта их выдумка – при нажатии тараканы щелкали и рассыпались в летучую серебрянку, и ветер сразу уносил прочь их ненужные тараканьи души.

Голубая бухта проснулась, по тротуарам спешили к морю пузатые отдыхающие с надувными матрасами, от воды тянуло диким йодом, и уже в шесть просыпались и пропитывали жестью воздух старательные цикады. Каждое утро я выходил на балкон посмотреть горизонт, к этому часу на море выстраивались в разноцветную очередь к Новороссийску сухогрузы и танкеры; я разглядывал их в бинокль и иногда запоминал названия. По вторникам всегда приходила синяя светлая «Мария-2», по четвергам к рейду выруливал угрюмый «Тубагач».

В этом году побережье переживало нашествие жемчужных тараканов со Ставрополя, они уничтожили посевы фундука и сейчас разбирались с посевами яблок. Пестициды бесильны; к сентябрю, когда можно будет призвать школьников, тараканы сожрут все, их перестали клевать даже воробьи, сдались, тараканов непрослительно много, почти как дураков. Во вчерашнем выпуске новостей агрономы Краснодарского края призывали власть встать на защиту сельского производства единым сокрушительным фронтом.

Подо мной на втором этаже проснулись отдыхающие из Кемерова: некий мужик кисло курил на балконе и слушал радио, сообщалось, что молодой человек из Кореи приручил кобру, а она неблагодарно вцепилась ему в глаз.

Я хотел сделать соседу замечание насчет курения, несколько раз глянул вниз и увидел свою блондинку.

Вчерашний ветер пообрывал с балконов трусы и полотенца отдыхающих, и неплохая очкастая блондинка с ресепшена обирала их с розовых кустов и автомобильных капотов; блондинку, кстати, я наметил сразу по заселении. В прошлом году здесь работала рыхлая и одновременно постная баба в желтых стразовых шлепанцах, мне не нравилось на нее смотреть, а в этом сезоне качество персонала заметно выросло и радовало перспективами. Так что вчера вечером я сунул в кармашек шорт пять тысяч и выкинул их за перила.

Имбирь заварился, я добавил лимон, мед и стал пить.

Имбирь несвежий. Лежалый, избыточно волокнистый, с отчетливой горчинкой. Вкус приглушенный, присутствует водянистость. Впрочем, тут пенять только на себя: не догадался привезти свежего – пей дровянистый. А мед радовал больше, чем утро.

По тропинке к морю спускались собаки, две белые и одна черная, некрупные, размером со средний валенок. Собаки очумело пробирались между камней, а приблизившись к воде, стали лакать. Здешные собаки пьют соленую воду и едят медуз, от этого они выглядят как зомби, кривоногие, косопузые и полуслепые. Хотя собаки почти все новые, прошлой осенью из парка сбежал леопард, бестолковый и молодой. Вместо того чтобы вернуться в горы, спустился сюда, передавил старых здешных псов, а потом провалился в колодец, поломался и издох. Некоторые считали, что леопард был вовсе леопардихой и успел окотиться на пустыре за фээсбэшным полигоном, так что где-то тут в травах подрастает леопардовый выводок.

Допив имбирь, я спустился на первый этаж.

На батарее напротив ресепшена сушились развешенные ночные потери, и я отметил, что блондинка относилась к своим обязанностям тщательно, разместила трусы и полотенца не вперемишку, а по принадлежности – «м» и «ж». Я нашел на радиаторе свои шорты и проверил карман, деньги остались на месте. Блондинка в очках стала нравиться мне еще больше, тщательные и честные обычно самые буйные, вечером попробую познакомиться. Хотя на нее, похоже, нацелился Спартак, вчера два раза заказывал у нее хинкали и хачапури по-аджарски. Но со Спартаком я, если что, справлюсь, он вялый, хотя и рослый. Спартак, кажется, из Вологды. В Вологде молодой человек приручил рысь и вскоре очень об этом пожалел.

Я вышел во двор, занял шезлонг, размялся, прыгнул в бассейн, пронырнул его вдоль два раза и выбрался погреться.

Блондинку лучше пригласить в «Вердану», это на Набережной и прилично. Или, может, к себе на квартиру, хотя так не очень интересно. Возможно, в здешнюю «Лозу», там, похоже, научились готовить мясо. Сегодня за завтраком закажу блины с творогом и персиковым вареньем и скажу. Или лапшу в обед и скажу.

Девушка, а вы ведь занимались художественной гимнастикой, правда? Вы гениально двигаетесь, у вас чудесная фигура, вы должны великолепно танцевать. Да, сначала поломается – здесь к ней каждый первый со стаканом клеится, но я подарю ей странную орхидею. Арман два дня назад получил груз из Голландии, он сделает хорошую композицию, чуть пугающую, но прекрасную. Арман тот еще упырь, но мне должен, мои ивенты ему треть оборота привосят, так что постарается. Орхидея, «Вердана», прогулка на катере или лучше на яхте, все-таки парус гораздо романтичнее. Так и сделаем.

Я заглянул в Интернет и посмотрел два ролика. Первый – про молодого корейца, павшего жертвой самонадеянности в обращении со змеей. Его действительно укусили в глаз, правда, я сильно сомневался, что кобра. Но, может, и кобра. Несчастный переоценил свои укротительские возможности и поплатился, впрочем, выжил. Второй ролик – про любознательную девушку, потерпевшую гастрономическое фиаско с дурианом. Стучался тревел-блогер, но они, честно говоря, стали надоедать со своими предсказуемыми трипами, сами блогеры, кажется, предчувствовали падение, и от этого их творчество становилось все безобразнее.

Пискнул телефон. Писал Луценко, отчитывался. Заключительный рабочий день конференции заведующих детских дошкольных учреждений прошел, в принципе, гладко. Участники зачитывали доклады, обменивались презентациями, перенимали опыт, говорили о толерантности, здоровой и нездоровой, об организации музработы и популяризации дошкольного чтения, о проблемах с финансированием и коммуникациями. Скандал, слава богу, развития не получил, Луценко пусть с трудом, но уговорил поэта Ивана Уланова не читать новых стихов про происхождения нутрии Дроси Ку, заведующих же попросил не устраивать Уланову бойкот – все-таки телевидение собирается приехать, все-таки толерантность и всякое прочее. Так что Уланов ограничился исполнением под гитару гимна работника дошкольного образования, сочиненного им же и ставшего популярным в корпоративных кругах. Многие подпевали. Зачинщица скандала – долгорукая заведующая, выступившая с осуждением современной детской поэзии и громко назвавшая Уланова говном, – вчера сидела смирно. По исполнении рабочего листа Луценко проводил заведующих до гостиницы и проследил, чтобы все помнили, что завтра, то есть сегодня, последний день мероприятия, его закрытие и банкет.

К июню конвенции, фестивали и симпозиумы начали сливаться в одно непрерывающееся мероприятие. Открытие-прения-выходной-мастер-классы-закрытие-банкет, мастершип хлебопек, фестиваль мастеров короткого метра «Кочерыжка», съезд-переключка потомков Лермонтова – сезон выдался трудовой и беспокойный. Иногда нам с Луценко удавалось параллельно вести два прогона, и случалось так, что с утра было открытие конвенции моих любимых миниатюристов, а вечером гремел буйный салют окончания бизнес-тренингов «Холодные

звонки». В результате миниатюристы в моей голове постепенно смешивались с маникюристами, и над всем этим гордо реяла короткометражная кочерыжка, но я кое-как держался.

Сегодня закрытие и банкет. Мне не хотелось присутствовать, но выбора не оставалось, я организатор. Кроме того, несколько заведующих явно собирались обратиться ко мне по поводу проведения их региональных конференций, и предстояло обсудить тендеры, аренду, скидки и другие полезные вопросы. Затем выходной. Надо непременно устроить выходной. Поехать в горы, к источникам. Взять с собой блондинку. С блондинкой в горах хорошо, культурно. Отдохнуть, через неделю стартует конвенция «ЗОЖ-18», а это серьезно – работы там по колено и работа серьезная. И деньги за нее получены серьезные и уже частично потрачены на аренду спортбазы, бассейна и стадиона...

Я поморщился.

Зожники заметно привередливее заведующих детсадов, с ними возни на порядок выше. Заведующие живут в двухместных номерах, зожникам подавай одноместные, заведующие питаются в столовой, зожникам подавай фитнес-бар, заведующим я заказал памятные футболки, зожники пожелали памятные сумки, причем не с принтами, а с вышивкой. С этим возникли некоторые сложности, болванки сумок разошлись еще в апреле во время слета кондитеров, пришлось заказывать новые. Их привезли из Шуи два дня назад, Луценко отправил заказ швеям... Но можем и не успеть. Предводитель зожников А. Треуголов – занудный и придирчивый тип, формат надписи на сумках согласовывали полтора часа, шрифт казался ему вялым и неэнергичным, а цвет недостаточно мотивирующим. Если бы не деньги, я с зожниками за километр не связался бы, я сам зожник.

В столовой отеля заиграла энергичная музыка, и я, обрядившись в халат, отправился завтракать.

Блондинка расставляла стулья, раскладывала салфетки, наполняла солонки и перечницы. Я устроился в углу возле термопота, чтобы любоваться блондинкой издали.

Она была хороша, ладно крутилась с тряпкой между столиками и на меня не поглядывала, что, безусловно, обнадеживающий знак. И возраст подходящий, ближе к тридцати – пора трезвого осознания экзистенциального факта, что сама ты, голубушка, не тянешь и без сочувствия понимающего человека и впредь будешь загорать на раздаче, а значит, не стоит особо ломаться.

– Доброе утро, – блондинка приблизилась и изящно достала из кармашка фартука блокнотик. – Что кушать будете?

– Блины с вареньем.

– С виноградным, кизилковым, с орехами?

– С кизилковым, – почему-то выбрал я.

– Минутку!

Блондинка поспешила на кухню, я в очередной раз отметил, что с кормы она тоже ничего, джинсы не на каждую красиво садятся.

Опять позвонил Луценко, сказал, что едет, но немного застрял и у него есть сомнения. Он стал рассказывать про сомнения, я не очень понимал, в чем они заключались, потому что Луценко не только рассказывал, но и ругался с соседями по пробке. Я же наблюдал за своей блондинкой. Она пританцовывала возле окна раздачи, это мне нравилось, я люблю, чтобы легкий характер, а у этой наверняка легкий. Интересно, как ее зовут? У блондинок имена всегда не такие, как у брюнеток, блондинка редко Анна и часто Елена. Но эта вряд ли Елена, Елены не такие. Скорее всего, Наташа, хотя мне имя Наташа не нравится, лично я за Ирину. Но не будем забегать вперед.

Блондинка вернулась с блинами и кизилковым вареньем. Я хотел сказать ей про фигуру, гимнастику и чудесные закаты в ресторане «Вердана», но тут со стороны жилых корпусов прибежал мальчишка с телефоном и пластиковой винтовкой. Мальчишка устроился за централь-

ным столом, повесил винтовку на стул, нагло подозвал блондинку и стал заказывать завтрак. Яичницу, но чтобы без соли и желток оставался жидким, и чтобы никакого перца, и чтобы снизу не пригорело, а огурцы пусть порежут вдоль, и еще какао, но непременно несладкий, лучше вообще обезжиренный. Он уже справился с заказом, но тут пожаловала мама мальчишки и стала перезаказывать. Настроение у меня испортилось, я съел блины, они были отвратительны, после чего поднялся в номер.

В десять приехал хмурый, невыспавшийся Луценко, объяснять ничего не стал, и мы двинули в центр.

Со стороны Кабардинки безнадежно коптила утренняя пробка, Луценко нетерпеливо пробирался по обочине, соскакивал на объездные, ругал детсадовцев, сигнализировал таким же обочечникам и торопыгам, снова ругал заведующих, которые, как выясняется, преследовали его всю сознательную жизнь.

– ...Мать на лето отправляла меня к тетке, а тетка была матерая заведующая, лютейшая просто! Она в круглосуточном саду работала...

Луценко лет тридцать, он москвич. Настоящий, коренной, к морю переехал для легкого дауншифтинга и здоровья, да и прижился. Он тоже, кстати, собирается в Черногорию.

– ...И меня в этом саду же и держала! Представляешь каникулы?! А дети меня ненавидели, при каждой возможности лупили. Мать ничего и слушать не хотела, я из этих садов не вылезал...

А я люблю заведующих, они дисциплинированы и благодарны.

– Так я астму и заработал, – пожаловался Луценко. – От бумажной пыли. До сих пор от каждой газеты чихаю... Куда, сука, прешь!

Нас подрезал красненький джип, и некоторое время Луценко занимался толканием с этим джипом, в результате победа была решительно одержана, красный отступил и теперь волочился в хвосте.

– Во люди! – прицокнул Луценко языком. – Лезут и лезут, лезут и лезут, десять километров за мной лезет... Ты бы видел, как они вчера лезли в дольмен!

– Кто? – насторожился я.

– Да все. Вечером сначала на гору захотели, ну, поехали, в смету ведь входит. Половина сразу разбежалась по белым медведям...

Луценко стал рассказывать про то, как заведующие разгулялись в зоопарке, а он их там ловил. А я опять думал про очкастую блондинку. Надо признаться, я большой очкастых блондинок аматер. Девушка в очках обычно выглядит строго и недоступно, но стоит ей очки снять, как лицо становится беззащитным и милым, и резкость этой перемены меня всегда удивляла и радовала. Я представил, как поеду на источники с блондинкой, сниму с нее очки и поправлю распущенные волосы...

– ...Я им говорю: дольмен – это совсем не то, что вы думаете, это не пирамида, в нее башку совать не надо, но они разве слушают?! – возмущенно рассказывал Луценко. – Это памятник исторический, оберегается государством, куда там...

И само собой, одна застряла. Луценко с досадой рассказывал про произошедший казус, а я не очень слушал, такое у дольмена происходило каждый год, кто-то обязательно застревал, ничего, в сущности, страшного, надо лишь взять масло на подъемнике. Может, пригласить блондинку с собой? В Черногории все девки как шпалы, пока найдешь подходящую...

– ...Ушастенькая такая попалась...

Луценко притормозил на повороте, я неосторожно поглядел в окно и увидел, что на меня из-под деревьев смотрит пыльный осел, обычный такой, с неприкаянными ушами. А у блондинки уши, кажется, нормальные. Не особо видно за волосами, но я больше чем уверен, если бы у ней были крупные уши, я бы несомненно заметил их через волосы. У приличных девушек всегда умеренные уши. Могу поспорить, моя блондинка никогда не полезла бы в дольмен,

не стала бы испытывать прочность истории ушами. Кстати, лично я полагаю, что дольмен – это ловушка вроде мышеловки. Раньше в горах водились какие-нибудь животные, типа лам или альпак, длинношее, или, может, карликовые верблюды. Первобытные люди забрасывали внутрь дольмена приманку – сено или древний силос, эти ламы чуяли, засовывали башку в дырку и застревали. В день так можно было штук пять наловить. Сколько тысяч лет прошло, а работает. Умели раньше делать. В женщине уши – весьма важная часть, с этим глупо спорить, в Черногории, кстати, с ушами засада...

– ...Вон, видишь, та, что справа!

Я очнулся. Голова гудела. Давление, что ли.

– Ты что, спишь? – усмехнулся Луценко. – Витя, очнись, тебе в отпуск пора сходить, а то скоро на ходу дрыхнуть станешь. Приехали! Последний рывок!

Действительно, оказалось, что мы приехали. Машина припарковалась возле зала для конференций, на ступенях топтались участницы, справа стояла довольно рослая девушка с отставленными ушами и сигаретой в пальцах.

– Еле вытащили, – Луценко указал на рослую.

– Бывает, – согласился я.

– Думаю, теперь она хочет отдать нам долг за спасение, – предположил Луценко. – И подружка у нее вроде есть. Не застревала, но тоже ничего. Ты как?

– Пока воздержусь, – ответил я.

Зачем мне застрявшая, у меня есть блондинка.

– Как хочешь...

Мы отправились искать Милицу Сергеевну и встретили ее возле гардероба. Луценко стал обсуждать что-то по технической части, а я проследовал в зал, но дошел только до Уланова. Поэт установил возле лестницы на галерею раскладной столик, устроился за ним на раскладном стульчике, продавал свои раскладные книги и ставил затейливые автографы желающим.

Мы поздоровались. Обычно Уланов мне приятен, как приятны все неудачники, но сегодня почему-то чувствовалось иначе. Сегодня он надел дурацкий оранжевый цилиндр и оранжевый с крупной искрой сюртук, это мне сразу не понравилось. Возможно, потому, что от Уланова густо несло застарелым табаком, человек же в оранжевом должен пахнуть по крайней мере мятой. Лучше апельсинами. В целом же Уланов был непривычно взволнован, с ходу подарил сборник стихов с дарственной подписью и сочувственно спросил:

– Поедешь в Керчь? Где-то через месяц?

– Зачем?

– Там фестиваль аниматоров. У меня есть знакомый...

Уланов трогательно мечтает, чтобы по его стихам сделали мультфильм.

– Нет, – сказал я.

Поеду в Черногорию. С блондинкой с ушами, буду там кусать ее за эти застенчивые уши.

– Понятно, – вздохнул Уланов. – Слушай, Витя, а у тебя на Европу выходов нет случайно? Ну, типа по старой памяти, а?

Рядом с ногами Уланова стояла собачья переноска, в которой отчаянно жужжало.

– Зачем тебе?

Переноска периодически вздрагивала, заведующие, не знакомые с Улановым, поглядывали на это испуганно.

– Ну так, мало ли... Понимаешь, у меня тут мысли...

Уланов наивно мечтает покорить Европу. И его вроде как издают в Финляндии, но Уланову этого мало, он хочет премию Андерсена.

– Понимаешь, Витя, они там все смотрят на меня как на...

Уланов замолчал, мимо презрительно прошествовала давешняя долгорукая блюстительница.

– Ладно, – сказал я. – Попробуем что-нибудь придумать. Но ты должен...

Я посмотрел долгорукой вслед.

– Да не, Вить, не переживай, – успокоил Уланов. – Я давно привык.

Он поморщился.

– Знаешь, хочется...

– Слушай, мне идти, – я махнул в сторону зала. – Давай вечером, хорошо?

Я поспешил в зал, сел в третьем ряду с краю, отсюда отличный обзор. Голова ощущалась подозрительно легкой.

Заведующие прибывали, входя в зал поодиночке и группами, рассаживались. Долгорукая уже заняла место и сидела гордо и вызывающе. Ненавижу таких, ладно бы за правду боролась, так ведь обычная дура.

Зазвучал гимн, сочиненный Улановым. Насколько я знал, гимн снискал популярность в профессиональной среде, а строки «пройдя по кручам жизненных дорог, всегда вернусь в свой детский сад родимый» были размещаемы на благодарственных грамотах и выкованы на памятных медалях. Я сидел, размышляя о том, что мне, пожалуй, будет этого не хватать. Зональных соревнований «Фидер России», ярмарок «Рабочая одежда и обувь», олимпиады имени Мичурина, симпозиумов «Урбанистика и урбанисты», региональных этапов конвенции «Ножи и топоры», гастро-фестов «Вепрево колено», «Лукоморье» и «Змеевик». Вряд ли в Черногории такое есть, ну разве что какой пресный праздник брынзы, день первой пырленки и вечеринка вяленых помидоров. Но зато там много других плюсов. И если после сезона хватит денег открыть зал, то...

Мои грезы прервал Луценко, он уселся рядом, неучтиво почесал подбородок и сообщил:

– И все равно ты, Витя, паршиво выглядишь. Все в порядке?

– Да, – ответил я. – Немного угорел, душно...

Это все Уланов. Я неосторожно вляпался во влажную табачную безнадегу, разлитую вокруг Уланова, и, похоже, теперь сам плотно вонял отсыревшими сигариллами.

– Я сам угорел, Витя. Но ничего, скоро все закончится, отдохнем по-человечески.

– Хорошо бы. А как...

Я кивнул на долгорукую.

– Милиция говорит, что она все уладила, – шепнул Луценко. – Эта чиканюшка обещалась не дурить, тихонько посидит.

Милица Сергеевна Качерян – сотрудник Департамента образования, чудесная хлебосольная женщина с округлой прической, это мое третье с ней мероприятие. Хотя в том, что чиканюшка дурить не будет, я сомневался, это воньливый разбор, без скандала таким не живется. Но Луценко прав, скоро все закончится, скоро выходной.

– Она тут пыхтела других подстроить, – сказал Луценко. – Типа как наш поэт выйдет на сцену, так они все восстанут и покинут зал с гордым видом.

– И что?

– Никто не повелся. Все же знают про Ваню, он жжет...

С этим не поспоришь, Уланов выступает хорошо, про него знают, в Интернете полно роликов. Никто не согласился, я не удивлен, Ваня хорош.

– Вот и славно.

Зал заполнился окончательно. Гимн стих. Милица Сергеевна поднялась на сцену.

– Воспитывать надо действительно сердцем! – провозгласила она и указала на транспарант.

«Воспитывай сердцем!» – над сценой покачивалась длинная растяжка.

Милица Сергеевна сказала, что конференция завершается на высокой ноте, сегодня будут самые важные доклады, в частности, ее доклад на тему «Практики и методы актуализации

возрастных предпочтений». Название доклада мне понравилось, почти в рифму, я бы на месте Уланова сочинил в этом направлении стихи.

– ...Проблемы улучшения коммуникации чрезвычайно актуальны и важны, – рассказывала Милица Сергеевна. – В возрастных группах четырех-семи лет коллективное чтение необычайно эффективно...

Кажется, я уснул. Наверное, я действительно угорел в тот день, муторно и тяжело, и воздух был быстро выдышан и пропитан практиками актуализаций и предпочтений; я чувствовал, как всем собравшимся в зале плевать на приучение к чтению, все ждут банкета, а вечером купаться...

– Витя! – громко шептал Луценко. – Витя, просыпайся! Скоро наш Видоплясов!

Я открыл глаза. На сцене продолжала находиться Милица Сергеевна. Она, кстати, вполне ничего.

– А теперь перед нами выступит известный поэт Иван Уланов, – объявила она. – Лауреат премии «Успех», дипломант конкурса «Южная лира»!

Неожиданно я понял, что не хочу слушать Уланова. Обычно я все эти зверства переносил привычно легко, но сегодня с утра...

Но Уланов успел осквернить подмостки своим присутствием.

– Надо нашего поэта зожникам присоветовать, – посоветовал Луценко. – Он их как трактор грелку сплющит.

Возможно, Луценко прав. Уланов и нас сейчас как трактор, богатая идея...

Уланов не спеша приближался к микрофону, непонятным образом умудряясь заполнить пространство всей сцены. Оранжевый цвет. В оранжевом всего слишком много, Уланова было слишком много, и я знал, что со стихами его станет еще больше.

До Уланова мы работали на праздниках с поэтом Шариковым. У детей с этой фамилией никаких негативных коннотаций не возникало, чем сам Шариков активно пользовался, выходя к публике со связкой разноцветных воздушных шаров и во время выступления запуская их гулять по залу. Дети визжали в восторге, и работой Шариков был загружен всегда; когда же его приглашали на взрослые мероприятия, он читал сальные лимерики от лица того самого Шарикова. Правда, года три назад Шариков посчитал, что на юге России его дарованию тесновато, и отправился покорять Москву, где быстро прозрел и поступил в народный театр. Пришлось прикормить Уланова.

Несмотря на фамилию, фантазией Уланов обделен не был, и его творческий метод соответствовал дню: Иван никогда не читал стихи от собственного лица, поручая декламации текущему лирическому герою – нутрии Дросе, тушканчику Хохо, котика Жо или утконосу Кириллу. Для оживления выступлений у Уланова имелось несколько перчаточных кукол, сшитых по спецзаказу старым саратовским кукольником и хранившихся до выступления в собачьей переноске. Перед представлением Уланов натягивал куклы на электрические игрушки вроде тех, что продавались вечером на Набережной, и выпускал эту механическую живность на волю. Пока он читал стихи с куклой на руке, другие с пиканьем и жужжанием куколесили вокруг.

Сегодня на сцену Уланов, как обычно, прихватил переноску. Он уверенной походкой выступил к микрофону, поздоровался с Милицей Сергеевной и поклонился в несколько фривольной манере залу, отчего я понял, что нового скандала, скорее всего, не избежать – долго-рукая пуристка в первом ряду выпрямилась еще сильнее, до звона, сомнений в ее намерениях не оставалось.

Уланов поправил микрофон и объявил, что он всегда готов, а его маленькие друзья хотят прогуляться, встречайте, аплодисменты, аплодисменты. После чего открыл переноску и выпустил нутрию Дросю, котика Жо, утконоса Кирилла и тушканчика Хохо Тунчика. Перехватив тушканчика за уши, он вытряхнул из шкуры моргающий разноцветными огнями пластиковый робо-шар, а саму шкуру надел на руку.

– Здравствуйте, ребята! – мерзким голосом провизжал Хохо Тунчик.

В зале захлопали, я почувствовал значительное отвращение. Уланов местами энергичный поэт и надежный контрагент, но по части эстетики у него присутствовали недочеты. Хохо Тунчик – по замыслу вроде бы природный тушкан – сильно напоминал сатира, хоботок нутрии Дроси был чересчур длинный, так что ей приходилось завязывать его бантиком, котик Жо имел выраженный уркаганский вид и носил четкую кепку, утконос Кирилл напоминал пучеглазую и слабоумную сковородку.

– А вы что ваетесь?! – Хохо повернулся к своим товарищам. – Подъем!

Уланов три раза громко хлопнул в ладоши. Электрические куклы ожили и принялись хаотически двигаться вокруг поэта.

– Наш Карабас, – прокомментировал Луценко.

Я не стал спорить.

Уланов спрятал Хохо за спину, оглядел зал, заметил свою супротивницу и сказал несколько слов обычным человеческим голосом. Про высокое творчество и призвание, про привлечение читателей и воспитание добрых чувств и про чувство благодарности, которое испытывает ко всем ценителям художественного слова. А еще похвастался, что книгу про Дросю будут издавать в Финляндии и сейчас он ведет переговоры о производстве анимационного сериала.

– Я рад нашей встрече, – сказал Уланов. – Привет, Геленджик!

После чего Хохо Тунчик появился из-за спины мастера и пискляво провозгласил:

– Как я ходил в планетарий и другие истории!

Шар, извлеченный из куклы Тунчика, залился на сцене безобразным хохотом, Хохо, напавший на руку Уланова начал:

– Однажды темной ночью, уж выбившись из сил, тушканчик Хохо Тунчик...

Все-таки Уланов определенный талант, не зря я его привадил. Он умудрялся читать стихи про похождения Хохо Тунчика настолько двусмысленно, что не оставалось никаких сомнений, кого именно разнузданный тушканчик имеет в виду под «цаплей – мерзаклей» и «курицей – придурицей». Декламация сопровождалась выразительными кривляньями самого Тунчика – насаженный на пятерню Хохо вздрагивал, неприлично дрыгал копытцами, икал, глюкал губами. Разумеется, все эти жесты он отправлял в сторону долгорукой заведующей. И с каждым жестом на нее смотрело все больше и больше коллег.

– Не выковав лопаты, не выстругав весла, наш Хохо рассмеялся и молвил...

Удивительно, но электрические игрушки совершали с выступлением Уланова видимую гармонию. Дрося выписывала нервные восьмерки, то и дело замирала, а затем начинала довольно гадко верещать, котик Жо парализованно размахивал передними лапами, словно пытался обнять нечто невидимое, слабоумный утконос Кирилл то полз, то переворачивался на спинку и дрыгал конечностями. Мигающий шар, извлеченный из самого Хохо, неожиданно и высоко подпрыгивал. Происходящее на сцене то ли намеренно, то ли случайно соответствовало мытарствам лирического героя.

– Тушканчика поймали и вот уже ведут, и ощущает Хохо за ухом острый зуд...

Кажется, что это все-таки было не стихотворение «Как я ходил в планетарий», а совсем другие истории, не такие жизнерадостные, но не менее поучительные. Во всяком случае, про планетарий и поход в него в стихах ничего не говорилось, а повествовалось, как тушканчик разочаровался в жизни, стал мелким асоциальным элементом и попал в нравственные сети коварной крысы Крысы. И вместе они стали азартно тырить зерно из хозяйских закромов. Но, как и полагалось, коварная Крыса подставила Хохо, скрылась с награбленным, а Тунчик оказался в крысоловке и теперь ожидал заслуженного шкуродера. Злоключения Хохо вызывали в зале сочувствие.

– Подруги отвернулись, оставили друзья, и перед ним предстала костлявая судья...

Уланов выпучил и скосил глаза в сторону долгорукой. Ценительница поэтов старой школы сдержалась.

Подобное случалось не так уж и редко, конфликты. К примеру, на конференции «Пищевая промышленность» повздорили приволжские сыроделы, на выставке «Фурнитура-16» швея порвала платье другой швее, про драки кинематографистов на «Кочерыжке» можно и не говорить, так что я не особо удивлялся, надеясь лишь на то, что все ограничится относительно мелким дебошем.

На сцене между тем намечалась некоторая авария – котик Жо, описывая широкую дугу, запнулся за провод микрофонной стойки. Жо сбился с пути, зацепился за Дросю, они упали и стали барахтаться, возмущенно жжикая моторчиками. Дрося ерзала на спине, а свалившийся сверху котик лупил ее лапами по голове. Дрося ошалело верещала.

– Нормальненько, – сказал Луценко. – Я недавно в театр ходил на «Грозу», там вообще на заборе трахались.

Сидевшая рядом пожилая заведующая поглядела на нас с осуждением.

– Вам что, билетик сделать? – спросил Луценко.

Пожилая заведующая отвернулась. В жизни мне удивительно везет на хамов, я их словно притягиваю. Чтобы отвлечься от неприятной реальности, я стал делать вакуум и напрягать камбаловидные мышцы, но это не помогало; утконос Кирилл с трудом пытался перевернуться со спинки, но, похоже, заряд его батареи иссякал, так что утконос только греб воздух лапами. Пластмассовый шар отрешенно подпрыгивал и хохотал все залиvistее. Весь этот казус развивался вне поля зрения Уланова, увлекшегося чтением своих стихов.

– Мать умывает руки и протирает стул, и в двери входит Хохо, раздавлен и сутул...

– Не нажрался ли наш Видоплясов? – поинтересовался Луценко.

Голова начала слегка побаливать, мне показалось, что я уже сидел в этом зале, на конференции библиотекарей модельных библиотек, хотя, конечно, это так и было, я много раз присутствовал на подобных мероприятиях и нередко бывал раздавлен и сутул.

Дрося, извиваясь, почти высвободилась из объятий котика Жо, все, наверное, обошлось бы, обошлось, но роковой удар нанес утконос Кирилл.

Долгорукая заведующая кипела, словно разыгрываемое представление каким-то образом относилось к ней лично, на ее лице всплывали выпуклые малиновые пятна, под кожей словно нерестились рубиновые черепашки.

– И понял тогда Хохо, запнувшись за порог, пришла пора седаю собираться в Таганрог...

– Все-таки нажрался...

Луценко снимал на телефон.

Утконос Кирилл, аккумулировав в себе последнее электричество, сумел перевернуться на пузо. Однако задние лапы у него окончательно перестали шевелиться, и теперь утконос, судорожно вздрагивая, полз на передних. В сторону Дроси и котика Жо. Глаза его, сигнализируя о низком уровне зарядки, моргали желтым цветом.

– Давай, терминатор! – крикнул кто-то из зала.

И Кирилл не подвел. Он приблизился к своим электрическим товарищам, замер на секунду, будто собираясь с силами, затем встопорщился сзади на котика Жо.

Зал восхищенно вздохнул.

– Это лучшее, что я видел в жизни, – сообщил Луценко. – Эссбукетов! Жги!

В этот раз Кирилл, Дрося и Жо составили композицию вполне себе недвусмысленную, хотя и противоестественную по сути.

В зале уже хохотали вовсю. Долгорукая сидела, окаменев. Луценко, давясь смехом, снимал на телефон. Куклы на сцене старались вовсю. Дрося верещала, котик Жо дрыгался, придавленный Кириллом, сам Кирилл совершал поступательные движения и сверкал глазами. Шар подпрыгивал и гоготал, возгоняя в зале новые волны зрительского смеха.

Я осторожно нашел в зале Милицу Сергеевну. Она старалась сдерживаться.

Все эти конвенции праноедов и съезды пчеловодов изначально несут в себе заметный сюрреалистический компонент, но иногда... Иногда реальность окончательно сдается под человеческим натиском, оседает, и давно будничный Кафка обретает не только дух, но голос и плоть. Я был здесь, был.

К сцене выскочила та самая девушка, рослая, застрявшая вчера в дольмене. В руках у нее была фотокамера, и застрявшая уже открыто снимала то поэта Уланова, то кукольную свадьбу, то долгорукую заведующую.

И та не выдержала.

– Прекратите! – она вскочила с места. – Прекратите же! Вы разве не видите?! Вы не видите, что он пропагандирует?!

Долгорукая взбежала на сцену и оттолкнула Уланова от микрофона. После чего напала на кукол и принялась их топтать. Уланов, кажется, впал в некоторое оцепенение, стоял и смотрел с печалью. Милица Сергеевна поспешила на сцену, но не успела – долгорукая с хрустом раздавила и Дросю, и котика Жо, и утконоса Кирилла; верткий прыгающий шар избежал расправы, но прыгать и смеяться перестал. Милица Сергеевна схватила долгорукую за плечи и вытолкала за кулисы, но было поздно – куклы лежали недвижимо.

Грустный финал.

– Экий Расемон, – задумчиво произнес Луценко.

Я вздрогнул.

– Что?

– Смешно, говорю, – сказал Луценко. – В этот раз что-то... слишком.

Луценко хмыкнул. Из-за кулис раздался завывающий крик. Я представил, как Милица Сергеевна бьет долгорукую головой об стену, и подумал, что это, безусловно, правильно.

– Кабуки-стайл, короче, – добавил Луценко.

Уланов снял оранжевый цилиндр.

– И в замолчавшем мире, где нет прямых дорог, идут рука2 об ру2ку утенок и бульдог.

Так закончил свои стихи Уланов.

– Я же говорю, – кивнул Луценко. – Все так и есть. Люблю тебя я, мама, и стираю стул. Ваня, жги!

Но Уланов удалился, а Милица Сергеевна вернулась, она была слегка взъерошена, словно на самом деле боролась с долгорукой и победила не без усилий.

– Откройте окна! – попросила Милица Сергеевна. – Душно...

Несколько человек кинулись открывать окна. Милица Сергеевна поглядела на раздавленные игрушки.

– Коллеги! – как можно жизнерадостнее сказала она. – Коллеги! Хочу объявить, что наша конференция подошла к концу! Программа выполнена... И даже перевыполнена...

Милица Сергеевна посмотрела в сторону кулис, выдохнула. Она явно наметила куда более объемную речь, но, похоже, административное усердие ее окончательно покинуло.

– А сейчас у нас традиционный банкет!

Заведующие захлопали и стали подниматься с мест, банкет – дело святое. Я сам люблю банкет, но сегодня на него не хотелось.

– Гусару придется доплатить, – Луценко указал на обломки игрушек. – Или на фиг его пошлем?

Утенок и бульдог.

– Давай пошлем, ему все равно деваться некуда. К тому же он сам виноват.

Луценко жадный, это слабость.

– Я подумаю, – пообещал я.

Заведующие быстро выходили.

– Ладно, я пойду, прослежу, – Луценко указал на выход. – Последний дюйм, он трудный самый.

Луценко поспешил за заведующими, скоро я остался один в пустом зале.

Воздух постепенно успокаивался, пыль оседала на кресла, сами кресла поскрипывали, и за кулисами что-то скрипело, словно Милица Сергеевна продолжала там страстно душить долгорукую скандалистку. В театре в это время на сцену выходят сосредоточенные работники сцены, но у конференций своя специфика – на подмостки выбежала кошка. Села под микрофонной стойкой, стала было чистить шерсть, но электронный шар неожиданно подпрыгнул. И кошка подпрыгнула и шарахнулась прочь. Ладно.

Полдень. Цикады запускались на пик, разогретые улицы опустели и дышали битумом, пахло выгоревшей хвоей, хотелось к морю, в сторону Джугбы прошел вертолет.

Я вышел из конференц-зала.

Во внутреннем двореке всюду шумела музыка, пахло кебабом, зеленью и печеным хлебом.

Банкетные столы размещались буквой «П», Уланов и долгорукая были рассажены на разные концы стола вне прямой видимости. Долгорукая успокоилась, но на всякий случай Милица Сергеевна держалась рядом с ней, а вот по правую руку от долгорукой сидела застрявшая в дольмене. Думаю, это устроил Луценко. Возможно, ему хотелось пошалить, впрочем, это могло получиться и не нарочно, я знаю, есть такие дни, когда все валится из рук и происходит не так, как надо.

Банкет развивался быстро и как полагается: заведующие пили коньяк, вино и водку, закусывали шашлыком, хлебом, жаловались на недостаточное финансирование и одновременно поднимали тосты за администрацию своих муниципальных образований. Долгорукая сидела смирно, скрипела вилкой по фарфору. Шашлыком она пренебрегала, однако водку приветствовала, закусывая огурцом и петрушкой, горько морщась после каждой рюмки. Девушка же, застрявшая в дольмене, разобравшись с горячим, захотела еще и духовной пищи – после очередного тоста объявила, что не разделяет столь критического подхода к современной детской поэзии, да что там, она сама немного детский поэт и уверена, что сейчас в этой сфере происходит много интересного. И что Уланов вполне себе ничего, не худший, в сущности, вариант.

Долгорукая на это ответила, что она сама доктор наук, а из-за таких стихов, как у Уланова, наши дети вырастают убийцами и извращенцами. Уланов на дальнем конце стола подавился водкой, на лбу у него проступила секундная решимость, отчего я испугался, что сейчас-то он прочитает свои известные и крамольные «Раскопки в Муми-доле». Но то ли Уланов смирился, то ли Милица Сергеевна в просьбе не раздувать была убедительна, то ли его действительно сморило разгулявшееся к полудню солнце, не знаю, но Уланов промолчал и стал обреченно есть.

Я добыл на тарелку замысловатый двухэтажный бутерброд и налил в фужер минералки. Аппетит не радовал. В обед я обычно беру барабулю, сладкую паровую кукурузу, печеные помидоры и перец гриль, мидий в сливках, иногда лаваш с кебабом, компот с мятой и льдом; сегодня – бутерброд с поплывшим сервелатом, мягким сыром и маринованными огурцами, какой уж тут аппетит.

Сам Луценко сидел напротив меня и громко рассказывал упругой норильской воспитательнице про свою тетку, которая в позапрошлом году получила грант на закупку специализированной мебели.

Я достал телефон.

«Бездна Эридана».

Обновлялась не чаще раза в неделю, чрезвычайно успокаивала нервы, на этой неделе, впрочем, не проверял. Путешествие по войду в реальном времени, двадцать световых лет в час, изображение на экране не менялось с самого запуска программы, звезды сквозь багровую муть

просвечивались слабо, при полете с такой скоростью продолжительности жизни не хватит, ты будешь лететь тысячу жизней, но звезды так и не сдвинутся.

Все выпили еще, и застрявшая в дольмене уже громче повторила, что стихи современных детских поэтов отнюдь не плохи, на что долгорукая заметила, что это не стихи, а полуграмотное озвучание фантазий Смердякова.

Уланов это, разумеется, услышал. Нехорошо, Уланов все-таки смирный поэт, всегда готов приехать, выступить, подписать книги и провести творческий вечер в сельском клубе, я его ценю. Все за разумный прайс и никогда не нажирается, в отличие от предыдущего Шарикова, слабого по этой части.

– У меня тридцать лет стажа! – внезапно объявила долгорукая и вызывающе поднялась со стула. Милица Сергеевна предупредительно схватила ее за локоть.

– Как надоела эта старая сука! – достаточно громко и отчетливо сказал Уланов.

Уланов не только поэт, но еще и некоторый галант. И в съездах всегда участвует со всеобщей пользой, но в этот раз получилось иначе.

– У меня тридцать лет стажа! – снова воскликнула долгорукая, рывком высвободила локоть и, продолжая движение плечом, ударила застрявшую в дольмене локтем в лицо.

Я вспомнил, что долгорукая приехала, кажется, из Копейска.

Застрявшая в дольмене опрокинулась со стула и теперь лежала на бетоне, закрывшись ладонями. Из-под них текла кровь, и, когда она отняла ладони от лица, обнаружилось, что нос смотрит заметно в сторону. Для застрявшей в дольмене выдалась не лучшая поездка.

– Месть психопатки! – громко сказал Уланов.

– Прекратить! – закричала Милица Сергеевна. – Прекратить немедленно!

Долгорукая убежала.

– Убью, – отчетливо пообещала застрявшая в дольмене.

Она села, ошарашенно трогая сломанный нос. Банкет, впрочем, не прервался. Милица Сергеевна протерла лицо застрявшей в дольмене платком.

– Эту суку надо в дурдом, – снова сказал Уланов.

– Друзья! – Луценко постучал вилкой по фужеру. – Давайте продолжать!

Все стали продолжать. Минут через десять подъехала полиция. Долгорукую вывели под руки, она рыдала. Застрявшая в дольмене с лицом, превратившимся в синяк, писала заявление на краешке стола. Милица Качерян налила себе водки. А я думал, что все это на самом деле не есть хорошо, из-за этой сухопарой дуры следующие конференции могут оказаться под вопросом, понятно, что мы ни при чем, но общее впечатление...

К тому же человек десять все это успели заснять, и хотя Милица Сергеевна настоятельно просила не афишировать, я не сомневался, что уже афишировали.

Так оно и оказалось, ухмыляющийся Луценко подтвердил, что вовсю лежит, называется «Замес воспиталок» – неплохо получилось. Я смотреть не стал. Настроение испортилось. Хорошо, что к четверем приехал «Епископ Монк», слегка развеселил меня своими гусями, и гостям, кажется, понравилось. Две молоденькие воспитательницы из Фурманова исполнили весьма пикантно ирландские танцы, а одна постарше из отдела комплектации подпевала. Остальные хлопали и смеялись.

Да, настроение слегка улучшилось, к тому же оказалось, что я ошибался – после окончания банкета и концерта за контактами ко мне обратились гораздо больше заведующих, чем я рассчитывал. Луценко, хихикая, отметил, что всем пришелся по вкусу наш праздник, и потом, согласись, приятно, когда в обезьянник отправляют не тебя, а ближнего. В гостевой дом я вернулся к семи.

Подумал, не окунуться ли в бассейн, но вспомнил про планы с блондинкой, принял душ и поспешил к ужину в главный корпус.

Блондинки в очках не было, на раздаче старалась вычурная девица с бугристыми коленками и недостаточной фигурой. Я опечалился и заказал пюре и рыбу, она без вдохновения принесла; пюре положила мало, а рыба оказалась минтаем, горек минтай, если не под маринадом, горек и пересушен, хвост пожелтел и впитал жженое масло. Минуты три я из принципа пытался расковырять рыбу ножом и частично преуспел, однако аппетит после этой борьбы окончательно утратил. Пюре оказалось неряшливо размазано по тарелке, и попробовать его я не решился, поскольку заметил, что скудная девица, подавая пюре за соседний стол, слишком уж нависает над тарелкой своим отталкивающим корпусом.

Я вышел из-за стола и направился к себе, намереваясь выпить в номере какао без сахара, и в лаундж-зоне близ своего корпуса увидел страшное: блондинка в очках переоделась в розовую футболку, короткие шортики и, как я люблю, заплела волосы в косу, сидела в шезлонге на берегу бассейна и тянула из пластикового стакана мутное пиво, рядом с ней в пластмассовом зеленом кресле раздувал кальян черноглазый Спартак. Блондинка вытянула ногу в шлепанце, потыкала пальцами в колено Спартака и сфотографировала себя на телефон, после чего мгновенно мне опротивела. Мне стало стыдно за себя и свой инфантильный романтизм, я мгновенно прозрел и увидел, что очкастая недостойна ни поездки к ключам, ни Черногории, ни приглашения в «Вердану», гнусная невыразительная хабалка, как я мог так ошибаться.

Я посмотрел на нее с презрением, после чего поднялся на третий этаж. Сучка. И уши не такие уж и приличные.

В оскорбленных чувствах я лег на диван в номере, достал телефон. Пожалуй, пожалуй, пожалуй...

«Водопады Нибиру».

«Современный Прометей».

«Водопады Нибиру» или «Современный Прометей»?

Решил с «Водопадов».

Вчерашний день был, как обычно, насыщен, сообщалось о массовой гибели невинных морских животных на Камчатке, о том, что термобелье наблюдает за своими владельцами, а над Челябинском замечены квадратные облака, Солнечная же система имеет форму круассана. Про Солнечную систему я на всякий случай посмотрел подробнее, оказалось правда. Я не знал, как к этому относиться, решил, что это к добру, и перешел к Прометею.

Прометей работал по Эквадору. Фирменно гундя в нос, сообщил, что наконец-то ему доставили долгожданный лот из Южной Америки: Бразилия, Аргентина, Эквадор, Перу, Чили. И сегодня зрители канала смогут оценить северный Эквадор.

Фабрика образована в конце девятнадцатого века, принадлежала сначала американцам, затем перешла во владение национального капитала. Традиционное производство сохранено, продукция выпускается на станках девятнадцатого века, разумеется, в соответствии с современными требованиями безопасности. Коробка стандартная, пять-четыре-один, этикетка не распечатана, а наклеена, что ценится гораздо выше. Абразивная часть сплошная, тактильно однородная, без посторонних вкраплений. Коробок с выраженной фанерной упругостью, картонная вялость практически отсутствует. Наполненность достаточная, визуальный осмотр предполагает классические четыре десятка. Процент инверсии невелик, не более трех. Качество высокое. Древесина ровная, головки стандартного размера, нет сдвоенных экземпляров, нет мегацефалов, нет непропитки. Первое впечатление положительное, приступаем к палу.

Прометей достал из коробка спичку, взял ее в щепоть, коротко чиркнул по абразиву.

Пламя оранжевое, чуть с зеленым оттенком, характерным для латиноамериканской школы. Горение равномерное, продвижение от головы к комлю последовательное, без рывков. Время горения под наклоном в сорок пять градусов порядка десяти секунд, что опять же характерно для Западного полушария.

Первый пал. Второй. Третий. Четвертый. Дилетанту доступно два основных способа запала: детский и способ курильщика. Дети, как правило, чиркают по коробку, взрослые и курильщики ударяют спичкой в абразивную полоску. Прометей использовал до десяти способов, впрочем, в своих роликах он предпочитал классику.

Мастерство Прометея заключалось в том, что он мог исполнять пал совершенно ловко, отчего спички в его пальцах чудесным образом горели не десять, а все тридцать секунд, давая при этом красивое культурное пламя. В отличие от конкурентов, добивавшихся эффекта долгого горения жалкими приемами вроде верчения спички или плавного ее колебания, Прометей формировал язычок, практически не двигая пальцами, на работу мастера такого уровня можно было смотреть часами.

Огонь то горел безмятежно, шевелясь лишь по краям, то вовсе замирал, словно замерзая и превращаясь в золотую драконью чешуйку, то вдруг оживал, извивался и двоился, как язык ящерицы. Огонь.

Прометей зажигал спички.

Жарко. Я нашел пульт и выкрутил на всю мощность кондиционер, и едва успел ощутить на щеках сухую честную прохладу, как в дверь постучали.

Я открыл.

– Добрый вечер, – сказала очкастая.

Я кивнул. Совершенно не хотелось ее видеть, от нее пахло кальяном и мокрым Спартак-ком.

– Вам посылка.

– Что?! – удивился я.

– Посылка. Днем курьер привез, мы расписались.

– От кого?

Блондинка пожала плечами и протянула небольшую коробку, оклеенную почтовой лентой.

– А курьер от кого?

Блондинка зевнула.

– Не знаю, это Марина получала.

Я взял коробку. Грамм восемьсот. Встряхнул. Тихо. Ничего. Никаких звуков.

– Точно мне?

– Вам, – заверила блондинка. – На ваше имя, вот тут написано.

Блондинка указала ногтем в коробку, покрытую иероглифами. Я сощурился и всмотрелся в надписи. На коробке имелось мое имя, отпечатанное латиницей, остальную грамоту действительно составляли иероглифы – вроде китайские, хотя не наверняка. Недавно заказывал козырьки для велосипедного шлема, может, пришли.

– Спасибо, – сказал я.

Блондинка мыкнула и пошлепала к лестнице. Я закрыл дверь и сел на кровать.

Надо было соглашаться на застрявшую в дольмене. Она хоть и рослая, но в целом ничего. Теперь остался безо всего, впрочем, сам виноват. Если застряла в дольмене, значит, любознательная, а я люблю любознательных, они склонны к авантюрам.

Я вышел на балкон. Море воняло канализацией, а ветер погребом, цикады молчали, с юго-востока медленно восходила туча, молнии прорезали ее, как вены, и вода в туче подсвечивалась красным, и сама туча напоминала опухоль. В июле в городе привычно отключили воду, и я с удовольствием перебрался в Голубую бухту, на Васильковую.

Глава 2

Пырленка моей души

Я так и не уснул в ту неприятную ночь. За окном собиралась гроза, но сил взойти на берег не нашла, ругалась и кашляла, часам к четырем туча окончательно сдулась и рассеялась в серую низкую вату.

Я лежал на диване и смотрел, как по потолку бродят угловатые злые тени. Коробка лежала на полу у двери. Изредка со стороны моря долетал гром, тени начинали бегать быстрее, но быстро засыпали, я тоже не отказался бы заснуть, в голове разливалась тяжесть, и проснуться в Черногории, в месте, где горные дороги, домики с белыми стенами.

Хоть сейчас. Недвижимости у меня нет, ничего нет, шенген открыт: сначала в Чехию, потом в Испанию, счета давно там, утром рейс до Москвы, дальше в Прагу, машину в аренду, и на юг, на юг, все дальше и дальше к югу... Черт с фирмой, закрою потом, переведу на Луценко, никогда чтоб не видеть, не возвращаться. Никогда.

Коробка у порога.

Я перебрался с дивана на кровать и старался уснуть там.

Едва рассвело, я достал из шкафа маску, ласты, пояс и подводное ружье, сложил в рюкзак. Иногда я выхожу на охоту: не то чтобы я подвох-подвох, но, случается, люблю понырять, взять десяток карасей, так, для уха – для жарехи. А по утрам самая рыба, а сегодня отличное утро для рыбалки, давление... наверное низкое. И так здорово запечь свежедобытую камбалу на решетке, сегодня лучшее утро для гриля и барбекю.

В корпусе спали все, в коридоре тихо, я подошел к двери, но открыть ее не смог. Я стоял перед дверью, смотрел на круглую ручку и никак не мог ее повернуть.

Я бросил рюкзак, вернулся на диван, включил ноутбук, так. Так, хорошо, хорошо, посмотрим, пусть...

«Астральный патруль».

«Пчак-хвон-до».

«Виджиляции Мишлена Квакина».

Пожалуй, с Квакина, точно, с Квакина, этот клоан веселит меня по утрам.

«Мишлен Квакин vs «Тунгус», ролик 109. Порой Мишлен был склонен к туповатому юмору, но на этот раз он не шутил – ресторан на самом деле так назывался. Заранее забронировав столик, Квакин прибыл в заведение в первой половине дня – в плохих ресторанах кухня в это время старалась вполсилы, и Мишлен всегда наносил удар в слабое место.

Все виджиляции Квакина базировались на четко выверенной схеме: коварный критик прибывал в ресторан, намеченный к порке, заказывал самое дешевое блюдо, а потом самое дорогое. Разумеется, первое блюдо готовили и подавали тят-ляп, а вот над вторым, дорогим, насторожившийся персонал старался. Отобедав, Квакин вызывал шефа и интересовался принципами сегрегации клиентов на платежеспособных и прочих. После этого первое блюдо исключали из счета, а в качестве извинения подавали еще одно, разумеется, дорогое. Выводы, представляемые в финальном ролике, зависели от глубины поварского раскаяния и стоимости продуктов, на это раскаяние потраченных.

Посещение «Тунгуса» разворачивалось по привычной линейке: Мишлен Квакин снисходительно дождался, пока официант уберет со стола стеклянные припасы, и стал, чуть кривя губой, изучать меню. Каждую позицию Квакин комментировал в свойственной ему саркастической манере, обращая внимание зрителя на провинциальную убогость кулинарного креатива, теоретическую несочетаемость компонентов, завышенную цену и явное заигрывание ресторана с пошлыми вкусами обывателей.

Ознакомившись с меню, Квакин попросил принести апельсиновый морс и салат «Цезарь с омулем и кедровыми орехами». Салат принесли быстро, и он, как случилось почти всегда, подкачал. Во-первых, копченый омуль был однозначно не байкальским, да и омулем он, собственно, не был, в лучшем случае сиг. Из этого самого жалкого сига в блюдо пошел не балык, а хвост и брюшки, жесткое вяленое мясо и желтый жир, воняющий не ольховой стружкой, но жидким дымом. Во-вторых, кедрового ореха в блюдо положили непростительно мало, а тот, что имелся, не соответствовал ресторанному уровню, и, скорее всего, это был кедр, приобретенный на развес за углом. В-третьих, листья салата подвяли и потемнели по краям, что свидетельствовало о нарушении правил хранения. В-четвертых, гренки были порезаны из батона и по вкусу соответствовали пенопласту. В-пятых, пластиковые помидоры. В-шестых, брынза вместо пармезана. В-седьмых, дешевое оливковое масло и дилетантский яблочный уксус. Одним словом, «Цезарь» не являлся «Цезарем», а представлял из себя возмутительное хрючево имени Гекльберри Финна, такое могли подавать в девяностые недострелянным челночникам в вокзальном гадюшнике.

Разгромив «Цезаря с омулем», Квакин подозвал официанта и поинтересовался, потомственный ли он тунгус.

Официант по виду был человеком ориентальным, но, скорее, азиат, чем сибирский житель, возможно, вьетнамец; он бесхитростно ответил, что тунгус, и тогда Квакин спросил, как его зовут. Официант растерялся, поскольку явно не знал тунгусских имен, Квакин же заявил, что поскольку ресторан называется «Тунгус», то повар и официанты должны быть соответствующей принадлежности, а если это не так – то имеется сущее свинство и обман потребителя. В этот момент на помощь официанту подоспела девушка-менеджер, которая тоже оказалась не тунгуской, а вовсе Айгуль, на что Квакин заметил, что его мама пекла одноименное печенье, и сказал, что в этом заведении царит и процветает бардак и он это так не оставит. Салат – худший «Цезарь» в мире, он не смог его съесть, поскольку это не ресторанное блюдо, а форменный скотомогильник. После чего Квакин вернулся к меню и после недолгого изучения потребовал «Оленью вырезку, томленную в брусничном соусе». Айгуль к этому моменту уже поняла, что Квакин не просто так, и пообещала, что лично проследит за приготовлением.

Оленина в брусничном соусе была подана вовремя, однако Квакин покритиковал и ее, отметив, что в блюде не чувствуется заявленный по раскладке можжевельник, а брусничный соус выпаривается натурально, а не сгущается посредством крахмала. В целом Квакин отказался платить за салат, с олениной был согласен на 3/5, общая оценка 3, за отсутствие в штате хотя бы одного природного тунгуса минус балл. Айгуль в качестве компенсации предложила фирменный десерт «Метеорит», Квакин не стал отказываться, мне нравилось в Квакине то, что в каждой своей виджильяции выступал беззастенчивым скотом и никогда этого не стеснялся.

«Пчак-хвон-до».

«Пчак-хвон-до, урок 24».

Камера была установлена в казематном подвальном помещении, заполненном самодельными атлетическими снарядами. По центру с потолка на цепях свисала крышка от грузовика. В правом углу стоял черный бойлер, в левом углу располагался «юнион Джек» – прави2ло – особый прибор для развития нутряной сухожильности. Свет моргнул, послышался интригующий жестяной звук, и в кадр вступил Остап Висла, человек лет пятидесяти в трикотажных штанах. Висла придиричиво поправил камеру и объявил, что мы должны помнить, что в пчак-хвон-до первое дело – развитие сухожильности и любую тренировку надлежит начинать именно с этого, никак иначе, после чего Висла щедро осыпал себя магниезией и погрузился в прави2ло.

Как по мне, так больше всего «джек» напоминал любительскую дыбу. Ноги физкультурника зажимались в особых распорках, руками правимый хватался за веревки, и начинался процесс растяжки. Висла занял надлежащее положение, сдвинул чугунные противовесы, и его тут же раскорячило на тот самый британский флаг. Глаза мастера выпучились от напруги,

по покрасневшему лицу побежал крупный лошадиный пот, щеки затряслись, а шея натянулась узловатыми венами. Совершать прави2ло следовало вкупе с дыхательными практиками, поэтому, едва растопырившись в снаряде, Висла начал дышать. То ли от того, что все воздушные пути его оказались растянуты и пережаты, то ли так полагалось по стилю, но дыхание Висла производил сиплое и кудахтающее.

Я, как всегда, не смог удержаться от смеха. Собственно, за это я любил пчак-хвон-до – это было смешно. Вид Остапа Вислы, распяленного в «юнион Джеке», хаотически дрыгающего руками, ногами и корпусом, отчаянно при этом кудахтающего, мог насмешить швейную машинку. Кроме того, я, каждый раз запуская канал Вислы, надеялся, что мастер завязнет-таки в прави2ле и станет просить вызволения от зрителей, и пару раз Висла был к этому близок, жаль, но в сегодняшний раз обошлось – подергавшись в станке несколько минут, Висла освободился и сказал, что разминка закончена и он приступает к демонстрации приемов. И сегодня он покажет своим ученикам технику работы в партере.

Я насторожил внимание – работа в партере предполагала наличие партнера, а обычно Висла свое искусство представлял в одиночку, указывая на то, что техника пчак-хвон-до чересчур сокрушительна для спарринга, а он гуманист.

Висла удалился из кадра, снова что-то грохнуло, и мастер втащил в кадр человека, обряженного в камуфляжную форму. Я немного испугался, что окончательно спятивший сенсей Висла прикончил бедолагу, решившего вживую ознакомиться со смертоносными приемами пчак-хвон-до. К счастью, мои опасения оказались напрасными – Висла объявил, что это всего лишь борцовский манекен, его отныне верный помощник, зовут же его Струмент.

За это я люблю пчак-хвон-до еще больше, особенно с утра.

Висла повторил, что это его помощник Струмент, после чего применил к Струменту подножку, уронил его на пол, победно вскрикнул и нанес несколько торжествующих ударов локтем в голову противника. Струмент был однозначно повержен.

Остап поднялся и сказал, что против этой техники бессилён любой супостат и он, Остап, мог бы продемонстрировать навыки на всяком, кто осмелился бы принять его вызов, но, к сожалению, кодекс пчак-хвон-до это решительно возбраняет, поскольку приемы слишком смертоносны. Поэтому приемы он показывает исключительно на неживом противнике.

Остап привалил манекен к стене и объявил, что сейчас он явит технику работы с яварой. Висла взял явару, принялся напрыгивать на манекен и наносить короткие удары в корпус и голову. От тычков на корпусе Струмента оставались заметные впадины, Остап пырлял манекен с нарастающей яростью, истязаемый Струмент вздрагивал у стены, стойко не падал, хотя доставалось ему немало.

Запиликал телефон, Остап остановился, ответил и немедленно выбежал, забыв выключить камеру. Струмент стоял, привалившись к кирпичу.

Я ждал возвращения Вислы, но он не торопился, камера продолжала снимать подвал. Странно, но напряжение в кадре необыкновенным образом увеличивалось, казалось, что сейчас произойдет... не знаю. Несмотря на статичность кадра, сцена выглядела необъяснимо динамично, я стал думать – случайно ли это, так ли прост Остап и не являются ли его сюжеты тонким троллингом зрителя.

Струмент упал.

Я вздрогнул.

Манекен...

Манекен лежал лицом вниз, неудобно вывернув руку. Урок 24 продолжался.

Может, это на самом деле урок? Может, таким образом Висла транслирует некий понятный не каждому месседж?

Со стороны моря послышался долгий гудок, я оторвался от подвала Вислы и выглянул на балкон.

Танкеры на горизонте, «Марии-2» нет, «Тубагача» нет, где ты мой «Тубагач»...

Яхта. Примерно в километре от берега качала мачтами. На якоре. Небольшая, парусная, похожая на длинный ивовый лист, в Черногории у меня будет такая же, чтобы не ночевать на берегу. Я устал от берега, здесь всегда чувствуешь себя прикованным, свобода там, вдали.

Урок 24 продолжался, мне почудилось – манекен слегка приблизился, на полметра...

Висла надоел.

«РСР против».

«Берцы Империи».

«Выбираем дом сами».

Выбираем дом. Я не мог понять, нужен ли мне дом. Дом привяжет, дом – это поводок, никогда не живи на поводке, на хрена мне вообще дом? Я хотел с подвалом. Иметь свой подвал, что может быть лучше? Аквариум, хай-энд, диван с пледом, холодильник, телевизор. На фиг дом, яхта. Надо решиться. Достать и сжечь. Ничего сложного. До пепла, до праха, в сажу. Утенок и сколопендра. Пепелко и бульдог, каждый год примерно три человека попадают в окрестностях Геленджика под осыпь или под отдельные камни... Все же хорошо вроде было – и заведующие, и Милица Сергеевна, и поэт Уланов с Дросей Ку, и скоро конвенция-ЗОЖ. Луценко хочет впрыгнуть в мои остывшие берцы, вечером бы в «Вердану», сегодня бы уехал, а потом Черногория, и дальше, зачем открыл дверь?

«Секреты пастилы».

«Гандрочер Кох».

«Старые мастера».

«Жизнь на полтос».

Пожалуй, Кох.

«Гандрочер Кох» начинался с дисклеймера, извещающего, что все материалы канала носят иллюстративный характер и целью авторов не является разжигание национальной, религиозной или политической розни. После предупреждения появлялся сам Кох, мужчина неразличимой внешности в оливковой военной форме и солнцезащитных очках. Кох объявлял тему выпуска и рекомендовал убрать от экранов женщин, людей с неустойчивой психикой и либералов, сегодняшняя тема звучала как «ППС» против «ЗИЛа».

Я сразу подумал, что против «ЗИЛа» не потянет даже пистолет-пулемет Судаева, однако выяснилось, что «ЗИЛ» – это не грузовик, а всего лишь холодильник.

Съемки проходили на стрельбище и особым разнообразием не отличались – обычно Кох рассказывал о характеристиках выбранного оружия, а потом из этого оружия расстреливал провинившийся предмет. Мне больше всего нравился выпуск «Моя Икра», в котором Кох безыдейно скрошил из автомата «стэн» два центнера кабачков, и выпуск «Мсть Тотошки», где Кох простреливал из разных видов оружия выставленные в затылок друг другу книги по личностному росту.

Но сегодня пробил час холодильника.

Кох отметил, что «ППС» сохранилось меньше, чем «ППШ», найти его в рабочем состоянии весьма непросто, но ему повезло. И с холодильником повезло – на даче у Коха имелся «ЗИЛ», который сам Кох сызмальства ненавидел. Этот «ЗИЛ» привезли на стрельбище и слегка вкопали в песок, затем Кох снарядил патронами три магазина и приступил к упражнениям. Первый же патрон заклинило. Кох сказал, что это периодически случается, машинка рабочая, поучаствовала и поэтому такие казусы простительны. Кох сменил магазин, но патрон застрял и во второй раз. Кох занервничал и снова сменил магазин. С третьим приключилось та же досада.

Кох расстроился и заявил, что «ППС» ломучее дерьмо. На этом ролик неожиданно оборвался, хотя, как правило, Кох любил заканчивать свои видео определенной моралью, но в этот раз обошлось без нее.

В «Старых мастерах» морали не предусматривалось вовсе. Канал вела Ирина Сабурова-Фатяж, ветеран здравоохранения. В свежем выпуске Ирина встречалась с пожилым балалаечником, всю жизнь прослужившим в областной филармонии. Балалаечник выглядел на свой возраст, близорукий, но в целом ничего. Ирина изложила маэстро условия, он после некоторых колебаний согласился и подписал отказ от претензий. Уладив формальности, Ирина со счастливым видом отправилась в сторону ближайшего мегамолла...

Не то.

Не то, сегодня и Кох, и Ирина явно фальшивили, ролики были чересчур постановочными, китчево, они слишком старались превзойти свои прежние классические выпуски, отчего теряли присущую им ранее искренность.

Яхта.

Какой дурак в такую погоду выйдет в море? Ночью гроза, ветер, прохладно, зачем тащиться в море, пережидать там ночь под грозой, зачем там эта яхта?

«Жизнь на полтос».

Я предсказуем.

Я вдруг ослепительно ясно это понял. Они на это и рассчитывали. Те, кто прислал коробку. Что я запаникую, перепугаюсь и попытаюсь от нее избавиться. Побегу к морю, набью коробку камнями и попробую ее утопить...

И там меня дождутся.

Зачем там эта яхта? Тут никогда не было яхт...

Кому это надо? Федор? Ничего про него не знаю, ничего не слышал. Хазин? Лет пятнадцать назад что-то слышал вроде: Хазин переехал в Израиль, разумно, с Эйлату выдачи нет, Хазин не дурак, Хазин свой маневр знает, хитрым угрем в песок.

Я не сомневался, что они ждут меня на берегу.

Светлов? Вряд ли...

Роман. Почему бы и нет? За ним я, помню, пытался проследить. Впрочем, без особого успеха. «Курень Большака» распался, отец его, кажется, умер, а про самого Романа ничего не известно. В соцсетях отсутствует, в новостях не отмечался, ИП не открывал, Романовых в Сети полно, но ни один из них не Шмуля.

Отправитель посылки должен обладать известным ресурсом, не думаю, что материалы того дела доступны, хотя в наши дни...

Механошин? Слишком глуп, слишком стар. Он и тогда был стар, а сегодня уж лет семьдесят с прицепом, не до скачек.

Крыков? Ерунда. Слабоват. Да и тоже исчез.

Елбасы-беобахтер.

Разрыто.

Токсичная мать.

Луценко? Теоретически не невозможно. Миша – мальчик смысленный и просчитанный. Наверняка имеет досье. Но... вряд ли про тот случай что-то можно нарыть. Да и случай, мягко говоря, для стороннего человека никакой, и если Мишенька по своему чутью за него зацепился, никаких вменяемых выводов по нему сделать нельзя. Да и зачем? Отжать мою жалкую фирму? Слишком сложно, для этого есть пути короче и надежней. Но на сто процентов исключать бы не стал, кто его, Мишу, знает.

И почему именно сейчас?

Конечно, в коробке улика. Только улика чего? И если улика, то почему именно мне? Я абсолютно частный человек, с мелкими частными интересами, у меня нет нужных связей, у меня в голове Милица Сергеевна, Будва и почти случилась безмозглая блондинка, мое место не здесь. Зачем мне эта коробка, куда я с ней пойду? Я не смогу пристроить это даже в Интернет,

а если бы и смог, то все равно всем плевать, всем плевать на вчера, позавчера забыто, а то, что случилось семнадцать лет назад, того не было вовсе. Если теоретически...

«Режу мыло». Режу-режу мыло.

«Сокровища старого шкафа».

«Шлем-болтуня».

«Квазилла и Револьверц».

Теоретически это мог быть... Я забыл его фамилию. Чучельник. Тот самый. Чучельника Рома тогда вроде бы подозревал... кого подозревать, как не чучельника? Зачем чучельнику отправлять мне посылку? Вряд ли он вообще жив. Он и тогда не очень выглядел, опасная работа... сделал чудесное чучело волка...

В январе был съезд любимых мною миниатюристов, я видел там похожее. Произведение искусства. Взяли нутрию средних размеров, сделали макет, чтоб рыло подольше, а глаза поярче, залили прозрачным эпоксидным аквамарином, получилась нутрия в океане. А напротив подводная лодка масштаба нутрии. Нутрия прет на лодку, а лодка выпускает в нутрию две торпеды. Называется «Гангут», какой-то мастер из Волгограда. Ничего, кстати, не получил, миниатюристы – поразительные ретрограды и такие сюжеты не ценят. Чучельник мог отправить посылку. Они травят шкуры своих нутрий едучей китайской химией, со временем от этой дряни мозг прокисает и превращается в поролон, старые чучельники как старые моряки – не дружат с крышей... вернуться бы в январь.

Море.

Яхту качало на мелкой утренней волне, парус они до сих пор не подняли, видимо, спали, а может, завтракали, пили кофе с тостами, думали, куда пойдут сегодня, Господи, как же я так хочу...

«Molot Beriyi».

«Мир Дырчиков».

«Зловещие Кукрыниксы».

«Эпоксидные зори».

Случалось, «Molot Beriyi» крыл «Пчак-хвон-до» как Хохо Тунчика. Канал вел студент первого курса филиала Академии имени Тимирязева Ильяс Бухтияров. Ильяс носил кожаный плащ и передвигался на черном мотоцикле К-75 с коляской. Мотоцикл назывался «Сталинец», на нем Ильяс объезжал город и область, отыскивал коммунальные язвы и бичевал их посредством сатирических репортажей. В конце каждого ролика Ильяс весомо вопрошал зрителя – что нужно сделать с этими нерадивыми товарищами, сбившимися с торной дороги построения социалистического общества. После чего извлекал из кармана плаща трубку, раскуривал ее и уже вполне не риторически отвечал с характерным акцентом: «Расстрелять!»

На сегодняшнем видео Ильяс проверял состояние пекарни в поселке Заречье. Деньги на реконструкцию были выделены из бюджета еще в прошлом году, и народный наблюдатель от лица своих подписчиков хотел проверить их освоение. Ильяс долго пробирался в Заречье на «Сталинце» по лесным и проселочным дорогам, но неожиданно приехал в какое-то постороннее Юбилейное. В Юбилейном не было пекарни, ФАПа, школы, там ничего не было, кроме восьми старух и сломанного колодца. Ильяс засучил пролетарские руки и от имени Третьего Интернационала почистил колодец, поправил сруб, подтянул цепи и барабан. Старушки дружно благодарили своего помощника, а Ильяс закурил и спросил у них, как надо поступить с теми, кто довел Юбилейное до такого плачевного состояния. Бабушки задорно крикнули: «Расстрелять!» Неплохо, а «Мир Дырчиков» сегодня не порадовал.

Ведущий МД рассказывал о восстановлении восточногерманского «Симпсона», купленного на барахолке. «Симпсонов» на ходу осталось много, и ничего оригинального в ролике не присутствовало, ведущий и его подмастерье чинили мопед без огонька; матерок, обычно органично вплетаемый в инженерный рисунок реставрации, сегодня был холоден и неуместен.

В прошлый раз они починяли китайский клон «Суперкаба», и подмастерью вырвало ноготь на мизинце, это было и познавательней, и веселее. Я надеялся, что случится хотя бы мелкая драма, но восстановление мопеда прошло бесппроблемно, в конце он завелся и поехал.

Вот и выходной. Конференция закончилась, сегодня я должен был отправиться в горы к целебным источникам, там свежий хлеб и майский мед, форель в пряных травах, раки с фенхелем, полезный для здоровья айран, минералка еще более полезная, сухой воздух, который потрескивает в легких, я давно собирался туда и сегодня после обеда обязательно бы поехал.

Коробка.

Хорошо бы проверить Хазина и всю эту компанию.

Коробка.

Понятно, что просто так от нее не избавиться. Тушканчика поймали и вот уже ведут...

Выглянул в окно. Возле бассейна лежали. Раскладывали подстилки и полотенца, укрепляли зонтики, я подумал – зачем им зонтики, если облачность, но вдруг понял, что никакой облачности нет, растрепалась, теперь солнце и ветерок, и мерзкие отвислые бабы, каким-то образом они умудрились заполнить весь двор.

«Бесполезные машины».

«Фан-клуб Марыли Родович».

«Русский Дарвин».

«Пью мате возле воды».

Холодно. Кондиционер выстудил номер до звона. Восемь часов. На всякий случай посмотрел на часы дважды. Действительно, восемь. Потер голову, бессонницы мне еще не хватало.

Булькнул телефон. Луценко прислал вчерашнее выступление Уланова. Ролик успели перемонтировать, добавить слоу-мо, Сен-Санса и Вагнера, игривые субтитры и звуковые эффекты. Особенно удалась финальная сцена – долгорукая пуристка из Копейска страстно топтала электрических зверей под «Танец Смерти». Автор ролика сумел выхватить лицо пуристки крупным планом, и на этом лице кипела настоящая незамутненная ярость, а звуком шло густое тигриное рычание. Видео успело набрать пятнадцать тысяч просмотров и, я должен был признать, получилось смешным. То есть очень. Вчера бы я посмеялся.

Луценко писал, что до него с утра дозвонились из Рязани, Краснодара и Алушки, просят провести конференции для них и обязательно с Улановым: похоже, что Уланов общественность содрогнул. Луценко предлагал заключить с ним агентский договор из пятнадцати процентов и катать по выставкам и весям. Я ответил, что надо подумать.

Через пять минут Луценко ответил, что нечего думать, до него только что дозвонился столичный издатель и предложил опубликовать книгу про похождения Дроси Ку и Хохо Тунчика. Луценко издателя послал, сказал, что Уланов и Хохо Тунчик давно заняты. И теперь у Миши гениальная идея – начать издавать Уланова, у него стихов два пододеяльника, хватит лет на пять, рифмоплету платить три копейки, а самим всем володеть. Идея на сто миллионов.

Нет, на самом деле хорошая, как я раньше не додумался. Я ответил, что стоит, пожалуй, озаботиться и, пока Уланов не ступил на скользкий путь своего предшественника в деле покорения Москвы, реально заключить с ним контракт. Сунуть три тысячи в жабры и взять все его вопли на пять лет безо всяких роялти, пусть мужчина порадует. Велел Луценко заняться Дросей, пока я буду на выходных в горах.

Через десять минут Луценко сообщил, что дал Уланову две, ему за глаза, а Дрося теперь наша, хорошо.

Надо что-то делать, не сидеть; делать, достал банку с медом, съел две ложки. От меда тянет в сон, я быстро съел еще две. И на самом деле захотелось спать, но не настолько, чтобы уснуть, я полежал немного, массируя веки.

Ладно, попробуем прояснить.

Федор.

Федор Сватов, город Чагинск.

Подполковник полиции. Начальник отдела внутренних дел Чагинского района. Правительственные награды. Участник ликвидации стихийных бедствий. Член-корреспондент областной общественной палаты. Фото.

Федор на лыжах. Федор на охоте. Федор в мундире. Федор с алабаем. Федор где-то в горах, наверное, на ликвидации. Федор – член жюри спартакиады работников сельского хозяйства. У Федора изменилась голова, раньше она была более-менее равномерной округлости, а сейчас верхняя часть стала несколько нависать над нижней, а рот сузился и усох. Федор стал похож на прищельца. Подполковник. И это понятно почему – в полковники не назначают с внешностью мистера Грэя, только в общественную палату.

Федор. Зачем ему отправлять мне посылку? Он мог иметь доступ к вещественным доказательствам, наверное, мог изъять или подменить. Возможность у него есть. Но вот мотивация?

Федор подполковник. А на пенсию, наверное, хочет выйти полковником. Раскрытие старого дела...

Ерунда. То, что случилось в Чагинске, неинтересно никому, звезду за это не прибавят. Двадцать лет это никому не было нужно, Федор не звонил, не писал и не пытался меня найти. Такие игры для него слишком. Хотя... Федор мог и измениться, теперь он в общественной палате, член-корреспондент и разбирается в сельском хозяйстве. Наверное, столярит. Вырезает чаши из капа, а может, строит модели экскаваторов из бересты и спичек – всякий скот становится сентиментальнее в предвкушении пенсии.

Телефон.

Опять Луценко. Приезжала Милица Сергеевна, завезла коньяк. Извинялась. Ей очень стыдно. Подарила кружку из Барселоны, коньяк возьмет Луценко, кружка моя, по-честному? По-честному. Просила звонить, кажется, она на тебя, Витенька, запала. К этому предположению Луценко прицепил паровозик из смайликов. Ну да, Милица Сергеевна действительно ничего, да, есть возраст, лет на пять меня старше, но сохранилась превосходно.

Хазин.

Хазиных оказалось шестнадцать штук полных тезок. Из них четверо жили в Израиле, а двое в Канаде. Ни израильские, ни канадские Хазины не подходили ни по возрасту, ни по виду. Пришлось просмотреть наших. Среди российских Хазиных нужного не нашлось. Один из Липецка во многом соответствовал – совпадал возрастом, держал фотостудию и магазин самогонных принадлежностей, и я решил, что это действительно Хазин. Но посмотрел видео дегустации первача двойной возгонки и понял, что не Хазин – голос абсолютно другой.

Хазина не было. Неожиданно. Все, кого я знал, оставляли следы. Они могли не общаться в соцсетях, могли не писать отзывы и не заниматься предпринимательством, но про каждого можно было узнать хоть что-то. Что он окончил курсы системных администраторов, участвовал в конкурсе рационализаторов, победил в гонках на квадроциклах – следы в Сети живут десятилетиями.

Если только...

Хазин мог умереть. Я сам пару раз мог умереть, так что вполне себе да. Я набрал имя Хазина и слово «похороны».

Хазины умирали достаточно часто, семь, девять, двенадцать лет назад, их хоронили с почестями или за государственный счет, я стал было разбираться, но понял, что бред-бред. Если тот самый Хазин умер десять лет назад, посылку отправить он решительно не мог.

А вообще забавно – Хазин растворился.

Телефон. Луценко. Идея на грани гениальности пронзила его буквально некоторое время назад. Котик Жо похищает Дросю, тушканчик Хохо идет по пятам похитителя, впоследствии

Дрося и Хохо женятся. Я не удержался и спросил, как в эту схему вписывается утконос Кирилл? Луценко отключился.

Все-таки Светлов.

Про Светлова все ясно, но на всякий случай я посмотрел.

Успел вбить «Светлов Ал...», как поисковик автоматически перенаправил меня на иско-мый сайт. Экран на секунду погас, затем всплыли буквы.

«НЭКСТРАН. МЫ СТРОИМ БУДУЩЕЕ».

Я двинул мышкой, запустилась заставка.

Темнота отступает. По конвейеру огромного автоматизированного завода перемещается каркас, похожий на скелет акулы. Руки промышленных роботов добавляют к скелету сверкаю-щие детали, искрит сварка, вспыхивают и гаснут плазменные резаки, постепенно каркас обрас-тает плотью, и видно, что это космический корабль фантастических очертаний.

Ворота цеха открываются, свет, и вот уже корабль на стартовом столе, и к нему идут космонавты в сине-серебристых скафандрах. Старт. Луна под ногами, Марс по правому борту, полет к Юпитеру, прекрасный, как сон.

Посадка. Пламя Земли и лед Внеземелья. Первый человек в Дальнем космосе.

Всверлив знамя Земли в голубой лед кометы Понса-Виннеке, космонавт поднимает голову и смотрит дальше, и мы видим, что это дальше простирается по Млечному Пути.

Воняет. Все-таки не показалось, воняет по-настоящему, и этот запах не спутать ни с чем.

«БУДУЩЕЕ ВСТРЕЧАЕТ НАС. NEXTRAN INC».

Корпорация НЭКСТРАН – одна из крупнейших промышленно-финансовых групп на Европейском континенте. Фундаментальные исследования, включая создание группировки орбитальных лабораторий. Связь. Промышленная энергетика. Управляемый термоядерный синтез. Разработка интеллектуальных видов вооружений в рамках оборонной инициативы «Зеркало». Медицина завтрашнего дня. Создание транспортных систем нового поколения.

Светлов Алексей Степанович – глава совета директоров, крупнейший держатель акций, изобретатель, доктор физики, филантроп и благотворитель.

Фотографий Светлова было много. Светлов прыгает с парашютом. Тренирует овчарку. Печет блины. Едет на мотоцикле. Открывает интернат для одаренных детей. Плавает с дель-финами. Лежит в гипсе после падения с лошади. Испытывает нелетальный электромагнитный комплекс «Припек». Ни одной фотографии в нерабочей обстановке.

Почти не изменился. Похудел разве что. Улыбчивый и ироничный.

Светлов, конечно, посылку мог отправить. Вот только в его случае мотивация еще менее вразумительная, чем у Федора или Хазина. Человеку, который может отправить беспилотни-ком термобарический заряд, нет никакого смысла отправлять курьером этот жалкий намек. Я не представляю самой жалкой угрозы ни блистательной безупречности компании НЭКСТРАН, ни лично Светлову Алексею Степановичу, я давно осознал свои детские ошибки, я люблю сыр, простоквашу и солнечные ванны.

– Я не представляю угрозы, – сказал я вслух.

На всякий случай.

Я не представляю никакой угрозы.

Зачем-то я набрал «Паша Воркутин».

Паша ожидаемо процветал, хотя и претерпел некий творческий ребрендинг. Теперь его звали Павел Воркутинцев, он продолжал активную концертную деятельность, вел передачу на радио «Песни наших ребят» и программу на телевидении «Музыка пятницы и четверга».

Опять позвонил Луценко. Ладно, с Дросей и Хохо он погорячился, но надо этого алко-голика заставить работать. Пусть ведет свой канал. Название классическое: «Уланов. Или два-дцать пять ударов палками». Уланов будет читать стихи, а Луценко бить его удочкой. После этого я стал подозревать, что вчерашний вечер у Луценко зря не прошел.

На всякий случай проверил Механошина. Восемь лет назад Механошин Александр Федорович умер в возрасте семидесяти трех лет. Надо сказать, на Механошина я особо и не думал, посмотрим...

Если я слишком долго не сплю, начинаю совершать необычные поступки. Вероятно, это годы. Посмотрим Крыкова.

Станислав Крыков. Я запустил поиск, через секунду с экрана мне ухмылялся Крыков. Он заметно постарел, но держался бодро, за его спиной желтел песок и плескалось море: Крыков жил в Хайфе и служил русскоязычным гидом. Однако. Тушканчик входит в двери, раздавлен и сутул. В Хайфе вместо Хазина. Как игрива порою жизнь.

На страничке имелся телефон и просьба заказывать экскурсии заранее и не забывать про шаббат; я набрал номер, мне неожиданно ответили, не шаббат ведь. Акцент появился, но голос я узнал. Крыков.

Опять же, забавно. Столько лет, а голос не изменился, пообмялся слегка, но вполне узнаваем, Станислав Крыков, человек, кинувший меня на... не помню точно, тысяч на десять долларов, проживал в Израиле и водил экскурсии по библейским местам.

– Здравствуй, Стас, – сказал я.

– Здравствуйте, – ответил Крыков.

Запах усилился.

– Узнал?

– Нет, – ответил Крыков, и я сразу понял, что он соврал.

Узнал, голос его дрогнул, правда, самую чуть.

– Это Виктор, – сказал я. – Мы работали вместе. Помнишь?

– А, Витенька, – Крыков изобразил радость. – Да, конечно, помню. Как дела?

Мелиоратор из Нерехты укушен гадюкой, но победил в конкурсе японских трехстиший.

– Нормально, – сказал я. – А у тебя?

Необычное ощущение. Столько лет – и вот зацепились.

– Да все вроде ничего, помаленьку. Знаешь, суета, суета, пашешь с утра до вечера... А так... кризис среднего возраста, похоже...

– Купил красный «БМВ»?

– Купил красные носки.

– У вас же там жарко.

– Но носки-то все равно нужны.

С этим было сложно спорить.

– А как у тебя? – спросил Крыков. – Книжки пишешь? Ты же вроде писателем собирался становиться.

– Пишу, – тоже соврал я.

Зачем я ему вообще позвонил? О чем спрашивать? Куда ты тогда слишком быстро исчез, Стасик? И почему ты тогда слишком быстро исчез? Что тебя тогда так напугало, что ты забыл про деньги и добежал аж до Канадской границы? И не ты ли подложил мне в постель бычью голову, Стасик?

Но Крыков все понял и без вопроса.

– Я же давно уехал, – сказал он. – У меня родители перебрались, а я за ними. И не особо слежу, что там у вас происходит...

– Понятно.

– Тут непростая жизнь, – пожаловался Крыков. – Много проблем, много трудностей.

– Так возвращайся.

Крыков хмыкнул.

– У нас тут хорошо, – сказал я. – Прохладно.

– Нет, спасибо, – зевнул Крыков. – У нас у самих неплохо. Я здесь попривык, потом семья...

И про семью соврал, да, разучился Крыков убедительно врать, раньше делал это натуральнее, все скисает с годами.

– Ну, смотри, Стас, твое дело, – сказал я. – Кстати, не знаешь случайно, где Хазин?

– Нет, – слишком быстро ответил Крыков.

Знает. Но говорить не хочет.

– А зачем тебе Хазин?

– Решил молодость вспомнить, – ответил я. – Мы ведь с ним дружны были, потом разошлись. А теперь вот что-то загрустил. Кризис среднего возраста, наверное.

– Купи красные носки, – посоветовал Крыков. – Мне сильно помогло.

Я посмеялся. Крыков посмеялся.

– Да нет, не прокатит... – вздохнул я. – То есть купил давно... Пересматривал вчера старые фотографии, помнишь, Хазин с камерой не расставался?

– Тогда все снимали, модно было.

Акцент у Крыкова вдруг пропал. И оливковая округлость из голоса исчезла. Я почувствовал, что Крыков насторожился и перестал улыбаться.

– Да-да, модно. А сейчас смотрю на фотки, пацаны еще все, веселые, над каждой фигней смеялись...

– А сейчас?

– А сейчас, Стас, не смешно. Вот и взгрустнулось... Хотя ты постарше нас был, тебе, наверное, уже тогда не смеялось...

Крыков промолчал.

– Хорошее все-таки было время, – сказал я. – Надежды юношей, как говорится. Вот и накатило, решил по старым друзьям прозвониться. Гляжу, а ты в израиловке!

Крыков снова промолчал.

Мог бы отключиться, но не отключался. Ждал. Хотел узнать, зачем я позвонил ему на самом деле.

Тогда спросил я:

– Помнишь, в Чагинск ездили? Хазин там три гига наснимал, пересматриваю вот.

Молчание. Надо предложить Уланову тему для поэмы. «Молчание Дроси Ку».

– Стас? Ты где?

– Брось, Витенька, ты же не дурак, – сказал Крыков то ли насмешливо, то ли с угрозой. – Должен понимать. Есть правило – никогда не возвращайся в прежние места. Я же тебя этому с первых дней учил, забыл?

– Да не, Стас, я не в этом смысле. Просто захотелось поговорить. Помнишь, как мы там?

– Извини, Виктор, мне бежать надо.

Прохладен и сутул.

– Стас, ты чего?

– Нет, мне правда пора, сейчас группа подъезжает как раз. Давай потом как-нибудь созвонимся.

– Стас, ты...

– Пока, Виктор.

Крыков отключился. Безусловно, это не Крыков прислал мне коробку. Про Хазина он, похоже, знает, но...

Я набрал Крыкова снова. Ну да, абонент недоступен. Вряд ли получится дозвониться еще раз, внес в черный список. Интересно, где же все-таки Хазин? А что, если действительно умер? Как-нибудь нехорошо умер, Крыков об этом знает, поэтому и напрягся?

В дверь постучали. Я замер. Постучали еще.

– Вы дома?
Блондинка. Эта дурацкая блондинка приносит мне гадские новости.
Постучали снова.
– Вы спите? – продолжала блондинка. – Э-эй! Кто-нибудь дома? Тук-тук, я твой друг...
Уходить она, похоже, не собиралась. Постучала опять.
– С вами все в порядке?
– Да! – рявкнул я. – Сейчас открою!
Выкарабкался из дивана, натянул халат, открыл дверь.
– Здравствуйте! – блондинка с блокнотом грызла карандаш.
– Здравствуйте. Что-то случилось?
– У нас акция: за месяц предоплаты неделя бесплатно! Вы заплатили за месяц вперед, так что можете оформить бонусную неделю! Будете оформлять?
– Буду, – сказал я. – Но позже.
– Тогда вам до пятницы на ресепшен надо зайти.
– Я зайду.
– Отлично, тогда я поставлю напротив вас галочку!
Хорошо. Поставь напротив меня галочку.
– Вам надо анкету заполнить. Стандартный опрос.
– Анкету... – несколько разочарованно протянул я.
– Если хотите, я сама заполню, – предложила блондинка.
– Пожалуй...
– Вот и отлично, – улыбнулась блондинка.
Зубы красивые, белые. Жрет кукурузу и сыр.
– У вас все в порядке? – блондинка поморщилась. – Нехороший запах какой-то...
– Ворона, – сказал я. – Ночью грозой убило, на балконе протухла.
– Убрать? – участливо спросила.
– Я ее уже выкинул. Проветриваю сейчас.
– Ясно...
Блондинка пыталась заглянуть в номер через мое плечо.
– А я смотрю, вы на завтрак сегодня не спустились, – улыбнулась блондинка. – Решила зайти, посмотреть.
– На охоту с утра выходил, – объяснил я.
– На охоту? Вы охотник?
– Подвох, – сказал я. – Подводный охотник. Люблю иногда понырять. Тут можно камбалу хорошую взять, если повезет...
– Как интересно!
Блондинка не знала, что сказать дальше. И я не знал.
– Так вы завтракать будете? Я могу девчонок попросить, они яичницу пожарят.
С какого перепуга она вдруг пожаловала? Коза... Пусть со своим Спартакoм яичницу жарит.
– Нет, спасибо. У меня что-то голова... побаливает.
– А у меня анальгин, – блондинка сунула руку в кармашек передника. – Я сейчас найду.
Блондинка явно осознала свою ничтожность и ступила на путь исправления. Посмотрим. Да, я подозревал в ней мозг, да, вчера она меня разочаровала, но каждый может совершить ошибку.
– Вот, пожалуйста, – блондинка вручила мне таблетку.
– Спасибо.
Я закинул таблетку на язык.
– Метеозависимость, – сказал я. – Наверное, дожди скоро.

– Да, дожди, – согласилась блондинка. – В этом году улиток много. И стрекоз. Это точно к дождям. И сыростью пахнет.

Блондинка понюхала воздух. Хороший острый носик, таких люблю.

– Может, все-таки горничную прислать? – блондинка поморщилась. – Она тут все почистит. Или влажную уборку?

– Лучше завтра, – отказался я. – Пусть проветрится пока.

– Хорошо. Если что, звоните на ресепшен.

– Обязательно.

Блондинка удалилась, я закрыл дверь и выплюнул таблетку за диван.

Воняло.

Вдруг... Вдруг я отчетливо услышал запах крови, исходящий от коробки.

Этого не могло быть. Семнадцать лет, все высохло-перевысохло, и пахнуть нечему, я же не собака, чтобы ощущать молекулу запаха на кубический метр...

Кровь.

Я не выдержал, схватил коробку, засунул ее в пластиковый пакет, сверху перемотал еще одним слоем скотча, и еще в один пакет, завязал узлом, закинул на шкаф.

Запах не исчез. Нервы. Нервы. Нервы. Надо было вчера после банкета рвать в горы, отключать связь, исчезать – я остался, идиот, тупею.

Звонок. Луценко никак не мог успокоиться, его обуревали идеи, и он давно выехал, поскольку идеи эти требовали неотлагательного вот прямо сейчас обсуждения. Я не успел ответить, Луценко сказал, что будет через пятнадцать или раньше минут, никуда не уходи. Луценко мне не друг, у меня нет друзей – с кем бы по-человечески поговорить, так не с кем, не хочу его видеть.

Я открыл окна и включил кондиционер на продувку. От этого стало хуже, запах словно сгустился, я не выдержал и выбежал из номера.

Спустился к бассейну, сел на парапет, сунул ноги в воду. Вдохнул. Пахло хлоркой и горячим маслом, на кухне жарили котлеты, под навесом столовой блондинка разносила обеды. Заметила меня, помахала подносом. Переобулась на раз, с чего так быстро? Узнала? У Спартака шиномонтаж «R-Шин» в Вологде, у меня «Центр коммуникативных компетенций» в Геленджике, Спартак не может быть со мной на равных, таких, как Спартак, я раскатываю, как Бобик Стрелку, любая блондинка чувствует это, и в ней пробуждается мысль. Пусть и не сразу, пусть и небогатая, мерцательная, но мысль.

Вода холодная. Если залезть в холодную воду, то некоторое время сможешь ни о чем не думать, не залезть ли? Буду думать про Дросю, про Луценко, про Милицу Сергеевну, не буду про посылку, буду смотреть Гандрочера Коха, «Каждому по потребностям», «Оранжевые рыбы».

Не успел, появился Луценко, похожий на несвежего муми-тролля. Я раньше не замечал, что он похож, но сейчас увидел – мясистый мятый нос, к которому стягивалось все лицо, словно не нос из лица рос, а наоборот. Голова как топор.

– Что это с тобой, Вить?

Луценко плюхнулся в соседний шезлонг.

– Ты какой-то синий. Спал в рейтузах?

– Погода меняется, – ответил я.

– Да-да, чувствую. Но... болезненно выглядишь, Витя.

Блондинка снова помахала подносом. В сущности, надо быть снисходительнее к людям, терпимее, добрее, каждый может заблуждаться.

– Клеишь эту дуру? – кивнул Луценко.

Я не ответил.

– Бортанула тебя, что ли? – ухмыльнулся Луценко. – Почувствуй себя Козлодоевским?

Луценко рассмеялся.

– А я, между прочим, тебе предлагал вчера вариант, – он закурил. – Эта... застрявшая в базальте... оказалась вполне себе ничего. Давай познакомлю? Она решила тут недельку отдохнуть и вообще... охочая.

– Спасибо, мне и так хорошо, – отказался я.

– Ну, твое дело. Кстати, о делах. У меня тут пара идей возникла, хочу обсудить.

– Про Дросю?

Луценко сделал недоуменное лицо.

– Дросю?

– Ты же мне сам писал. Дрося и все дела.

Дрося и все дела, в принципе, неплохо.

– Ах, это... Да я с утра что-то... Крутит.

Луценко постучал пальцем по виску. Я с тоской поглядел в сторону блондинки. Из моего корпуса показались два толстых угрюмых пацана, молча приблизились к бассейну и прыгнули в воду.

– Может, в номер поднимемся? – предложил Луценко. – Поговорим спокойно. Надо кое-что обсудить.

– У меня там ворона... Сдохла на балконе. Воняет, короче. Давай здесь.

– Здесь? – Луценко поморщился.

– Говорю же, дома воняет. Там ворона упала на балкон.

Луценко сально подмигнул.

– Понятно-понятно, – сказал он. – Ворона... Одну ягодку берем, на другую смотрим, третья мерещится...

Луценко причмокнул губами и послал щепотью блондинке воздушный поцелуй. Она отвернулась.

– Витя, для кабальеро твоих годов это достойная прыть, одобряю, – Луценко достал сигареты. – Только не забывай про цинк – это важно! Укрепляй сосуды!

И покровительственно похлопал меня по плечу.

Не, пора. Завтра же валить. Монтенегро. Там никто и не слышал про Дросю и ее утконосов. Зачем мне фитнес-зал? С ним куча возни, лучше прокат скутеров и электросамокатов. Или экскурсии на квадроциклах. Или купить две квартиры, сдавать туристам, а самому жить в домике у моря. Да мало ли, занятие можно всегда найти; по большому счету я могу ничего не делать, отдохнуть пару годиков. Лет пять могу отдохнуть легко, потом думать.

– Кстати, про цинк, – Луценко закурил. – Хочу тебе предложить кое-что. У меня есть один дурачок в Салехарде...

Дурачок в Салехарде. Луценко туда же. Идиократия на марше. В прошлый раз, месяцев пять назад, он предлагал купить этаж в новостройке и открыть мини-отель. Идея, в принципе, здравая, однако цену за этаж тогда заломили подозрительно нереальную, отчего я подумал, что дело отнюдь не в мини-отеле, а в том, что Луценко хочет меня немножечко обуть. А теперь вот подоспел дурачок из Салехарда.

– Короче, в этом году там до фи́га оленей, – сказал Луценко.

И для демонстрации приложил к вискам указательные пальцы.

– Девать оленей некуда, Вить!

Поспел нарвал, марал заколосился... впрочем, это отвлекает от посылки не хуже холодной воды, приехал Луценко, и мне стало легче.

– Не знаю, что там у чукчей стряслось, вспышка на Солнце или еще что, но оленей развелось реально много. А забойный пункт с холодильником всего один.

Забойный пункт, хорошее название. Луценко мог бы стать моим приятелем, если бы я постоянно не думал, что он планирует меня нагреть.

– Эти чукчи забили в пять раз больше оленей, чем рассчитывали весной, наполнили все закрома, но переработать уже не тянут.

– И что?

– Чувачок предлагает взять десять тонн.

– Десять?

– Десять тонн оленины, – подтвердил Луценко. – По цене приемки. Прикидываешь? Берем десять тонн, берем рефрижератор, гоним до Княж-Погоста. Там консервный цех, вертим тушенку, продаем в Финляндию...

Я слушал и не мог понять: это он серьезно? Десять тонн оленины и тушенка для Финляндии. И ноги замёрзли. Я вытянул их из воды, посинели.

– Чухонцы оленью тушенку зверски уважают, – сообщил Луценко. – Короче, можно неплохо навариться. Абсолютно рабочий план, Витя! Впишемся?

План абсолютно дерьмовый. В девяносто шестом и то пятьдесят на пятьдесят, сейчас наглухо невзлетный. Впрочем, большинство планов Луценко такие. Три года назад он пытался затащить меня в арбузный бизнес. Возьмем в аренду поле, купим арбузной рассады, вспашем сохой, засеем, продадим сорок фур, на вложенный рубль поднимем семь полновесных. Я, само собой, не повелся, а Луценко заглотил, взял отпуск и на три месяца окунулся в арбузный бизнес. Вернулся загорелый, злой и с долгом в полтора миллиона.

– Я мимо, – сказал я.

Пальцы на ногах задубели, шевелились плохо.

– Вить, ты что? – Луценко сделал голосом катастрофу. – Тебе что, деньги не нужны?! Ты же вроде хотел борделло в Чехии открывать?

Пацаны накупались в бассейне, выбрались на парапет. Один включил колонку, радио тут же сообщило, что ученые доказали, что Вселенная имеет форму ведра. Лично я в этом не сомневался, и никакой борделло ни в какой Чехии я никогда открывать не хотел, всех интересует форма пространства, не только Светлова.

– Это дело недешевое, вложений требует, – продолжал натиск Луценко. – Конкуренция большая, с кадрами напряженка, опять же оборудование... Да даже если не бардак, если булочную, все равно деньги нужны.

Вселенная имела форму ведра и расширялась быстрее скорости света. Слушать про Вселенную пацанам быстро надоело, и они переключили колонку на музыку.

– У нас скоро зожники, – напомнил я. – Надо готовиться.

– Так я тебе и не предлагаю, в Салехард я сам сгоняю.

– Арбузы, – сказал я.

Луценко надулся, достал вторую сигарету.

– Я же говорю, могу сам поехать, – повторил Луценко обиженно. – Думаю, за месяц обернусь. Вить, ты чего такой колотливый стал?

Стал тупой и колотливый.

– Мне кажется, идея про Дросю Ку... определенно надежнее, – сказал я. – Издать книгу...

– Чушь! – Луценко стрельнул сигарету в бассейн. – Ну да, мы издадим этот бред, его купят, но это все равно копейки...

Луценко выскочил из шезлонга и принялся быстро ходить вдоль бортика.

– Вить, тебе же самому это надоело! – говорил он, пытаясь выудить из пачки очередную сигарету. – Все эти ежедневные подвиги, все эти нищевородские проекты... Это же вечный тухляк, Витя! Тупик! Ты что, всю жизнь хочешь проторчать в Голубой бухте?!

– Человек, переехавший с Земляного Вала в Геленджик, рассказывает мне про тухляк? – поинтересовался я.

Луценко осекся.

– Москва исчерпала себя, там давно нечего ловить, все поделено. Там скучно и загрызут... Слушай, да в Салехарде и по деньгам немного...

Мне показалось, что от Луценко тоже слегка пованивает. Или это от рук у меня, я же трогал эту коробку, мог подцепить. Теперь вонь захватит мир.

– Если ты мне не веришь, я могу на себя две трети по деньгам взять, большие риски на себя приму...

Нет, все же Луценко воняет самостоятельно.

– Вить! Ну ты чего?

– Я подумаю, – ответил я.

– Да не подумаешь ты, – Луценко снова бухнулся в шезлонг. – Не подумаешь. Ты давно не думаешь, ты все уже продумал...

– Потому что это бред, – мягко перебил я. – Идея купить вагон некондиционной обуви в Беларуси и открыть обувной магазин в Имеретинке – это не бизнес-план, это бред. Это не прокатит, Миша. Нужны другие идеи, энергичные. А твои идеи родились мертвыми.

– Ну как хочешь. А я рискну.

– Арбузы, Миша, арбузы.

– Да-да, арбузы. Арбузы по самые помидоры, это трудно выкинуть из головы.

Луценко откинулся в шезлонге и обиженно сложил руки на груди.

– Ладно, – сказал Луценко. – Не хочешь – как хочешь, пойду тогда...

Не хочу в номер. Лучше здесь, у бассейна, с Луценко. Наверняка у него еще пятнадцать имбецильных планов про то, как развести меня на деньги, хватит часа на три.

– Я пойду к морю, – сказал Луценко и добыл третью сигарету. – Слегка искупаюсь.

Но не уходил, искал зажигалку, рылся по карманам.

– Вода тут у вас чистая? А то у нас опять утечка...

Луценко понюхал бассейн.

– А у вас не воняет. Пойду в море.

И снова не пошел. Он не чувствует вонь, потому что воняет сам. И я воняю. А сильнее всего воняет коробка.

– Слушай, Миш, хотел тут у тебя спросить кое-что.

– Мне некогда, – Луценко нашел зажигалку, чиркал, пытаюсь закурить. – Я сейчас в море пойду... Я тут недавно купался, купаюсь-купаюсь, приходит баба с овчаркой, Муха зовут.

– Бабу?

Луценко закурил. Курит одну за одной, нервы.

– Нет, овчарку. Овчарка Муха забрела в море и стала дико дристать. А я купаюсь. И так всю жизнь. В сущности...

– Что ты знаешь про НЭКСТРАН? – перебил я.

Побоялся, что Луценко станет дальше рассказывать.

Луценко поперхнулся третьей сигаретой, уронил ее в широкий ворот рубашки, зашипел.

– НЭКСТРАН Индастриз Корпорейшен, – повторил я. – Энергетика, тяжелое машиностроение, оптические системы...

Луценко пытался достать сигарету из рубашки, ерзал, застряв в шезлонге.

– Корпорация НЭКСТРАН, – повторил я.

– Я знаю НЭКСТРАН, – Луценко достал сломанную сигарету, но выбрасывать не стал, закурил. – Я им четыре раза резюме посылал.

Выпустил дым и добавил:

– Отклонили все четыре. Я же Бауманку оканчивал, хотел потом в науку двигать, у меня тема была по графеновым реакторам. Перспективное направление, сейчас эти трубки везде...

Капризен сегодняшний день, Луценко удивлял. Человек, десять минут назад предлагавший мне купить десять тонн сомнительной оленины, сообщает, что занимался графеновыми реакторами.

– Почему отклонили?

– Не знаю. Без объяснений.

– А сам что думаешь?

Луценко пожал плечами.

– Ничего не думаю. Говорят, что Светлов лично все резюме просматривает и сам сотрудников выбирает вплоть до дворников и лифтеров.

– Сам?

– Ну да. Мне один мужик про это рассказывал, он к ним криотехником устраивался. И вроде как Светлов читает все резюме, а некоторых кандидатов и персонально собеседует.

Луценко затянулся, сигарета догорела до фильтра.

– С мужиком этим Светлов как раз персонально разговаривал, так ему показалось, что...

Луценко поморщился.

– Ему показалось, что с башкой у Светлова не шибко ровно. Сидел, расспрашивал мужика о всякой ерунде.

– Например?

– Например, о Чили.

– О перце? – уточнил я.

– Нет, о стране. Что этот криотехник думает о Чили, об арауканах, о промышленности, о климате. А этот дурак ничего про Чили и не знал. Кто такой Пиночет и то не знал, какие там арауканы. Вспомнил, что в студенчестве скумбрию в банках жрал, чилийского производства, ну, зацепился за это и сказал, что в Чили очень развита рыбная промышленность. И приняли. Но он действительно криотехник хороший, смог морскую свинку заморозить. А потом отморозить...

Луценко брезгливо расковыривал окурок ногтем, вытянул желтую вату.

– Зачем НЭКСТРАНУ криотехники? – спросил я.

– Не знаю. Может, Светлов сам хочет заморозиться и воскреснуть через тысячу лет вместе со свинкой... Но, по-моему, он обычный мудака, – обиженно сказал Луценко.

Наверное, нервы. Я усмехнулся.

– Чего улыбишься? – Луценко недобро сощурился.

– Светлов далеко не мудака. Во всяком случае, раньше точно не был.

– Можно подумать, ты с ним знаком...

И на тукана. Еще Луценко похож на тукана. Тукана Семена.

– Ты знаком со Светловым?!

Луценко закашлялся, в этот раз шезлонг под ним разложился окончательно, Луценко грохнулся копчиком на кафель, пацаны рассмеялись.

– Мы встречались как-то, – ответил я. – Давно, правда.

– И что делали?

Что делали.

– Беседовали о литературе в основном, – ответил я.

– О литературе?

Луценко выбрался из шезлонга.

– Алексей Степанович тогда весьма интересовался литературой.

– Ну да, ты же тоже литературой вроде интересовался. – Луценко потирал задницу. – У тебя же книга, кажется, издалась, да?

– Вроде как. А еще о клопах часто разговаривали.

– Что?

– Тогда мы жили в гостинице... не помню название. В ней водились клопы. И эти клопы нас сильно жрали.

– Светлова кусали клопы?! – поразился Луценко.

– Несть для клопа ни эллина, ни иудея. Впрочем, это подметил еще Гоголь, он разбирался. Разумеется, кусали. Вот мы и придумывали, как с этим бороться, спать-то невозможно. Ну, поскольку Алексей Степанович изобретатель, он придумал клополовку.

– Светлов изобрел клополовку?!

– Угу. Ультразвуковую. Одной ей и спасались...

– Клополовку, значит... – Луценко стал задумчив. – А НЭКСТРАН... Они, кажется, на мысу что-то строят.

– Что?!

Я почувствовал, как стало мягко под коленями.

– Ну да. То ли маяк, то ли локатор, башню одним словом. Там пляжик рядом был, мы всегда купались, а теперь на километр не подпускают, посты, овчарки... тьфу.

НЭКСТРАН строит неподалеку маяк. Мне пришла посылка. Связь? НЭКСТРАН по всей стране строит, и не только по нашей, почти везде их объекты...

– Как думаешь, сам Светлов приедет? – спросил Луценко. – Они этот маяк достроили, скоро открывать, по идее, Светлов должен быть.

Светлов строит маяк, мне приходит посылка, посылку принесла блондинка, а что, если блондинка...

– Если приедет Светлов, ты же можешь к нему по старой дружбе подкатить? – спросил Луценко. – Вам наверняка есть что вспомнить! Поговорите о политике, о литературе, то-сё, ну и былые костры снова запылают...

– Я больше не занимаюсь литературой, – напомнил я.

– И не надо! Возьмем стишата Уланова, напечатаем книгу, а фамилию твою прицепим!

Я представил свою фамилию на книге про Дросю Ку.

– Вряд ли Уланов будет молчать, – возразил я. – Мне кажется, он чувствителен к таким вопросам.

С неожиданным отвращением я осознал, что никаких особых возражений против того, чтобы стать автором книги про Дросю, не почувствовал.

– Плевать на Уланова! – воскликнул Луценко. – Плевать на Дросю! Сочини что-нибудь сам! Про Силу!

– Про Силу?

– Да! Про тушканчика Силу!

– Но тушканчик уже есть, – напомнил я. – Хохо.

– А у тебя будет Сила! – Луценко схватил меня за плечо. – Не хочешь тушканчика, пусть он будет вомбатом! Вомбат Сила против хорька Курощупера! Напечатаем с картинками, ты подойдешь к Светлову, чтобы взять автограф... То есть наоборот, чтобы подарить ему свою новую книгу!

Луценко взволновался так сильно, что блондинка из столовой посмотрела в нашу сторону с тревогой. А я выразительно представил, как дарю Светлову книгу «Сила против Курощупера». С картинками.

– А что такого? – спросил Луценко. – По-моему, это отличный повод встретиться.

– Тебе-то это зачем? Зачем тебе Светлов нужен?

– Как зачем?! Глупый вопрос, Витя... Человек из первой десятки нужен всем. «Форбс», кстати, назвал его самым перспективным бизнесменом грядущего десятилетия.

– И что?

– Да ничего! Ничего!

Блондинка стояла и смотрела на нас из-под ладони.

– Витя, ты знаешь анекдот про двух воробьев? – спросил Луценко.

– Про двух воробьев и лошадь? – уточнил я.

– Про двух воробьев и лошадь.

– И что?

– А то, Витя. Тебе, Витя, не надоело чирикать?

Луценко презрительно улыбнулся.

Воробьи, значит. Ладно.

– Хорошо, Миша, я переформулирую. Ты зачем Светлову? Что ты можешь предложить человеку из первой десятки? Оленину? Арбузы?

Луценко выдохнул. Вдохновение медленно отступало с его лица, Луценко выцветал, и я тогда мстительно усугубил:

– Светлов, он... очень хорошо видит людей. И, боюсь, с тобой он не стал бы разговаривать.

– Почему?

– Он, Миша, лошадь.

У Луценко дернулась щека, он помолчал, затем спросил:

– Знаешь, что самое поразительное?

– Знаю, – ответил я.

– Что такое со мной дважды произошло, – сказал Луценко.

– Что?

– Когда я купался, а рядом собака обосралась.

Жаль его стало немного, мне всех неудачников жаль. Неудачников и бездарей. Это судьба, с этим невозможно бороться.

– Вроде снаряд в одну воронку два раза не попадает, а со мной случилось, – сказал печально Луценко. – Один раз овчарка Муха, а второй раз какая-то чихуа-хуа. Ладно, Вить, поеду я, пожалуй.

Луценко протянул руку. Я пожал.

– Ты прав, – сказал Луценко. – Ты прав, Витя, арбузы мне не по размеру.

Луценко удалился, а через минуту появилась блондинка с сильным запахом лапши быстрого приготовления. Она собрала совком окурки и принялась собирать шезлонг. Я наблюдал. Шезлонг сопротивлялся, то недоскладывался, то перескладывался, ломался и лягался ножками. Блондинка изгибалась вместе с шезлонгом, так что пришлось ей помочь.

– Поссорились с другом? – спросила блондинка. – Я видела, он руками размахивал.

– Поспорили по бизнесу, – пояснил я. – Ищем финансирование проекта.

– А чем вы занимаетесь?

– Коммуникации, компетенции, ивент.

– Что? – не поняла блондинка.

– Агентство широкого профиля. Организуем мероприятия, в основном съезды и конференции.

– А вакансий у вас нет?

Блондинки полны неожиданностей.

– А что вы умеете?

Блондинка оттолкала шезлонг к бассейну.

– Могу минивэн водить, я рекламные модули развозила. Могу на телефоне сидеть. В программах немного, я зимой в офисе работала, потом закрылись... А тут мне не очень нравится.

– Это понятно, – кивнул я. – Не знаю, думаю, через пару недель что-нибудь образуется.

– Спасибо! – блондинка хлопнула в ладоши. – Хорошо бы как-нибудь... Как у вас голова? Больше не болит?

– Нет, спасибо. Вы, кстати, знаете анекдот про двух воробьев и лошадь? – спросил я.

– Нет.
– Вам повезло.
– Смешной?
– Смешной, – сказал я. – О времени и о себе.
– Расскажите! – улыбнулась блондинка. – Я люблю анекдоты.
– Потом. Кстати, а кто вчера привез мне посылку?
– Не знаю. Курьер, кажется. Знаете, если ценность не объявлена и роспись не нужна, курьеры на ресепшн всегда оставляют. А что, пропало что-то?
– Нет, просто интересно. Я хочу телефон заказать...
– Тогда пропишите, чтобы курьер лично вручил!
– Обязательно.
– У нас не воруют, но люди разные приезжают... – блондинка вздохнула и поинтересовалась: – На обед пойдете? Сегодня рыба...
– Нет, пойду домой, работы много.

Я отправился в корпус, но дойти до номера не успел, звонок застал на лестнице. Я хотел послать Луценко к сутулому, но это оказался не Луценко.

Плохо.

Звонил адвокат. С Черногорией возникли проблемы. Адвокат говорил неожиданно с акцентом, на мои вопросы отвечал невпопад или странное, предлагал переоформить документы, а потом вдруг переключился на автоответчик.

Наверное, минуту я еще послушал.

Монтенегро накрылась. Последние два года я шел в сторону Черногории и не думал, что на пути могут возникнуть такие препятствия. Я всем сердцем любил Черногорию, я чувствовал себя практически черногорцем, был готов инвестировать в черногорскую экономику капитал и создать рабочие места, я собирался изучать черногорский язык и культуру, какие проблемы...

Я вошел в номер и сел на стул.

Что-то происходило, сомнений не осталось. За событиями, которые окружали меня, еще не проглядывалась внятная цель, но вполне чувствовался вектор. И воля. Нет, провал с Черногорией, скандал на конференции, подкат Луценко и метания блондинки могли быть отдельными случайностями, я вполне это допускал. И то, что эти события уложились в два дня, я тоже мог допустить. Вот только посылка. Посылка по разряду случайностей проходить не могла, за посылкой стояла воля. И эта воля вполне могла пресечь мои черногорские планы...

Зачем?

За последние годы я съездил в Англию, Францию, Польшу. У меня счет в Германии, у меня партнеры в Германии, я три раза без затруднений получал шенген и больше десятка раз выезжал, какой резон меня тормозить? Если у моего недоброжелателя есть ресурс влиять на решение посольства Черногории, то этот ресурс достанет меня и в самой Черногории. Да хоть в Чили, хоть в Ботсване, везде. Значит, все-таки с ВНЖ случайность. Почему тогда...

Неожиданно меня посетила абсолютно дикая мысль. Я вдруг подумал, что ошибся. Ведь я открывал посылку в сумерках, при вспышках розовых молний, и, едва заглянув, отбросил коробку, схватил скотч и обмотал ее в два слоя.

А что, если там нет ничего? Если мне померещилось? Почудилось. Там же сено, сено могло сложиться причудливым образом, некоторые вяжут из сена скульптуры, если пропитать сено раствором гипса с графеновыми трубками, получится материал на скручивание прочнее стали...

Я поднял коробку с пола. Не пахнет ничем. И не могло, за это время ни один запах не сохранился бы, морок.

Я попробовал разорвать ночной скотч, не получилось, взял нож. Лезвие застряло в пленке, пальцы соскользнули, порезался. Глубоко и неприятно, кровью запахло по-настоя-

щему, пришлось лезть в аптечку. Замотал палец пластырем, натянул напальчник. Лучше ножницами. Заматывая коробку, явно перестарался со скотчем, лента влипла в картон и теперь не отдиралась, так что решил прорезать коробку сбоку. Воткнул ножницы и выстриг в коробке окошко.

Внутри сено, обычное сено – в таком пересылают рождественские свечи, елочные игрушки, мыло ручной работы, ненужные подарки.

Сено было сбито в плотный колтун, разворошить его получилось с трудом.

Внутри, словно в гнезде, лежала выцветшая бейсболка с надписью «Куба».

Солнечная система имеет форму круассана.

Лаврентий Мартелл.

«Угар муниципий».

Глава 3

Пльзенский влчак

Утренние собаки напились, отступили от кромки и замерли, как деревянные между камней. Я вошел в море. Вода холодная, но у берега всегда так. И камни. Каждый понедельник я расчищал дорожку через сланцевый бурелом, чтобы не покалечить ноги, но камни каким-то образом появлялись снова, словно выползая из глубины, так что я бросил с ними бороться.

Блондинку зовут Катя, как ни странно, местная, двадцать пять лет, дура, конечно, но в меру, как я люблю.

Я опустил на живот и потихоньку пополз, распугивая бычков и крабов. Глубина наступила через двадцать метров, и я стал грести сильнее. Теплая вода. Прозрачная. Черное море люблю, вода в нем мягкая и плавучая. Я отгреб метров на двести, зацепился за пенопластовый поплавок. На дальних буйках отдыхали бакланы, они растопыривали крылья и сушили их на ветру, напоминая то ли птеродактилей, то ли монахов.

Солнце поднималось над горами. Если встретить рассвет в море, на секунду увидишь, как вода в толще вспыхивает золотыми проволоками.

Я обернулся на солнце и поймал зайца. В глазах заплясали лимонные корпускулы, на секунду я ослеп и потерялся, окунувшись в воду с головой.

На третий день я успокоился. Наверное, потому, что устал.

Вчера я думал о посылке до вечера. Вертел в руках бейсболку, перебирал логические цепочки, пытался понять. Выстраивались простые неубедительные схемы и схемы сложные, фантастические; и те, и другие не объясняли ничего, лишь умножая вопросы. Хотя по большому счету все вопросы сводились к одному. Почему я?

Почему кепку прислали именно мне? Я же ни при чем, не виновник, не свидетель, я лишь стоял рядом, да и то на изрядном отдалении, и все, что мог видеть, это лишь волны на поверхности. Мне тогда было плевать, да и сейчас мне плевать с глубочайшим равнодушием, судьба Дроси Ку меня волнует больше, с Хохо Тунчиком я чувствую солидарность. Тогда почему?

Ответа, разумеется, я не придумал, так и уснул. А проснувшись, с удовольствием отметил, что мне действительно все равно. На кепку, на того, кто мне эту кепку послал, на Чагинск и на все остальное, иногда я чувствую хорошее настроение с утра, на третий день было как раз такое.

Я поднялся с дивана и решил заварить пуэр: состояние было как раз для пуэра, умеренный оптимизм и твердая вера в себя. Выходные начались. Вчерашний день я потратил... непонятно на что и совершенно бездарно. Сегодня буду умнее.

Нагрел воду, забросил в банку чайную таблетку. Пуэр распустил крылья. Я зевнул, достал кепку из коробки и положил на подоконник. Я помнил эту кепку. Костя. На фотографии Костя в такой же. Возможно, что в этой самой. Эта кепка была на нем в день исчезновения. Ее нашел в лесу... чучельник... фамилию так и не мог вспомнить, в его машине было полно чучел птиц, мы тогда, помнится, неслабо обделались.

Чучельник. Стратегический персонаж провинциальных хорроров – сначала делает чучело из любимого хомячка, потом из любимой мамочки, потом не дала одноклассница и пришел ее черед, классика. Чучельник, одноглазая старуха, директор краеведческого музея, полуденный дед. Мажьте мажло, господа. Много мелких крапивных чиновников. Сатрапейро Передонов приближается сюда.

Смешно.

Телефон предлагал подборку нового.

«Дебилы в автосервисе».

«Принц Валиант: записки муравья-эмигранта».

«Трансгуманизм и трансгуманисты».

Посмотрел трансгуманистов. Ультрафиолетовые лампы – мощное средство борьбы с самоубийствами, чипирование – панацея от одиночества, НПВС – путь снижения мирового страдания. В этой идее что-то было, мне понравилось – диклофенак как меч Михаила, нимесулид как копье Георгия, ибупрофен пресечет торжествующую поступь хаоса. Я взял трансгуманистов на заметку. Чипироваться, поставить ортофен, жить безмятежно...

Безмятежно не получалось.

Кепка.

На внутренней стороне несколько бурых пятен. Кровь. Предположительно убийцы. Кажется, Федор говорил, что тогда выделили ДНК, во всяком случае собирались. И что это нам дает?

Ничего.

Лично мне это не дает ничего. Потому что лично мне насрать. Пуэр заварился. Хороший, торфяной, с выраженным дымком. Я не удержался, достал из шкафа бутылку «Лафройга», капнул в банку для усиления землистости.

Пуэр зашел как надо. Я лежал на диване, прислушиваясь к ощущениям. Дай, фройг, на счастье лапу мне; хорошо, я спустился во двор отеля и уделил пятнадцать минут интенсивному воркауту: подтягивался, делал выход силой и подъем переворотом, затем отправился поплавать.

Я плавал час, а когда выбрался на берег, собаки уже разбрелись, из этих собак получились бы паршивые, жалкие чучела... завтрак. Я наплавал изрядный аппетит, слегка замерз и энергичным бегом направился в отель.

В столовой сидели кое-какие отдыхающие, ели оладьи и рисовую кашу. Блондинка Катя продолжала настойчиво реабилитироваться в моих глазах – разместила за столиком возле розовых кустов, подала двойную порцию кизилового варенья и свежие сырники, а кофе принесла из машины, а не из кофеварки. Я оценил. После завтрака позвоню в агентство, занимающееся сафари, закажу тропу к источникам на двух человек плюс три ночи в эко-коттеджах «Плеяды», в них прозрачный потолок, спишь под звездами.

Я отхлебнул кофе и взялся за сырники.

С сырниками дело обстояло неплохо. Прожарка нужной глубины, не пересушенные, сочные, с заметными нотками ванили и ощутимой пряностью корицы. Творог правильный, крупяной, с требуемым балансом кислоты. Корочка слегка хрустящая, толстая и аппетитная.

Варенье этого года, концентрированное, но не вязкое, натуральный аромат ягод ощущается плотно. Сами ягоды не вываренные, консистенция упругая, косточки не удалили, что придает сиропу легкий ореховый оттенок. Все-таки сочетание идеальное – жареный творог и терпкий кизил. Но рецепт можно улучшить, достаточно взять зерновой творог в сливках и немного сулугуни, это структурирует массу и одновременно придаст ей нежности и остроты. А кизиловое варенье подавать не отдельно, а добавить прямо в сковородку перед готовностью. Едва сахар начнет карамелизоваться, пропитать сиропом корочку сырников, что позволит создать гармонию.

Сырники хороши, теперь Черногория. Решил, что не стоит пока занимать этим голову. Через пару дней позвоню, узнаю получше, это наверняка решаемо. А если не решаемо, плевать на Черногорию, есть Испания. Есть Португалия. Новая Зеландия...

В столовую пожаловал вредный мальчишка и принялся громко заказывать яичницу с сухарями и сыром, но чтобы сыр был не натертый, как в чебуречной через дорогу, а нарезан тонкими пластинками, а сухари должны быть настоящие, а не из пакетика; моя блондинка терпела. Терпеливость – достойное качество, терпеливый всегда получает свою порцию сырников.

Кстати, о сырниках – я подумал – не заказать ли мне еще, но тут позвонил Луценко: Витя, тут такое дело...

Голос у Луценко был совсем вчерашний, с таким голосом пытаются впарить кредитную карту или обслуживание пластиковых окон, поэтому я поинтересовался:

– Поспел кокос в далеком Катманду? Предлагаешь фрахтовать каботажку?

– Нет, Витя, все гораздо интереснее.

Луценко сделал хорошо знакомую мне интригующую паузу и сообщил:

– Верхне-Вичугская фабрика рабочей одежды.

О да. Я так и знал. Вичугская фабрика рабочей одежды, Муромский завод раздвижных вышек, Мантуровские смолокурки, милая сердцу индустрия Родины.

– Предлагаешь купить?

– Нет, не в том смысле. Позвонили и просили организовать небольшую выставку.

В принципе, интересно. Рабочая одежда – перспективное направление, не то чтобы золотое дно, но свой лоскут имеют.

– Ребята планируют осваивать южный регион, – пояснил Луценко. – Видят пробную выставку-продажу в июле у нас – в Новороссийске и дальше по побережью. По-моему, неплохое предложение.

– В июле? Не рано?

– У них склады затоварены. Я озвучил условия, они вроде согласны.

– Ну и отлично. Займись этим, Миш. Все как обычно, договор, предоплата, сам же знаешь. Я хочу на пару дней отъехать...

– Погоди, Вить, – Луценко кисло вдохнул. – Тут еще не все.

Голос у Луценко поменялся, стал кислым и вредным, таким ни о чем хорошем не извещают.

– Ну?

– Короче, Витя, зожники, похоже, соскакивают, – сказал Луценко.

Так.

– Подробнее.

– А что подробнее? Позвонил этот... их... Артур Треуглов, ну, помнишь? Сказал, что отменяют конвенцию.

– То есть?

– То есть отменяют. Что-то у них там мимо срослось, не знаю.

Дерьмо. Вот это уже самое настоящее. Восьмизэтажное с надстройкой. Мягко говоря, не вовремя. А мне Треуглов показался вменяемым человеком. Нельзя доверять зожникам, много раз в этом убеждался. Зожник каждую секунду отрицает себя настоящего и устремляется к себе улучшенному, перманентная фрустрация, недоверчивость, обсессивно-компульсивный синдром, срыв обязательств.

– Попросят вернуть деньги, – повторил Луценко.

И еще дерьмовее.

– Но ты им объяснил?

– Пять раз объяснил, – заверил Луценко. – Что мы внесли предоплату за спортбазу, за аренду, за бассейн и еще за хрен знает что! Я пытался объяснить, но этот баран оглох от анаболиков.

– И что?

– Сказал, что у нас месяц.

– Что?!

Кажется, я это выкрикнул. Во всяком случае, в мою сторону обернулись почти все в столовой, а гадкий мальчик уронил яичницу на шорты.

Пришлось отойти в сторону.

– Я ему все объясняю, а его словно переклинило, – продолжал Луценко. – Требуется денег и хочет с тобой побеседовать. Я сказал ему, что ты в отъезде и просил не беспокоить.

– Правильно. Мне сейчас несколько не до этого...

На помощь к гадкому мальчику подоспела его мама. Я подумал, что она тоже зожница – слишком худая и с физкультурным остервенением в глазах; разумеется, она набросилась на блондинку Катю.

– Ты, Вить, лучше поосторожнее, – вдруг сказал Луценко.

– Что?

– Осторожнее, – посоветовал Луценко. – Мне этот Треуглов совсем не понравился. Резкий слишком, давно таких не помню.

– Ты же его проверял?

– Проверял два раза, – заволновался Луценко. – Все вроде нормально было... Не, Вить, я действительно проверял!

– Ладно, разберемся.

– Может, отдать ему? – предложил Луценко. – Мало ли... Он, по ходу, непростой...

– То есть?

– Сам посуди, стал бы он так борзеть на ровном месте? Без подвязок-то?

Не без логики.

– Поэтому я и предлагаю – поговорить, объяснить, может, рассрочка или на осень перенесем. Дело в том, что через час...

– Это их вина, мы ни при чем.

Сказал я и отключился. Треуглову ничего отдавать не собираюсь, это даже не обсуждается. Но конвенция сорвалась, значит, остальных денег не будет. Это...

Звонок. Луценко.

– Вить, может, все-таки подумаешь? Мы на Верхне-Вичугской выставке что-то поднимем, нам эти терки сейчас не нужны...

Я отключился. И телефон немедленно зазвонил снова.

– Миша, пошел в жопу.

– Я не Миша.

– А кто? – спросил я.

И только сейчас посмотрел на номер. Незнакомый. На другом конце сопели.

– Кто это?

– Роман.

– Какой Роман? – спросил я.

Но я уже понял какой.

– Мне не нужна карта, – сказал я.

Отключился, немедленно внес номер в черный список. Не желаю слушать...

Значит, все-таки Роман. Вряд ли такое совпадение, посылку отправил он, наверняка. Зачем... Плевать зачем. Не собираюсь думать зачем. Пошел и он в жопу вместе с Мишей.

Звонок.

– Вить, трубку не бросай, – попросил Луценко. – Тут эти сумки привезли.

– Кто? – не понял я. – Какие сумки?

– Швейники. Мы же этим идиотам сумки пошили, теперь их привезли.

– Куда?

– Да в офис же. Я им говорю, у нас некуда, а они машину подогнали...

– Я сегодня уезжаю в горы, – сказал я. – В горы. Ты забыл?

– Витя, они свалили все прямо на крыльцо перед офисом!

– Ты что, триста сумок занести не можешь?

– Витя, тут такое дело... – Луценко хихикнул. – Короче, тут косячело, Вить...

Я сам почему-то едва не хихикнул. Косячело, блин.

– Мой косяк, но... Тут их три тысячи.

– Что?!

– Три тысячи сумок, – сказал Луценко. – Тут все ими завалено...

– Ладно, сейчас приеду.

Я отключился и вызвал такси.

По дороге до офиса я размышлял, что делать с сумками. Три тысячи многовато. В среднем конференция – это сто – сто пятьдесят гостей, а значит, запаса хватит надолго, года на два при умеренном расходе. Сувенирка всегда разбирается на ура, но эта с ЗОЖ-логотипом...

Попытаться всучить Верхне-Вичугской компании рабочей одежды. За три костюма «Бригадир» одна сумка в подарок. Или сумка в качестве упаковки для трех костюмов «Тайга». Или поступить проще и отдать на благотворительность. Подарить детской спортивной школе. А потом уговорить их на методическую неделю, посвященную сложностям развития спортивной гимнастики.

Больше всего хотелось повесить это на Луценко, пусть продает до посинения, отбивая убытки. Посадить его на Набережной, пригласить Уланова, каждому купившему сумку – поэтический экспромт в подарок от Дроси Ку...

Напечатать книгу стихов Уланова, выдать гонорар сумками.

До офиса добрались быстро.

Никогда не видел столько сумок.

Крыльцо и газон вокруг были завалены красными спортивными сумками, яркими и новыми, самому такую захотелось. Качественными. Целая гора. Похожими на...

Не знаю. На алые сумки.

Я поднял одну, повертел. На боку серебристой нитью плотной вышивкой было положено: «Наш кроссфит всегда с нами!» Такое не всучить в нагрузку с Улановым, эскалация идиотизма не всегда на пользу продажам. То есть это никак не продать в таком виде, понятно, а выдирать эту надпись придется с мясом, это если ее вообще можно вывести, скорее всего, что нет.

Луценко сидел среди сумок и курил. Я сел рядом.

– У меня идея, – сказал Луценко.

Захотелось хорошенько врезать ему по бессовестному уху. Но я сдержался. Обгадившийся Луценко многократно ценнее Луценко превозвысившегося, за одного битого трех убитых дают.

– Можно скупать излишки сувенирки, а потом прогонять их через секонд-хенд. Сумки, футболки, бейсболки...

Я чуть не вздрогнул.

– Такого барахла наверняка много по стране скапливается. Посадить двух таджиков, пусть эту всю фигню отпарывают и заново упаковывают...

Хорошая, кстати, идея, без шуток.

– Попробуй, – согласился я.

– Попробую.

Луценко докурил.

– Ладно, начну пока таскать. Ты, Вить, тут сторожи, а я в офис...

Луценко открыл сумку и вытащил из нее пузырчатую пленку, придававшую сумке товарный вид. Словно выпотрошил бокастого японского карпа.

– Хорошие сумки, кстати, крепкие, из плотного брезента...

Луценко обвешался сумками и поволок их в здание, застрял на входе. Таскать не перетаскать. Много на свете сумок. Красных. Много на свете сумок. Разных. С сумками жить хорошо. Без сумок жить плохо. Так говорил весной великий тушканчик Хохо.

Луценко вернулся за новой партией.

Все это длилось и длилось. Луценко таскал сумки, я смотрел, становилось жарко. Люди проходили мимо, смотрели странно. Я же думал, что сумки – не самое худшее, у Треуголова была идея заказать памятные гири. Обсуждали на полном серьезе, вождь физкультурников полагал, что шестнадцатикилограммовая гиря с гравировкой – прекрасный, а главное, запоминающийся и полезный подарок для участников ЗОЖ-конвенции. Единственное, что остановило его – цена вопроса. И сами гири встали бы дороже, и их перевозка, погрузка и упаковка.

Я представил три тысячи пудовых гирь, в подарочной бумаге и пожалел, что не согласился на гири. Сейчас бы смотрел на Луценко с большим удовольствием. И гири продать проще, чем сумки. Наверное. Сумок полно, гирь не хватает.

– Ну, все, – остановился Луценко, когда на газоне осталось штук сто. – Перекур...

Луценко упал на ступеньку, достал сигарету, затянулся.

– Что думаешь? – спросил. – Насчет физкультурников?

– Не знаю пока. Помаринуем, потом посмотрим. Я в отпуск сегодня, не хочу про это...

– В горы?

– Да.

– Один?

Блондинку Катю я пока не пригласил, но вряд ли она станет капризничать.

– С официанткой, что ли? – усмехнулся Луценко. – Давай лучше работницу культуры тебе подгоню, а то как-то...

– Теряем время, – я указал на оставшиеся сумки.

– Да сейчас...

Луценко стрельнул в сторону окурков.

– Витя, в твоем возрасте с официантками уже нельзя, – сказал Луценко. – Это слишком... предсказуемо. Найди себе воспитательницу или девушку из проката скутеров. У меня, между прочим, была одна воспитательница – огонь! Ее в садике за день дети и родители так накрутят, что потом в койке просто война! А что твоя официантка? Официантка организует тебе унылые катаклизмы...

– Работай давай.

Я поднялся со ступеней и направился в офис, оценить разгром.

Протиснулся с трудом. Кабинет был плотно завален сумками. Вокруг моего стола оставалось незначительное свободное пространство, я сел в кресло, дотянулся до холодильника. Достал банку газированного апельсинового сока, открыл и оценил вид вокруг. Сюрреализм. Компульсия. Аут и Израэль. Теперь в кабинете вполне можно снимать поэтические ролики Уланова. Красные сумки лежали, торчали и висели.

Я устроился за рабочим столом, достал телефон.

«Гандрочер Кох».

«С прожектором и бубном».

«Сивый угол».

Я надеялся, что обновился «Современный Прометей», однако новых роликов мастер не выложил.

В офис тяжело ввалился Луценко с сумками, хрипло выдохнул и сказал:

– Мне кажется, Витя, физкультурников с деньгами нельзя мариновать.

– Почему?

– Они мне не нравятся.

Луценко сгрузил сумки и упал в сумки.

– Я, конечно, не застал все эти ваши девяностые, но у меня чутье.

– А конкретно?

Луценко потянулся, хрустнул шеей, надел на голову сумку.

– Конкретно не скажу. Этот Треугольников... Мутный тип. У него прыщи на шее.

– Это от анаболиков, – предположил я.

– Это от гармошки, – поправил Луценко. – Мой папа учил не доверять дрищеватым и прыщеватым. От гармошки соединительная ткань разрастается, давит на мозг, такой человек всех ненавидит и жаждет вонзить тебе в спину нож. Треугольников...

Луценко попытался сделать из надетой сумки треуголку.

– Короче, этот Треугольников, по-моему... Может, лучше заплатить?

– На счетах пусто, – сказал я.

– Да, пусто. Но если...

– Своих у меня тоже нет.

– Ага...

Луценко снял сумку. Хотя в сумке ему было оригинально. Если Уланов станет читать свои стихи в сумке, получит многих и многих успех.

– Ладно, – сказал Луценко. – Если он позвонит, я его... Я ему Уланова телефон дам! Гусар ему мозг порвет!

Луценко вскочил, отобрал у меня банку с соком, стал пить, поперхнулся.

– Кстати, Вить, там к тебе пришли, – сказал Луценко через кашель.

– Что?

– Пришли. Додик какой-то, не видел его раньше. Тебя спрашивает. Похож на нашего Уланова... твой брат, что ли? Анатолий?

Луценко вытер локтем подбородок и прищурился.

– У меня нет братьев. Что за Анатолий?

– Я так и знал. Ну он, короче, ждет у крыльца.

Я вылез из кресла, попытался выглянуть в окно, но не получилось – Луценко забил сумками подоконник.

– Я подарил ему сумку, – сказал Луценко.

– Зачем?

– Думал, что он твой брат.

Я достал из холодильника еще банку. Люблю апельсин. Открыл. Сок успел слегка замерзнуть, внутри брякали острые льдины – хороший сок, корейский. Разумеется, обычно я предпочитаю японский, его вкус шире, богаче, но и корейский ничего, питкий и плотный, с легким сандаловым послевкусием, с еле заметными ореховыми верхами.

Я вскрыл банку. Отличный сок.

– Ты чего? – спросил Луценко.

– Устал немного. Перекупался. Жарко еще сегодня...

Я дотянулся до пульта, включил кондиционер.

– Говорят, на кондиционеры введут налог, – сообщил Луценко. – Типа транспортного.

– Это логично, – сказал я. – Они перегружают сеть. Из-за этого останавливаются насосы на очистных, поэтому летом нет воды.

– Воды нет по совершенно другой причине, – возразил Луценко. – Ее закачивают в подземные хранилища.

– Зачем?

– А ты видел, какие волноломы строят? И дно углубляют. Это для подводных лодок. Здесь внизу город, и ему нужны запасы воды.

Да. Если заплывать подальше и нырнуть, то иногда слышишь зуммер, звук, похожий на склоки афалин. Но на самом деле это жители подземного Геленджика переговариваются с жителями подземного Лоо.

– Его еще до войны начали строить. Теперь он разросся от Новороссийска до Анапы.

Сейчас расскажет про одного своего старого знакомого, который гулял по горам в поисках джонджоли, но провалился в расщелину, в глубине которой обнаружил туннель и желез-

ную дорогу. Он пошел по этому туннелю и скоро встретил поезд, а в нем слепых филиппинцев, имя знакомому было Вилор.

– Я бы хотел, чтоб меня взяли в такой город, – сказал Луценко. – Хочу жить в бункере. С детства.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, потому, что мать хотела меня убить.

Это Луценко произнес совершенно серьезно. А я не знал, что ему на это ответить, поэтому сказал:

– Моя мать тоже хотела меня убить.

– Это распространено, – согласился Луценко. – Но моя не только хотела, но и пробовала.

– Как?

– По-всякому. Она меня с детства в разные странные секции отдавала. То в мотокросс, то в рафтинг. В стрельбу еще.

– И что?

– Едва начинало получаться, она меня сразу в другое место переводила. Я только-только переставал с кроссача падать, как она меня на надувную лодку сажала. Я едва плавать начинал, так она меня в юные пожарные...

Луценко поболтал банку, отпил.

– В парашютную секцию меня еще хотела сдать, – сказал Луценко. – По здоровью не прошел, слава богу, а то бы точно... Я туда прихожу, а мне говорят, слушай, мальчик...

Луценко попытался сплющить банку, не получилось, облился. Похоже, Миша устал на сумках.

– А потом в армейку зарядила, – Луценко плюнул в банку. – Я мог бы в морской пехоте служить, а она меня в инженерные войска. Ты представляешь – москвич в стройбате?

Швырнул банку на пол.

– Поэтому я всегда хотел в бункер. Лежишь у стены, а над тобой двадцать метров бетона, никто тебя не достанет, атомной бомбой и той не пробить...

У Луценко вдруг сделалось жалкое лицо, так что я поверил, что его мать была не прочь от него избавиться посредством мотокросса. Печально.

– Ладно, Миш, ты тут закрывай все, а я пойду.

– Давай, Витя, – Луценко дотянулся до холодильника и достал энергетик с изображением анаболической гориллы со штангой.

Я покинул офис.

На крыльце сидел Роман Большаков с красной сумкой на коленях, он обернулся и сказал:

– Привет, Витя.

Пройти мимо не получилось никак.

– Здравствуй, Витя, – повторил Роман и поднялся со ступенек.

– Здравствуй, Рома, – сказал я.

Роман вполтину посидел, но остался таким же тощим. А лицо оплыло по краям, наверное, если бы встретил его в посторонней обстановке, не узнал бы. Но здесь узнал.

– А я тебе звонил, но у тебя с телефоном что-то...

Не случайность. Теперь я в этом окончательно не сомневался.

– Мошенники, – объяснил я. – В последнее время не дают прохода, приходится быть настороже.

– Да, меня тоже достают.

Какая уж тут случайность.

– Я тебе из аэропорта звонил, – сказал Роман. – Как прилетел, так сразу к тебе.

– Отдохнуть решил? Могу посоветовать нормальный дом, от города недалеко и недорого.

Вода чистая.

– Нет, я ненадолго. Мне поговорить с тобой надо.

На крыльцо вывалился Луценко с сигаретой и банкой пива, хитро уставился на нас. Роман обнял сумку.

– Мужики, а поехали к девкам? – предложил Луценко.

Роман улыбнулся.

– Завтра чтобы в семь здесь был, – велел я Луценко.

Луценко козырнул и шелкнул пятками.

– Яволь, штандартенфюрер! Понимаю, вам надо остаться наедине...

– Вон пошел.

Луценко, насвистывая, отправился к остановке.

Я пытался придумать, как сбежать. Повод, найдите мне повод. Как назло в голову ничего не приходило. Роман... Я растерялся. Вернее, не растерялся, в голове грохотала пустота. И сумки.

Интересно, сколько ему сейчас? Сорок, наверное... Забавно, Роману уже сорок... Вряд ли он такой же прыткий, как раньше. И триста грамм с шашки вряд ли навернет...

– Тут недалеко есть кафе, – сказал я. – Тихое место, хорошая кухня. Наверное, лучше туда... Ты не против?

Роман был не против, я вызвал такси. В машине мы молчали, доехали быстро. «Вердана» была еще закрыта, печь растапливалась, но меня как постоянного посетителя пустили. Мы расположились за столиком с видом на бухту, я заказал окрошку и салат из сельди.

– Как живешь? – спросил Роман.

Я протер стакан салфеткой, неопределенно подвигал подбородком.

– Не, я посмотрел в Интернете, коммуникативные компетенции. Это перспективно?

– Как у всех – то густо, то пусто. А ты? Чем занимаешься?

– А, – Роман махнул рукой. – Я там разным... Тренером, консультантом иногда... Фриланс, короче. Сейчас решил отдохнуть немного.

– Понятно. Ну, а в целом? Баба, дети, бультерьер?

– Не...

– Уже «не» или вообще «не»?

– Вообще, – сказал Роман с печалью.

– Зато не бабораб, – успокоил я. – Как и я. Одинок, свободен, не алень, доволен и никогда не пренебрегаю горячим... Здесь сносная баранина. После окрошки захочется чего поплотнее, я знаю.

Возник официант, я заказал две баранины.

– А как у тебя? – спросил я. – Как танцы? Ты же вроде орал песни и пляски?

– Да никак танцы. Все как-то заглохло... постепенно. Этим отец занимался, а мы с мамой на подхвате больше. Потом не плясалось... Короче, танцуй, пока молодой.

– Случается, – сказал я.

Жорик подал окрошку.

Квас белый, в меру кислый, с ощутимым изюмным тоном и хлебной глубиной. Зелень порублена средним размером и в равных пропорциях: укроп, петрушка, лук, салат, для остроты несколько листочков рукколы. Картошка не сварена в вульгарной пароварке, а доведена в насыщенном солевом растворе. Суздальские огурцы с мелкими семечками в пропорции один к трем, на три свежих один малосольный. Копченая говядина, рубленая мелкой соломкой. Яйца, разумеется, перепелиные, маринованные. Горчица злая. Рисовый уксус. Сметана. Композиция близка к идеалу, собрана за несколько минут до подачи. Глиняные миски поставлены на замороженные алюминиевые пластины. Фирменным акцентом в отдельной плошке рубленая килька в томате. Я добавил ложку, Роман воздержался. Приступили.

Иногда я отпускал крошку и поддевал вилкой пряный кусок сельди, укладывал его на ржаной хлеб, закусывал, размышляя о достаточности. Обеды в «Вердане» хороши, в наши дни так сложно найти приличное место. В жизни нелегко определить предмет, от которого было бы тяжело отказаться. У меня нет своей квартиры, нет машины, нет дачи и участков земли, нет книг, мебели, которую легко сломать и не жаль выкинуть, нет видеозаписей и фотоальбомов, я люблю одноразовую посуду и бумажные полотенца; «Вердана» забавное исключение, мне здесь нравится. После крошки подали пирожки со шпинатом и сыром, я их не заказывал, компле2мент. Шпинат из разморозки, даже «Вердана» не идеальна.

– Хороший ресторан, – согласился Роман. – Но название необычное. При чем здесь «Верден»?

Я поглядел на Романа с интересом.

– «Вердана», – поправил я. – Верден – это город, Вердана – это река. Она протекает здесь неподалеку. Горная речка, красивая.

– Здесь красиво, – Роман кивнул на бухту. – Тепло.

– Только с водой проблемы, особенно летом.

– Да, я что-то слышал по телевизору... Кстати, твой сотрудник подарил мне сумку, ничего?

– Нет-нет, бери. Мы дарим сумки инвалидам и приличным людям.

Роман улыбнулся.

Я подумал, а что, если взять и уйти? Скажу, что в туалет, встану и уйду, пусть Роман остается за столом в «Вердане» в состоянии коллапса. Гандрочер Кох, спешу на помощь, дай сил уйти, дай воли развернуться, сесть в машину, в горы с блондинкой Катей, увы, у меня есть прескверное качество – не могу уйти. Кох предупреждал, что надо уходить, зачем ему не верил? Теперь предстоят утомительные два часа общения со старым другом. Который пожаловал явно не просто так.

Я остался за столом.

– Значит, ты, в принципе, тем же самым и занимаешься, – сказал Роман. – Чем раньше. Пиар? Коммуникативные компетенции – это ведь и есть пиар?

– Не совсем. У нас скорее консалтинг... Короче, битва Ктулху с Тиамат на берегах Гипербореи, как всегда. Но есть и свои маленькие бонусы.

– Какие?

– Свободное время. Компания отлажена, можно управлять дистанционно, поэтому...

– Путешествуешь?

– Случается. В один прекрасный день я понял, что нормальной жизни не получится – семья, дети, это все мимо. Да и не хочется, если по-честному, видимо, не моя судьба.

– Жаль. Все-таки в этом есть нечто... правильное.

– Не спорю, есть. Но... имеем что имеем. И, думаю, поздно меняться. К тому же...

Роман поправил седины. В сорок лет седины.

– С возрастом дни начинают течь быстрее, – сказал я. – Это естественное следствие усложнения коры головного мозга – чем круче лабиринт, тем резвее должен быть Тесей. И дни ускоряются, начинают мелькать, мелькать... В сущности, осталось не так уж и много...

– Я как раз про это, – мягко перебил Роман. – Времени не так уж много, я стал это тоже замечать.

Зря я про Тесея, надо было про грыжи. Множество грыж, каждая размером с горошину, расположились вдоль позвоночника и отравляют жизнь, я остро нуждаюсь в санаторном лечении, мне не до ваших посылок...

– Времени мало, ты прав, – повторил Роман. – А мой отец всю жизнь собирал материалы по казачьей теме. Документы, фольклор, форму, шашки, короче, богатая коллекция...

После тщательного обследования лабиринта Тесей пришел к выводу, что Астерий был мифологическим персонажем.

– Полгода назад я продал эту коллекцию и... и решил написать книгу.

Я быстро посмотрел на Романа. Не шутит. Был танцором, решил написать книгу. Так ему и надо.

– Про казаков? – спросил я. – В принципе, тема неплохая. Насколько я знаю, про современных казаков ничего серьезного не пишут...

– Я не про казаков, я про...

Подошел официант, стал расставлять блюда с бараниной. Роман открыл на телефоне галерею и показал крупного серого кота в белье в корзине.

– Это мой кот, – пояснил Роман. – Его зовут Кукумбер.

– Как интересно, – сказал я. – У одной моей знакомой жил точно такой же кот.

– Это мейн-кун, – пояснил Роман. – Очень хороших кровей.

Полковник Афанасий «Мейн-Кун» Кукумберов приходит в себя в теле подьесаула Искитимова, участвовавшего в Брусиловском прорыве и впавшего в кому после атаки боевых цепелинов. У него есть одна неделя, чтобы предупредить командование о том, что Империя стоит на пороге чудовищных потрясений. Сюжет для космооперы «Берцы Империи». Я взялся за баранину.

– Я про нас хочу написать, – сказал Роман. – То есть не про нас, а про...

– Адмирала Чичагина?

Баранину в «Вердане» умеют готовить необыкновенно, лучшая в бухте, за три года ни разу не подали пересушенную или сырую, и в этот раз исключения не случилось. Маринованный лук был лишен горечи, но сохранил хрустящую структуру, сладость и кислинку. Ткемали самодельный, сварен классически, на медленном огне, из чуть недозрелых слив, в теле соуса ощущаются волокна.

– При чем здесь Чичагин? Нет, не про Чичагина. Про исчезновение.

– Исчезновение...

– Два пацана пропали.

– Да, я знаю... Мы их тогда искали в лесу, полгорода собралось.

– А Хазина укусила бешеная мышь, – напомнил Роман.

– Точно. Мышь укусила его, а в больницу меня уложили.

Посмеялись.

– И ты хочешь написать книгу про это исчезновение? – спросил я.

– Ага.

Роман отодвинул тарелку с мясом и достал вещь, которую я мгновенно узнал. Писательский блокнот. Ежедневник в бордовой коже, со скрученными нижними углами страниц, с обмятыми углами, на обложке золотым тиснением «2012» и скачущая лошадь. У меня был похожий, правда, вместо лошади вертолет.

Роман открыл блокнот. Страницы исписаны, почерк круглый, экономный, два роста в строку.

– И почему ты хочешь написать именно про это? – спросил я. – Странный, должен признать, выбор темы. Собственно, темы никакой нет, так, мельтешение.

– Тема есть, – возразил Роман. – Тема там есть, во всех этих событиях...

Роман полистал блокнот.

– Понимаешь, эти события... Ну, все, что произошло тогда, в Чагинске. Они как-то связаны.

– В Чагинске случились, вот и связаны.

– Нет, – покачал головой Роман. – Не только поэтому.

– А почему?

Сделаться, что ли, без чувств, пусть везут в больницу.

– Я пока не знаю, – Роман смотрел в блокнот. – Но связаны, это точно, я в этом уверен! Это все так странно. Я расскажу...

Роман облизнулся и несколько потерянно огляделся. Официант выступил из-за колонны и поставил перед ним кружку лагера.

– Спасибо! – Роман схватил кружку и с наслаждением отпил треть.

Поэтому всем заведениям на Набережной я предпочитаю «Вердану», персонал здесь читает посетителей, знает, кому и когда поднести пиво, кому компот. Мишлен Квакин не имел бы здесь ни копейки успеха.

– И давно? – спросил я. – Давно решил книгу писать?

Четыре года назад Роман работал в Доме культуры, небольшой город в Архангельской области, в основном химическая промышленность. Звукорежиссером, видеографом, аккомпаниатором, заведовал аппаратурой и светом. Жизнь не то чтобы, но и не шлак-шлак, постепенно привык. Роман пообтерся и раздумывал, не купить ли уж и мотоблок, не вступить ли в ипотеку, намеревался поставить новый забор и провести воду в дом, но тут произошло.

Пропала девчонка. Родители не затанули, обратились в полицию, обратились к волонтерам. Поисковый отряд приехал быстро, прочесали округу, через пять часов нашли, все в порядке, заблудилась в лесу, уснула.

После поисков в Доме культуры для жителей провели лекцию. Как действовать в таких условиях, куда обращаться и почему исчезают, на что обратить внимание и что должно настоять. Роман записывал видео.

Лекция закончилась, народ разошелся, волонтеры собрались, но уехать у них не получилось – начался сильный дождь, и поисковики решили переждать до утра. Роман устроил их в библиотеке клуба, возвращаться домой не хотелось, и он остался с поисковиками. Пили чай, ели бутерброды и лапшу, девушка, та, что вела встречу с жителями, захотела покурить. В библиотеке было нельзя, и Роман повел ее на пожарный пост, к ящику с песком.

Они сидели на ящике и курили, сразу за жестяной крышей гремела гроза. Девушка нервничала от жестяного грохота, тогда Роман решил с ней поговорить и спросил, что самое сложное в поиске. Девушка ответила, что привыкла уже и ничего особо сложного нет. И замолчала. Докурила, и сигареты у нее закончились, Роман угостил своими.

Девушка долго курила, покашливая, потом спросила, хочет ли он узнать самое страшное?

Люди пропадают, сказала девушка. Ведется статистика, разбивка по годам, по временам года, известно, сколько пропадают зимой, сколько летом. Известны основные причины исчезновений, сколько теряются в лесу и тонут, известно количество попавших в рабство, известна доля маньяков и число тех, кто теряет память. Из этого складывается некоторая сумма, которая мало меняется от года к году. Но реальное количество пропавших больше. И эта разница слишком велика, чтобы списать ее на погрешность или ошибку в подсчетах. Куда исчезают те, кто не попадает в эти причины, – неизвестно. Люди выходят из дома на работу – и не возвращаются. Бесследно. Навсегда.

– Каждый год в России исчезают тысячи, – сказал я.

– В этом и дело. Люди пропадают. Словно растворяются...

– И что? – спросил я. – Этому наверняка есть объяснение.

– Дело в том, что как раз нет. Объяснений нет.

Роман взболтал остатки пива, но пить не стал, отодвинул. Правильный официант незаметно поменял пустую кружку на новую, Роман отхлебнул и продолжил:

– Есть нечто... Я не могу это точно сформулировать...

Роман потер лоб.

– Это когда тебе кажется все предсказуемым, а потом вдруг ты осознаешь, что это не та предсказуемость. Точнее, не для тебя, ты с облаками ничего поделать не можешь, это все на уровне предчувствий...

Я не очень понял, что он хотел сказать. Роман стал нервно мять пальцы. Раньше он с одного бокала пива не напивался. И раньше он ходил с шашкой.

– С какими облаками? – спросил я.

– Ну, это давно было... Я зверобой собирал для чая, гляжу – облака. Белые и словно на булавки приколоты, ненастоящие, кусочки ваты. Я про такое потом читал – это случается от перегрева или от удара по голове... В мозгу образуются кратковременные нейронные связи, и видишь мир несколько иначе... Но шапочка из фольги, говорят, помогает.

Мы снова посмеялись.

– Я тоже читал про такое, – заметил я. – Кажется, «эффект матрицы» называется. Навязчивое ощущение искусственности мироздания.

– Похоже, – согласился Роман. – Очень похоже. Так вот, облака висели как декорация. А потом вдруг быстро побежали, словно включился какой-то механизм, представляешь? Это было необычайно красиво, я смотрел, наверное...

Роман отхлебнул из кружки.

– Несколько минут смотрел, – продолжил он. – А потом облака вдруг остановились, замерли на секунду и побежали назад! Как?!

Я подобную восторженность не разделял и, если честно, не очень хорошо понимал, что Роман пытается рассказать. Или он заходил слишком издалека, или сам не очень понимал...

Наверное, я почувствовал, что в этой каше, рассказанной Романом поверх холодного бельгийского пива и жареной баранины, действительно есть некоторый смысл. То, что можно превратить в настоящую книгу.

И я позавидовал.

– У тебя есть красные носки? – тупо спросил я.

Роман достал платок, вытер лоб.

– Ты не понимаешь. – Роман сложил платок вчетверо, снова расправил. – Видимо, я слишком сумбурно рассказываю. Может, лучше ты посмотришь?

Роман подвинул мне блокнот.

– Тут более-менее все последовательно изложено.

– Нет, Роман, извини, – я отодвинул блокнот обратно. – У меня времени сейчас нет совершенно. Верхне-Вичугская сумочная компания, организую их выставку, работы по горло. Сам же видел – завал.

– Верхне-Вичугская сумчатая...

Роман поглядел на красную сумку под ногами.

– Но, если ты хочешь, я могу взять твои материалы, потом посмотрю. Обычно на Новый год у меня выпадает окно...

Роман тут же убрал блокнот со стола. Я отметил, что он, похоже, на самом деле крепко вступил на сомнительную дорожку сочинительства и теперь, как всякий неофит, опасался, что его интеллектуальный продукт будет отчужден морально неразборчивыми братьями по перу.

– Понимаешь, тот случай... ну с той девушкой... никак у меня из головы не выходил. Это ведь ненормальный случай, ты согласен, Витя? Жил человек вроде счастливо, работа, ребенок талантливый, все хорошо. А потом раз – и кончилось! Отрезали – и выбросили! Вот я и думал – почему? Почему оно так? В чем причина?

– Чего?

– Того, что случилось с той девушкой, – терпеливо повторил Роман. – Того, что случилось с ее сыном. С другим мальчишкой. С нами что случилось.

– С нами ничего не случилось, – сказал я. – И в этом нет никакой причины.

– Нет, – Роман покачал головой. – Есть, ты просто не понял. Я тогда тоже не понял, но потом... Это как с облаками! Облака шли в одну сторону, а потом раз – что-то изменилось, и облака развернулись обратно!

Роман потряс блокнотом.

– Все как обычно, потом раз – и переключилось! Словно где-то за стеной шестеренки перевернулись. Это как заглянуть под крышку старого лампового телевизора, помнишь, как у Снаткиной?

Снаткина.

Это есть наказание мне, это за гордыню мне, за сытое презрение к малым сим, как несправедлив был я к суггестивному поэту Уланову, как высокомерен с доброй Милицей Сергеевной, как побрезговал я той, что невольно застряла в дольмене, как смеялся я над Остапом Вислой, и вот, Билли Бонс, тебе бандероль.

– То есть если ты смотришь в телевизор с другой стороны, то видишь, как в колбах горят красноватые огни, трансформаторы трещат, гудит что-то, и все это абсолютно не похоже на то, что происходит на экране.

Замечательно заболела голова.

– Ну-да, ну-да, – зевнул я. – Мир не такой, как нам кажется. У бытия есть и неприглядная изнанка. «Водопады Нибиру» поют и трепещут в моем сердце. Ты про это думаешь написать? Если так, то спешу тебя огорчить – тема удручающе не нова, про это сорок раз написано.

– Нет, я не про это, – исправился Роман. – Ну, то есть в общем смысле. Некоторые события имеют не те причины, что кажется нам, это я хочу передать. Но это...

Роман поморщился.

– Иногда мне кажется, это настолько неуловимо, что в словах нелегко объяснить... Наверное, поэтому я решил написать книгу.

Я усмехнулся.

– Тебе трудно объяснить это в словах, и ты решил написать книгу?

– Да, – Роман вернулся к пиву. – Примерно так. В двух словах нельзя, в книге получится. Надеюсь. Ты же знаешь, книги показывают не словами.

На этом свежем замечании я подозвал официанта, заказал вертуту с малиновым конфитюром, Роману штрудель, обоим кофе по-гавански.

– То есть твоя книга будет про некоторые... общие ощущения? – уточнил я. – А не про конкретное исчезновение?

– Все книги про ощущения, – самоуверенно ответил Роман.

На это я не стал возражать.

– Книги – они должны общаться с читателем не с помощью слов, – сказал Роман. – В наши дни слова дискредитировали себя.

«История немецкой космонавтики». Отличный канал, я понял, что давно его не смотрел, он успокаивал не хуже «Берцев Империи». Или «Коньки Апокалипсиса 2020», достойно, достойно. Видимо, от мыслей про морскую фауну святых последних дней на моем лице образовался некий скептицизм, и Роман это заметил.

– Разумеется, ты прав, я весьма плотно работаю и с фактурой, – сообщил он. – Я собрал некоторый материал, изучил историю Чагинска, изучил биографии, но... не очень получается.

– Такое часто бывает, – успокоил я. – Главное не отступать. Работай каждый день – и количество перерастет в качество. Рано или поздно. Начни с рассказов, постепенно наращивая...

– Да-да, я так работаю, – занервничал Роман. – Рассказы, много читаю... Но...

– Не взлетает.

– Не взлетает, – подтвердил Роман.

– Взлетит, – заверил я. – Это далеко не с первой попытки удастся. И не с первой книги. Понимаешь, я не зря тебя про тему расспрашивал, если у тебя в голове тема не сияет, если она не оформилась в деталях, то и текст не идет, ничего удивительного. Возможно, для дебюта стоит взять другую тему? Более линейную, открытую?

Роман открыл рот, чтобы возразить, но промолчал, задумался, поглаживая пальцем по коже блокнота.

Мы молчали. На Набережной заиграл джаз, хотя до вечера было далеко. В сторону музыки поспешила банда жирафов-вымогателей, за ней на тележке провезли странную композицию – составленную из пластиковых пальм и кедров модель Райского сада, за Эдемом на электрокаре проехал патруль.

«Угар муниципий», «ЖКХ-арт как чучело красоты». В последнее время канал начал повторяться, но я бы сейчас с удовольствием посмотрел и его.

– Нет, – помотал головой Роман. – Нет, я не могу другую, я уже отравился.

И тут же подали вертуту, штрудель и кофе в серебряном кофейнике.

ЖКХ-арт возник как чучело красоты, но его адепты искренностью души своей растрогали одряхлевшего Ильмаринена, и он придал ему подлинности и меры.

Вертуту здесь я еще не пробовал, она оказалась на высоте. Тесто в меру тянучее, пропеченное, с корицей и изюмом. Малиновый конфитюр порадовал отсутствием косточек, выраженным ароматом и салициловой кислоткой. Сливки густые, холодные, не очень сладкие создавали отличный ансамбль с вертутой и малиной. Определенно лучшая вертута в Геленджике, впредь буду брать ее исключительно здесь.

– Я больше не могу про другое, – повторил Роман.

– Это тебе так кажется. Возьми тайм-аут, съезди... в Якутию.

– Нет! – решительно возразил Роман. – Про другое не получится. У меня такое чувство, что я должен про это написать. Я думал – отпустило, а оно не отпустило, оно потянулось.

– Ну, бывает, – согласился я.

Роман взял вилку и уронил на стол.

– Холодная... – потрогал вилку пальцем.

– Это для штруделя, – пояснил я. – Теплый штрудель, холодная вилка, вместе хорошо.

– Да-да, холодная вилка... – Роман взял вилку. – Понимаешь, ты единственный настоящий писатель, с которым я знаком. К тому же ты сам все видел там, в Чагинске.

Роман неловко ковырялся в штруделе. Роман как чучело писателя. Хотя на чучело, скорее, похож я. Чучело – это всегда бывшее. Впрочем, наверное, можно быть и грядущим чучелом.

– Да я ничего особого не видел, – сказал я. – Да и забыл почти все – мы же там редко трезвыми бывали, Хазин жрал как не в себя, помнишь?

– Да, точно...

Роман принялся разбирать вилкой штрудель, осматривал каждый ингредиент, словно пытался найти в содержимом лишнее. Продолжалось это долго, я наблюдал за процессом.

– А ты про кого-нибудь знаешь? – Роман наколот на вилку изюмину. – Из тех? Ну, по Чагинску?

– Про Федьку что-то слышал, – ответил я. – Подполковник, кажется. Все там же, в Чагинске. Про остальных не знаю. Да и неинтересно, если честно.

– Неинтересно?

– Ни разу. Мне тогдашнего дурдома хватило, чтоб я еще сейчас это вспоминал?! Увольте, херр обер-лейтенант, семнадцать лет прошло!

– Ну да, понимаю. А я про многих узнал, кстати. Вот, например...

– Нет! – остановил я Романа. – Не хочу. Не желаю слушать!

Наверное, я сказал это чуть более энергично, Роман улыбнулся.

– А ведь ты, Витя, тоже, – сказал он, сощурившись.

– Что я тоже?

– Ты тоже почувствовал. Там, в Чагинске.

Я не ответил.

– Не понял, но почувствовал, – продолжал Роман. – И Хазин почувствовал, теперь я не сомневаюсь. В Чагинске было страшно.

– Конечно, страшно. Страшно, когда рядом кретины, в руках которых власть...

– Да нет, я про другое, – Роман неприятно скрипнул вилкой по фарфору. – Там по-другому страшно было, страшнее...

Борзый ПИсец.

Однажды Борзый ПИсец, уж выбившись из сил... Не то, ни при чем здесь он, посторонний. Предложили ему однажды зарезать свинью, он пришел, а свинья смотрит, смотрит, так и не смог, а вот отец его всех свиней в округе резал. А потом грибов набрал корзину, вроде маслята – не отличишь, сопливые, гладкие, домой принес, хотел пожарить, да свет кончился, подумал – не судьба. Утром проснулся, а это не маслята вовсе, а поганки особые, очень смертельные. Или про паразитов. Завелись однажды у БП такие комары, которые не кровь пьют, а электричество. Сначала-то он думал, что это сосед по батарее откачивает, но потом их подкараулил – как ночь, так электрические комары собираются на проводах и пьют. БП хотел их наловить, но не получилось – комары бились током или взрывались синими электрическими искрами. Рассказал приятелю, а у того похожее, но не комары, а цепни в «Фольксвагене», он однажды полез масло менять, а они там, в палец длиной, масло портят. А подруга у него работала сисадминшей, и к ней баптисты обратились – чтобы она им лазерное шоу запрограммировала. Ну, подруга сделала и как-то потихоньку сама в баптисты подалась, стала ключницей северного предела. А племянница его в семь лет видела красную дверь. Куда не пойдет – везде красная дверь. То в магазине, то в школе, то на секции, и эта дверь ее словно бы манила, хорошо бабушке одной рассказали, она отвадила, а так неизвестно чем закончилось бы.

– Ты чего, Вить?! – испуганно спросил Роман. – Тебе плохо? Побледнел весь...

– Жарко, – пояснил я.

– А у нас холодно всегда. Погода такая прохладная. А у вас хорошо. И штрудель хороший.

А у нас все штрудели дрянь, набьют прошлогодними сухофруктами – и жри, как свинья...

Я стал разливать кофе – и себе, и Роману.

– А ты, Рома, где живешь?

– Да там... Короче, Вить, я боюсь, что у меня ничего не выйдет.

– Что? – не понял я.

– Я это не напишу, – сказал Роман. – Или испорчу, или дрянь получится.

Я не стал его разубеждать. Хотя сам он, наверное, хотел обратного. Но в этом году нашествие перламутровых тараканов со Ставрополя.

– Давай вместе, – сказал Роман.

Немного промазал кофейником, на скатерти развернулся причудливый коричневый архипелаг.

– Не понял.

– Вместе писать. Книгу. У меня собраны материалы. Ты умеешь писать. Вместе у нас получится, я и название придумал...

– Не-не, – перебил я. – Название нельзя говорить – плохая примета.

Роман пожевал губу.

– Да и вообще, это без меня. Я на этих скрипочках наигрался, Рома.

– Может, все-таки...

– Нет, – сказал я.

– Почему?

– Долго и интересно рассказывать, как-нибудь в другой раз. Если вкратце – я из тех, кому книги противопоказаны. У нас с ними... нет взаимности. Давно понял.

Роман пошевелил бровями.

– Книги – как крокодилы, – пояснил я. – Чуть зазевался – и оттяпали ногу. Я знавал парочку писателей, которым не повезло еще больше – им оттяпали голову.

Роман попробовал кофе. Кофе здесь действительно гаванский, я знаю поставщика. Сильная обжарка, сваренный в медной кастрюле, горький и бескомпромиссный, как «стечкин» Че. Вряд ли в нем присутствует ром и сигары, но я их слышу. Хороший восьмилетний ром, крепкая сладковатая «Вирджиния».

– Фантастический кофе, – сказал Роман.

– Неплохой.

– И ты решительно пас?

– Угу.

– Я так и думал, – сказал Роман.

Но, как мне показалось, без особых сожалений.

– Я, кстати, был уверен, что ты откажешься, – сообщил Роман. – Билет обратный взял, через два часа вылет. Я понимаю, тебе не до этого, много дел, все такое. Но надеялся...

Роман окончательно растерзал штрудель, разобрал его на яблоки, орехи, изюм и вишню, неаппетитно перемазал все это мороженым.

По Набережной приближалась музыка, но звучал не джаз, а некое кислое жестяное бряканье; джаз испортился, все музыканты словно захромали, музыка их захромала.

– Ты только за этим приезжал?

Роман отодвинул тарелку.

– Ну да, за этим. Думал тебе литературу предложить. А ты не хочешь литературу. Но это твой выбор.

– То есть?

– Ты сам выбрал.

Мне не нравится слово «выбор». В нем безнадежность ночного перекрестка. Угроза. Мороженое растаяло, штрудель поруган, кофе остыл.

– Я ничего не выбирал, – стараясь быть твердым и отчетливым, произнес я. – Просто у меня много дел, и я очень плохо помню то время.

– Так я про это и говорю – ты плохо помнишь. Но я должен был тебя предупредить...

– О чем?

– О том, что я сам про это буду писать, – сказал Роман. – Вдруг ты бы надумал, а место-то занято.

Место занято, Гандрочер Кох растерзал холодильник.

– Ну, чтобы мы с тобой одну работу не делали, когда двое про одно и то же пишут... Глупо, наверное.

– Пожалуй.

Поэт Уланов с этим бы поспорил.

– Вот и хорошо, – Роман окончательно спрятал литературный блокнот. – Буду стараться сам. Как могу, наверное.

– Правильно, – сказал я. – От меня все равно никакого толка, я сто лет не писал, а это дело требует тренировок.

– Ну да...

Мимо пошел оркестр. Пенсионеры. Каждый старался над своим инструментом, общей мелодии не складывалось, но звучало громко.

– Ты мой номер все-таки разблокируй, – попросил Роман. – Вдруг спросить чего придется.

– Да, само собой... Может, погуляем пока?

Роман был не против.

Я расплатился, мы покинули «Вердану» и отправились вдоль моря.

Набережная оживала, оркестр разбудил любителей променада и вечерних купальщиков, переживших полуденный жар в своих номерах; скамейки были заняты, мимо нас проносились велосипедисты и самокатчики, на пляже играли в волейбол и катались на досках. Солнце висело высоко, но светило иначе.

Роман купил разноцветного мороженого и с удовольствием ел. Потом купил яблоко в карамели. Потом мы встретили горячую кукурузу, и Роман умудрился съесть две штуки и запил свежим апельсиновым соком. Я немного ждал. Когда Роман скажет, зачем он приехал на самом деле, но Роман купил ведро попкорна и говорил исключительно о ерунде.

Крыша в доме Романа прогнила разом, по всем углам, а и не прогнила, ее прогрызли коричневые древоточцы, еще немного – и потребуются капитальный ремонт.

А в прошлом месяце он неосмотрительно помог соседней бабе с печью, и она, по некоторым пугающим признакам, в долгу оставаться не собирается.

Прочие соседи исключительные скоты, потихоньку сдвигают границы участков, чтобы рано или поздно выдавить его вовсе.

Желудок болит все чаще. Пробует настаивать на спирту золотой корень, помогает. Я посоветовал хлорофилл, ВСАА и витамины. Роман вздохнул. Я предложил денег. Роман отказался. Я предложил обращаться, если что, вызвал такси, и мы отправились к аэропорту.

Пробки начинались.

Всю дорогу я ждал, когда Роман спросит про посылку. Про бейсболку. Но он не спрашивал.

Потом мы стояли в очереди на вход, толкались в зале регистрации, а он все не спрашивал. А после получения посадочных талонов стал извиняться. За свою глупую идею, это ведь была крайне глупая идея – прилететь вдруг с таким предложением и на что-то надеяться. Но я должен его простить, он сам не свой, я должен его простить. Я сказал, что ерунда, был рад его видеть.

Роман пожал мне руку и отправился в посадочную зону.

Все.

Что это было?

Я взял такси и отправился к дому.

Начинались сумерки.

«Угар муниципий».

Соколиный Глаз настороженным шагом пробирался сквозь бывшее индустриальное величие Среднего Поволжья. По правую руку его высились мосты и эстакады Западной объездной дороги, по левую серел величественной башней областной элеватор, далее простирался речной порт, ошестинившийся ржавыми кранами, река, пропитанная железом и цветущими зелеными водорослями. Соколиный Глаз шел сквозь унылую типовую застройку, в которой всегда жила осень.

Зачем он прилетал?

Нет, действительно, зачем Роман прилетал? Он прилетел из... Я вдруг понял, что так и не узнал откуда. Билеты из Москвы, но живет явно не в Москве и не в Подмосковье... Прилетел предложить мне нелепое соавторство. А потом от него отказался. Легко. И не спросил про кепку.

Он не спросил про кепку. Он ждал, что я расскажу ему про кепку? Или он не знал про кепку?

Зачем? Про соавторство несомненный бред.

Приезжал на меня посмотреть. Посмотрел. И что?

Хотел что-то узнать. Узнал? Если так легко уехал, значит узнал. Что мог узнать? Я жив. Мало, этого мало.

Я жив, но не интересуюсь прошлым.

Я не пишу про это книгу, мне на это плевать.

Я люблю вкусно пожрать. Я люблю только вкусно пожрать, Мишлен Квакин брат мой, Гандрочер Кох мой друг, я люблю Дросю Ку, «Старые Мастера» ласкают мой ум, скоро я унесусь в горы с блондинкой Катей.

Мне наплевать на то, что случилось семнадцать лет назад в городе Чагинск.

Мне на все наплевать. И это хорошо.

Роман мог знать про кепку. Он мог сам ее прислать. Чтобы посмотреть на мою реакцию. Расскажу ему или нет. Я не рассказал. И что дальше? Что это ему дало?

Заныли зубы.

Здесь. Вольф Видоплясов здесь.

Глава 4

Стремные эльфы

«Подручный Сом».

С вечера привязалась бессонница. Я пробовал успокаивающий настой и дыхательные упражнения, не помогло, пробовал мед и считать пузырьки, пробовал апельсиновые корки. За окном был ветер, по балкону шелестело – то ли листья, то ли перламутровые тараканы, я хотел проверить и открыл дверь. Нижние соседи ругались по поводу помятого пятилитрового термоса, я передумал выходить и остался в номере. Включил ноутбук.

«Современный Прометей» до сих пор не обновился, и я совершенно случайно наткнулся на «Подручный Сом».

Неплохой канал, мне понравилось. Вьетнамцы, а еще частенько индусы расковыривали в земле не особо широкие лунки и добывали из них рыбу. Сомов, угрей и каких-то незнакомых мне тварей, похожих на помесь карпа с колбасой. Способ ловли был прост и идиотичен – в проковырянную лунку надо было чего-нибудь налить или кинуть, после чего рыба с выпученными глазами сама начинала сигать из земли.

В лунку можно было бить яйца, и тогда из нее выскакивали шустрые и похожие на миног скользкие твари, рыбак едва успевал собирать их в таз.

Другой сыпал кукурузную муку, ворошил ее палочкой, и из воды выныривали плоскомордые усатые сомики. Они словно выстраивались под землей в длинную очередь, чтобы затем быть подхваченными за жабры и посаженными в пластиковое ведро.

Третий лил в лунку апельсиновый лимонад. Его требовалось хорошенько, до пены, взболтать, после чего разом выпустить в воду. После третьей бутылки наступал эффект – начинали выбираться сомы. Крупные, каждый длиной в руку. Рыбак, довольно хилый вьетнамец не справлялся с уловом, рыбы валяли его по траве, а одна впилась в плечо, так что я сразу вспомнил парня из Кореи, которого любимая кобра укусила в глаз.

Индийцы использовали несколько другие техники. Просверлив в травяном покрове дыру шириной в ведро, рыбак опускал в воду шланг, погружал его поглубже, примерно на метр, и начинал в шланг дуть. Дул минут пять. Когда от усердия глаза начинали наливаться кровью, рыбак запускал в отверстие ложку томатной пасты. Вода вскипала от рыб, похожих на зеленых угрей, индусу оставалось лишь собирать их в мешок.

Следующий мастер подманивал сомиков чупа-чупсами, это была, пожалуй, самая необычная техника. Он сидел возле узкой квадратной проруби с фиолетовым леденцом и булькал им по поверхности воды, с каждый бульком из мутной коричневой жижи поднималась усатая рыба харя.

Но всех, безусловно, превзошел мальчишка, умудрившийся добыть целую бочку рыбы с помощью пробки. Мальчишка брал обычную пробку, натирал ее на терке, скатывал с глиной в шарики размером с грецкий орех, шарики кидал в лунку. Сомики, обитавшие под толстым слоем травы и грунта, приводились от такой прикормки в бешенство, вода буквально вскипала от рыб, желающих оказаться на сковороде.

В этом было что-то ненормально гипнотическое, я отметил, что такая странная техника ловли успокаивает нервы так же хорошо, как «Современный Прометей»; я смотрел на эти рыбные упражнения два часа, раздумывая, в чем заключается их секрет. В итоге я ощутил в голове явную тяжесть, а ближе к трем и вовсе уснул.

Просмотр «Подручного Сомы» сыграл дурную шутку: я уснул, но отдохнуть не получилось – снились глазастые сомы, ядовитые и электрические угри, мурены, миноги, фантастические способы ловли. Я ловил странных рыб алюминиевой рогаткой, старинным кипятить-

ником и красной сумкой, причем водились эти рыбы тоже в странных местах – под досками ламината, в ванной, в батареях, в диване. Выспаться не удалось, сюрреалистические сны не дают полноценного отдыха, сознание отторгает их и работает на повышенных оборотах, ты словно проживаешь еще один день, порой более мучительный.

Наверное, поэтому я проснулся не сразу. Сначала пришло необычайно ясное осознание того, что в комнате посторонние, однако я решил, что это продолжение рыбьего сна. Но скоро один из присутствующих сказал, что некая Марина есть необычайная сучандра, и я понял – не сон, даже во сне я не мог употребить подобное слово.

Двое. Я понял – двое.

Открыл глаза.

Утро. Часов шесть, судя по чистому небу. «Русский Дарвин». В кресле возле окна сидел человек, на диване другой. У другого на коленях лежал черный курковый обрез. Как у Вайатта Эрпа. Их присутствие в комнате ощутимо искажало нормальное течение пространства, я чувствовал глупость и активное зло. Тот, что с обрезом – помоложе, бабуин, сразу видно, а в кресле – лет пятидесяти и опытный. Старая добрая недобитая гвардия, не думал, что сохранились, особенно здесь, на юге.

– Проснулся вроде, – сказал молодой.

– Проснулся, москвич...

– Доброе утро, джентльмены, – сказал я.

И продолжил лежать в кровати.

– Без пены, москвич, договорились? – сказал старый вурдалак.

– Разумеется, – ответил я. – От кого пожаловали?

Вайатт Эрп выразительно взвел курки. Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться. Почему-то представился упрямый Гандрочер Кох, терзающий электрокопильню болгарского производства, много смешного и странного.

Но не страшно.

Надо принять хлорофилл. Я не пропускал хлорофилл три года и чувствую себя отлично – хлорофилл, он для желудка, нормализует микрофлору.

– Телик включи, – сказал предводитель.

Эрп взял пульт и принялся давить на кнопки. Телевизор сопротивлялся. Оба уставились на меня. Гандрочер Кох и брат его Хеклер.

– Давно не смотрю, – пояснил я. – Психолог не рекомендует.

Эрп стал возиться с телевизором, искал шнур, искал розетку.

– Мне надо принять хлорофилл, – сказал я.

– Что тебе принять?! – бурным голосом спросил носитель оружия.

– Хлорофилл, – повторил я.

Носитель Эрп взглянул на старого, старый уныло кивнул. Я достал бутылку с хлорофиллом, тщательно взболтал.

– Чего за байда? – спросил старый.

– Это пидерское, – тут же вставил Эрп.

– Заткнись, – посоветовал старый. – Что за зеленка?

– Хлорофилл, – сказал я. – От желудка, от печени.

Я принял два колпачка и спросил:

– Так от кого прислали?

Не страшно.

Такие вещи пугали в двадцать, сейчас нет.

Не страшно.

Старый мне не ответил. Эрп тем временем разобрался с телевизором и включил музыкальный канал.

– С тобой просили поговорить, – сказал старший. – Нехорошо себя ведешь, москвич, не по-людски.

Нет, все-таки повеяло молодостью. События принимают легендарный оборот.

– Я не москвич, – сказал я.

– Нехорошо, москвич, нехорошо...

Старый взял бутылку с хлорофиллом, понюхал.

– Это из лягушек делают, – пояснил Эрп. – У меня батя таким чирьи лечил.

– Ты ж говорил, что пидерское? – сощурился старый.

– Да не, – покраснел Эрп. – Я так, по шуткарю...

– За языком следи, – сказал старый. – А то за язык и подвесить можно.

– Да не, я мимо... Шутка, короче...

Старый поставил хлорофилл на тумбочку.

– Ты чего молчишь, москвич?! – Эрп перевелся на меня. – Тебя же по-человечески спрашивают!

Эрп был глуп.

– Ты следак, что ли, с меня спрашивать? – сощурился я.

Глупый Эрп бешено выпучил глаза и замахнулся обрезом.

Старый пошевелил пальцем, Эрп опустил оружие, сел на диван.

Я прикидывал, что делать дальше. Вряд ли будут пытаться, старый урод, похоже, на это давно не способен. И бить не будут, место не то. Поугрожают немного. Психологическое давление, странно, не думал, что такие методы еще в ходу. Сейчас все иначе. Так казалось. А вот, поди ж ты, комедь...

Что делать? Да особо нечего. Буду слушать, что скажут господа бандиты. Но на всякий случай поинтересовался:

– Что надо-то?

– Неправильно себя ведешь. Тебе деньги доверили, думали, ты серьезный человек, не балаболка, а ты людей на прогон отправил. Так получается?

– От Треуголова, что ли? – предположил я.

– Ты, баклан, слушай, что тебе люди говорят! – Эрп ткнул мне в колено обрезом.

Я натянул майку. Милый Эрп. Застрелил сорок семь человек, не считая китайцев, и разбогател на лесных поставках.

– Это Треуголова косяк, – сказал я. – Я не при делах, это он нам должен. Он отменил конвенцию, а мы деньги уже потратили.

Молодой сделал звук телевизора громче, певица Корка старательно исполняла песню.

– Не, убери это, – брезгливо поморщился старый. – Я не могу так...

Стрелок переключил на новости. Нефть дешедела. Доллар дорожал. Атомный ледокол «Иртыш» обещали спустить на воду в будущем году.

– Мы с Треуголовым договаривались...

– Короче, так, – перебил старый. – У тебя месяц, москвич.

Здесь я не выдержал и хихикнул. Месяц. Раньше давали два дня. Все-таки гуманизм шагает по планете семимильными шагами.

– У тебя месяц, – повторил старый. – Через месяц вернешь все.

Старый оглядел комнату. Ничего интересного для себя не нашел.

– Я поговорю с Треуголовым, – пообещал я. – Думаю, мы все выясним...

– Зря недооцениваешь, – сказал старый. – С серьезными дядями бодаться решил, чревато.

Я промолчал. Смешные бандиты какие-то...

Словно из телевизора.

А вдруг это пуристка из Копейска? Это ее муж и сын, мы оскорбили ее в человеческих чувствах, и она послала родню преподавать москвичам суровый урок.

– Ну, москвич, подумай немного, – посоветовал старый. – Подумай, тебе есть о чем подумать. Счета в Германии, ячейка в Испании, похоже, давно на лыжи встать хочешь. Так категорически не советую, у нас у самих лыжники найдутся...

Старый указал на своего бойца.

– Биатлонисты даже, – уточнил носитель обреза.

Отпустил курки и спрятал обрез в кобуру под мышкой.

– Береги здоровье, москвич, – сказал старый. – Оно тебе в Черногории понадобится.

Скоты.

Старый лениво поднялся из кресла и, шаркая ногами, направился к выходу. Но внезапно остановился, уставившись в окно. Вернее, на подоконник.

Луценко. Сволочь, вломил по полной. И про счета, и про Черногорию.

Я поднялся с кровати.

Вряд ли обрез заряжен. Скорее всего, вообще муляж.

– Ого... – прошептал старый.

Он смотрел на кепку.

Эрп спохватился и подал кепку начальнику. Я почувствовал, как по загривку пробежали крепкие мурашки.

– А у меня такая же была, – сказал старый. – Точно такая же, братан привез...

Старый колыхнул кепкой, взволновал воздух.

– Я в такой пять лет ходил...

Старый надел кепку.

И сразу стал похож на пенсионера. Нормального такого пенса, их много по вечерам у побережья с удочками собирается. Я опять засомневался: а вдруг на самом деле пенсионер? А вдруг действительно Луценко? Подговорил соседа с внуком сыграть брателл конкретных, вечером в сериале, утром в реале, трогательные получились гангстеры.

– А ничего так кепан, – оценил носитель обреза Вайатт Эрп. – У тебя второй такой нету?

Поднял рюкзак, вытряхнул содержимое – ружье, маску, пояс – бумкнул свинцом об пол.

– Отдайте кепку, – попросил я.

– Что тебе отдать, москвичок?!

Эрп нарочно наступил на маску, стекло треснуло. Хорошая, немецкая, между прочим.

– Кепку. Зачем вам кепка?

– Ты что, баклан, краев не видишь?!

Эрп подскочил, прижал к стене, вдавил локоть в горло, больно.

– погоди, – остановил его старый. – Отпусти его, я не понял...

Эрп отступил. Урод. Придавил кадык.

– Что сказал?

– Эта кепка, – я указал мизинцем. – Она непростая.

Старый сощурился.

– Там внутри кровь, можете посмотреть. В этой кепке одного мужика зарезали...

Старый снял кепку, заглянул внутрь. Бросил на пол, достал платок, стал вытирать пальцы. Молодой Эрп растерялся, смотрел на старого, не знал, что делать.

А старый ничего не сказал, захватил бутылку с хлорофиллом и удалился, оставив молодого в некотором замешательстве.

– Ты иди, – посоветовал я. – А то опоздаешь, папа накажет...

– Смотри, сука, – молодой плюнул на порог.

– Да-да, конечно, торопись.

Молодой Эрп удалился. Я закрыл дверь и вышел на балкон. Сегодня жемчужных тараканов на кафеле было не так много.

Сел в пластиковое кресло.

К Новороссийску восходил мой любимый «Тубагач». Над морем мотались чайки и птицы покрупнее. Посреди бухты все еще болталась яхта с треугольным парусом. Вчера я в горы не уехал.

После аэропорта вернулся домой с намерением везти блондинку Катю, однако самой блондинки на месте не нашлось. На ресепшене сообщили, что Катя после обеда отпросилась в неизвестном направлении. Опять. Загадочная девушка Катя. Я слегка расстроился, но один решил не ехать, до завтра подождать, а пока отоспаться. В голове крутился быстрый бредовый день, красные сумки, визит Романа. Я выпил мятных капель и съел мед, не помогло, и тогда включил ноутбук.

«Подручный Сом» помог.

А с утра Эрп и его старший товарищ, странно все это. И неправильно, ненормально, так не делается. Нет, зожники те еще граждане, но утренний поступок вовсе не человеческий. Деньги не космические, договорились бы, не на таких договаривались, зачем этот цирк с тюленями...

Давно мне не тыкали в лоб обрезом, немного неприятно. Впрочем, плевать, скоро в горы. Кепка лежала на полу, ну ладно, пусть полежит.

Я почистил зубы и отправился в столовую.

У плиты сутуло топталась та самая нехорошая прошлогодняя баба, похожая на ожившее дерево, скорее всего, на осину. Я спросил, знает ли она, где Катя, осина сказала, что Катя вдруг взяла отпуск на три дня за свой счет. С трудом удержался от того, чтобы спросить, где Спартак, вряд ли она знала. Ладно, блондинку все-таки вычеркиваем красными чернилами, сырники и сметана.

Прошлогодняя баба жарила сырники, неожиданно для себя я почувствовал, что хочу есть. Это фантастическое нападение троглодитов не отбило у меня утреннего аппетита, я опять заказал сырники и кизилковое варенье.

В столовую подтянулся нижний сосед. Видимо, из-за проблем с пятилитровым термосом сегодня с утра он питался быстрорастворимой лапшой, заварил ее кипятком, и лапша сильно воняла, а сосед выглядел несчастливо и распространял вокруг безнадежные волны, тянул лапшу из пенопластового кювета без аппетита, заедал хлебом. Заметив меня, послал печальное приветствие. Я моргнул в ответ и велел принести завтрак не в столовую, а к бассейну.

В воде бассейна плавали рыжие налокотники и белая капитанская кепка. Я подтащил к парапету пластиковый стол. Показалась с подносом прошлогодняя женщина, составила на стол тарелку с сырниками и миску с кизилковым вареньем.

Завтрак от прошлогодней женщины оказался плох. Сырники холодные и жесткие, без сомнения, сделаны из вчерашних, внутри невкусные крупные комки подкисшего творога, консистенция неровная, вид бугристый, крошится при нажатии вилкой. Корочка отсутствует, вместо нее пропитанный прогорклым маслом желтоватый резиновый припек. Варенье, впрочем, оказалось еще хуже сырников, словно из другой бочки, хотя, может, так оно и было, прошлогодняя женщина, прошлогоднее варенье.

Звонок. Луценко. Посмотрим, что скажет.

Я ответил.

Тишина. Шипение на другом конце.

– Миша, ты?

Луценко отключился.

И сразу снова звонок.

Я сбросил.

Больше Луценко не звонил.

Прилетел молодой воробей, я назвал его Хохо и накормил сырником.

А ведь вполне мог быть Луценко, думал я, изучая одинокого воробья. Луценко и зожник Треуголов договорились. Надавить на меня, выжать деньги, потом поделить... Тогда зачем присылать кепку?

Звонок. Луценко.

– Витя, привет.

– Привет, – сказал я. – Что там у тебя?

– Ничего, все в порядке.

– Как выходные?

– Отлично. Отдыхаю.

– А что звонишь?

– Ладно, Витя, мне бежать пора, – сказал Луценко и отключился.

Что-то в тоне Луценко было не то, постороннее, раньше я такого не слышал, ну или внимания не обращал. И вообще, подозрителен был Луценко в последние дни... Сам напросился. Я быстро поднялся в номер, оделся, вызвал такси. Кепку поднял с пола, вернул на подоконник.

Подобрал пояс подвоха. Вынул груз, пропустил в отверстие ремешок, сделал петлю для запястья. Получился кистенек. Так, на всякий драматический случай. В городской квартире на такой случай имелся шокер и баллончик, но я посчитал, что обойдусь подручными средствами. Пришла пора поговорить с Луценко.

Луценко жил в новостройке у Толстого мыса, в двухкомнатной квартире на пятом этаже. В домофон звонить я не стал, дождался велосипедиста, вошел после него, поднялся пешком – люблю новые дома и лестницы в них, здесь пахнет краской и штукатуркой, чистотой.

Дверь Луценко справа, позвонил. Прятаться не стал, глядел в глазок. У Луценко электронный, удобная вещь, позвонил еще.

– Витя?

Не сомневался, никуда бежать ему было не надо.

– Открывай, дело есть.

– Какое? – не спешил Луценко.

– А ты не знаешь?

Луценко всхлипнул.

– Ты один?

Я оглянулся. Никого.

– Один. Открывай давай.

Дверь открылась, я вошел.

В холле квартиры Луценко пахло водкой и горелым пластиком. Луценко стоял у стены, держа у груди перемотанную руку, сквозь бинт проступала кровь. На лице синяки, глаза заплаыли. Едва я вошел, Луценко кинулся к двери, захлопнул и посмотрел в глазок.

– Что случилось?

– Приходили...

Луценко отодвинулся от двери.

– Кто приходил?

Хотя я догадывался кто.

– Давай не здесь, – Луценко прошлепал в столовую.

Я заглянул в гостиную. Особого разгрома не заметил, то ли Луценко успел прибраться, то ли действовали аккуратно. Люстра разбита.

В столовой было густо накурено, на столе сохли обкусанные куски пиццы, валялся шприц и пачка ибупрофена. На полу пустая водочная бутылка. Луценко достал из холодильника полную, открыл, налил полстакана, выпил, упал на диван.

– Вечером были, – сказал Луценко. – Ничего не объясняли, сразу в морду... В подъезде дожидались, суки...

Луценко приложил к лицу холодную бутылку.

– Побуцкали маленько, – Луценко катал бутылку по щекам, словно пытаясь разогнать синеву под кожей. – Ерунда...

Синяки от холода только краснели.

– Что хотели?

– Так денег хотели.

– Физкультурники?

– Угу. Хотя не сказались... но они... Вроде никому не мешали... Точно, они. Двое. Амбал и такой, прибалтанный...

Луценко отнял бутылку от скулы, скрутил крышку, отпил.

– Давно меня так... Нормально...

Поставил бутылку на стол.

– Месяц дали, – Луценко ухмыльнулся. – И машину забрали.

– Машину?

– Ага.

– Надо ментам звонить, – предложил я. – У меня, в принципе, есть контакты...

– Да хрен с ней, – Луценко отмахнулся бутылкой. – Все равно дерьмо, пусть подавятся...

Луценко отодрал прилипший кусок пиццы, пожевал.

– Пусть жрут, у меня еще одно корыто есть, еще дерьмовее... надо аккумулятор поменять – и как новенькая...

– У тебя две машины?

– Теперь одна, – ответил Луценко. – Но зато ее точно не заберут, она на фиг никому не нужна... Тебе не нужна?

– Нет.

– Жаль. Тачка что надо...

Луценко вытянул ноги.

Я сел рядом. Луценко болезненно отодвинулся.

– Что делать будем? – спросил я.

– Завтра свалю на хрен, – сказал Луценко. – Пока не утрясется, у бабки пересажу, ну его... Поедем со мной, Вить, аккумулятор поменяем – и к коням, в Саратов... А то они и к тебе придут...

– Они приходили, – сказал я.

– И к тебе?!

– Ага.

Луценко сочувственно протянул бутылку.

– Спасибо, – отказался. – А что с рукой?

– А... – Луценко поморщился. – Палец отрезали.

– Что?!

– Да не целиком, кончик, – отмахнулся Луценко. – Я тебе позвонить хотел, да вырубился.

А потом звоню, ты живой вроде... Били?

– Не. Стволем в рожу потыкали, так, ерунда...

– Повезло. А мне палец... Свалю пока лучше к бабке, пошли они на хрен...

– Погоди.

– Да что годить?! Чтобы руку отпилили?!

Луценко потряс покалеченной рукой.

– Они же месяц дали, – сказал я.

– Я дожидаться не собираюсь!

Луценко вскочил с дивана.

– На фиг, на фиг, я валю. К любимой бабушке, в глуши...

– Да не дергайся ты!

Я схватил Луценко за руку, посадил на диван, Луценко шипел от боли.

– Слушай!

Я хлопнул в ладоши. Луценко вздрогнул.

– Слушай, Миша! Все будет хорошо! Я разберусь с физкультурниками!

– А...

– Я разберусь. Или найду деньги, все улажу.

Луценко молчал.

– Все улажу, – сказал я спокойнее.

– Как ты все уладишь?

– Найду деньги, договорюсь с Треугольным...

– Да он debil, по ходу! – плаксиво выкрикнул Луценко. – Кто ж так себя ведет-то?! Кто ж сразу бандюков-то присылает?! Я первый раз с таким сталкиваюсь, думал, что в анекдотах только...

Луценко потянулся живой рукой к бутылке, я перехватил.

– Короче, Миша, слушай, – терпеливо сказал я. – С физкультурниками мы договоримся.

– Да я...

– Договоримся! А как иначе? Ты сколько от них бегать хочешь? Всю жизнь? Думаешь, у бабушки тебя не достанут?

Луценко вздохнул.

– Достанут, – заверил я. – И будет хуже.

Луценко жалобно подул на перевязанную руку. Я вылил водку в раковину. Луценко поглядел на это с печалью.

– Сам посуди, – сказал я. – Мы столько лет работали, строили бизнес, наработывали базу, и что, теперь все бросить?

Луценко промолчал.

– Вот и я так думаю. Делаем вот что. Я разберусь с физкультурниками, а ты работай. Что у нас там по плану?

– Я забыл...

– Вспомнишь. Завтра отдыхай, потом за дело. Верхне-Волжская сумочная компания...

– Верхне-Вичугская, – поправил Луценко.

– Вот именно. Еще водка дома есть?

Луценко покачал головой.

– Вот и хорошо. Закажи супа или гуляш, горячего и с мясом, короче.

– Мне отрезали палец, – сказал Луценко.

– Может, врача?

– Нет! – нервно воскликнул Луценко.

– Скажем, что ты сам по пьяни...

– Нет! – Луценко вскочил с дивана. – Они велели не обращаться! Менты с ними заодно!

– Успокойся, Миша...

Луценко вернулся на диван. Схватил подушку, обнял.

– Жаловаться бесполезно... Где сигареты...

Луценко сунул руку в диван, достал жестяную чайную банку, из нее сигареты.

– Хочешь?

Я помотал головой.

– Ах да, ты же тоже... ЗОЖ-активист... Физкультурникам нельзя доверять, Витя...

Луценко затаился, задержал дым, икнул.

– Мне кажется, это Уланов нам накаркал, – хрипло выдохнул.

– В каком смысле?

Луценко затянулся еще, выпустил в люстру замысловатый кудрявый дым.

– Он стишки читал – про Дросю и Хохотунчика... Помнишь? Там Хохотунчика крысы поймали и стали его топить в сортире, хотели у него узнать шифр сейфа...

Не думал, что Луценко так близко принял творчество Уланова.

– Так оно все и происходит!

– Тебя в сортире топили? – уточнил я на всякий случай.

– Мне палец отрезали! А обещались еще!

– Миша, ты сейчас не в себе, – сказал я. – Успокойся. Постарайся хотя бы.

– А чего успокойся?! Он же там открытым текстом написал – «Тушканчика поймали и к проруби ведут...»

Луценко опять истерически хихикнул.

– Это он нарочно все... Уланов, сука. Он нас сильно ненавидит.

– За что?

– Мы подняли его из грязи, книгу ему хотели напечатать, а он неблагодарная свинья... Дрося Ку... Дрося – это он и есть! Уланов – это Дрося Ку!

Луценко разволновался, просыпал пепел на палас, затоптал.

– Могу поспорить – это Уланов! Он с этим Треугольным скооперировался! Теперь нас трамбуют! Теперь нас истязают!

Луценко вытянул сигарету до фильтра, попробовал встать, но не встал.

– Лучше тебе солянку заказать, – посоветовал я. – Хочешь, позвоню в «Вердану»?

– Не, я лучше лапши...

Луценко снова сунул руку в диван, долго шарил и вытянул белемнит и гвоздь.

– Я должен немного полечиться, – сказал Луценко.

Он принялся строгать белемнит гвоздем, собирая на блюде пирамидку из порошка, приговаривая:

– Тушканчик растерялся, тушканчик одинок, ему в хлебало дулю, ему в дыхло пинок...

По-моему, таких слов в поэзиях Уланова не было.

– Ослеп от недокорма, ослаб, ек-макарек, а тут вдруг приключился в отчизне Рагнарёк...

Я поглядел на Луценко с удивлением: отрезание пальца и бутылка водки, похоже, пробудили в нем литературную доблесть.

На Рагнарёке Луценко замолчал, плюнул на тарелку и стал смешивать порошок из белемнита со слюной.

– А дальше? – спросил я.

– Ему нелегко пришлось, – заключил Луценко. – Он преодолел большие испытания и моральный рост... Слушай, Витя, а может, мне самому книгу издать? И самому выступать, а? Буду выходить на сцену, иметь успех...

На тарелке образовалась замазка цвета соплей.

– Я пойду, пожалуй, – сказал я.

– Давай-давай... – Луценко разминал замазку пальцем. – Иди...

– Поешь нормально, – напомнил я.

– Закажу хаш, – пообещал Луценко. – Тут через дорогу хашную открыли, вроде ничего.

Захлопнул дверь и спустился по лестнице. Вышел во двор.

Сегодня было прохладней и кружевные облака над морем.

Сел на ближайшую скамейку. Надо действительно разобраться с зожниками. В принципе, схема стандартная – наезд-откат, сначала пугаем контрагента, затем начинаем переговоры, возможно, вся схема с ЗОЖ-конвенцией – развод. Дико, и Луценко прав, так давным-давно не работают... Но вот приключилось.

Так или иначе, стадия запугивания миновала, пора начинать переговоры.

Я достал телефон и набрал номер ЗОЖ-предводителя Треуголова.

Телефон отключен. Ничего, мосье Треуголов, старайся дальше, посмотрим, что получится, хотя сволочь. Сволочь и как вовремя... Ладно, в крайнем случае разберу резервный счет, не первый раз. А можно и вовсе рвануть...

Рано. Пока рано рвать, если рвать, то лучше не оставлять хвосты.

Во двор вошла зебра. Видимо, с Набережной. Зебра уверенной вихлястой походкой прошагала мимо, наверное, одна из зебр-вымогательниц. От нее воняло жженым кукурузным маслом.

Неожиданно зебра направилась к подъезду Луценко, и я вдруг подумал, что она к нему и направляется. Что это зебра Треуголова, и она идет дальше пытаться Луценко. Или для устрашения его шлепнут, а это зебра-киллер.

Глупейшая идея, но я вдруг поверил и решил пойти на всякий случай проверить. Поспешил за зеброй, успел заскочить, прежде чем дверь захлопнулась. Зебра с независимым видом стояла у лифта, и я тоже встал.

Интересно, почему детские поэты предпочитают сочинять стихи про некрупных животных? Тушканчики, нутрии, кузнечики, утконос. Про зебр, жирафов, китов тоже есть, но гораздо меньше. Наверное, дети лучше ассоциируются с мелкой живностью, какие проблемы у жирафа?

Я в детстве не любил детские стихи про животных, никогда не мог принять, что у них может иметься отдельная жизнь, что мыши могут ходить в школу, а бобры к стоматологу, и Андерсена не любил с его фальшивыми муками иголок, расчесок и табуреток.

Лифт прибыл. Зебра пригнула копытами уши и забила в кабину, я поместился за ней. Поэт Уланов сочинил бы про это экзистенциальное стихотворение. «С зеброй в лифте». Куда ты едешь, зебра, в лифте, в какой предел тебя влечет...

Зебра ткнула копытом в пятый этаж.

Лифт дрогнул, но далеко не уехал, в районе третьего этажа кабина затряслась и застряла.

– Вы зачем нажали на кнопку?! – заволновалась зебра капризным женским голосом.

– Я не нажимал, – сказал я.

– Вы спиной нажали!

Тут поэта Уланова не хватило бы, тут нужен по крайней мере Пастернак.

– Вы спиной нажали, – повторила зебра.

Я не стал спорить, нажал на «единицу». Лифт не ожил. Я понажимал на другие кнопки, безрезультатно.

Тогда я попрыгал. Лифт затрясся.

– Прекратите! – крикнула зебра. – Шнур оборвется!

Я попрыгал сильнее.

– Вы что, псих?! – завизжала зебра.

Странный, странный день.

Лифт очнулся и поехал, остановился на пятом этаже. Я вышел, зебра осталась. Она поднялась на шестой, вышла и замерла, задержала дыхание и прислушалась, что делаю я.

Я спустился на площадку и спрятался за мусоропроводом.

Зебра тоже спустилась и, судя по шагам, приблизилась к двери Луценко.

Я выглянул из-за трубы. Она действительно звонила в дверь. Через минуту Луценко открыл и обрадовался. Кажется, зебру звали Алексия. Это явно была знакомая Луценко зебра. Алексия, зебра его судьбы.

Я спускался по лестнице и думал, может, мне самому завести канал? Назову... «Белемнит и гвоздь». Хорошее название. Буду рассказывать... Про что? Про конференции, съезды и ивент. Ха-ха. Зебра Алексия. Луценко никогда про нее не рассказывал. Интересно, где они

познакомились? Я представил, что Луценко переодевается, не в зебру, а в какого-нибудь Тяни-толкая, и они вместе с Алексией пристают к прохожим на Набережной... зачем я про это думаю? Голова засрана, пустые мысли свиваются в пучки пустых мыслей, лучше смотреть, чем думать, я давно не думаю, в моей голове воет свою волчью песнь тушканчик Хо.

Дикий день. Не первый дикий день. Я пошагал вниз по лестнице.

На втором этаже стоял мешок со строительным мусором, почему-то я остановился и сел на него.

В подъезде было тихо и прохладно, я устроился в нише между стеной и мусоропроводом, достал телефон. Здесь почему-то не ловился ни 4G, ни 3G, связь представлялась паршивая, сука эта Катя. Зачем она так? Куда она делась вчера? Если бы я встретил ее вчера, сейчас я был бы уже в горах. Горная форель хороша. Я давно мечтал о форели, ее можно запечь в глине, в тесте, на крайний случай в фольге. О зелени, о хлебе, ненайденной двери... там много по списку, но почему-то хотелось хлеба, кинзы, может, соленого сыра, обязательно печеных помидор. Может, Луценко прав, может, в хашную? Я еще не был в здешней хашной, хотя слышал, там неплохо. Пока неплохо, но скоро все испортится. Сама «Вердана» потихоньку сдает, надо признаться – в конце мая, безусловно, у нее лучшая кухня, но к октябрю я сильно сомневаюсь. Это закономерно, к исходу сезона скисают все, подают откровенные синенькие, а не аджапсандал, но сейчас сезона начало. В горы, мог быть там. Испортить форель не сможет ни одна криворукая сволочь, ее не испортить ни пшеном, ни картошкой, ни макаронами.

Отчасти позавидовал Луценко, вчера у него застрявшая в дольмене, пусть Альбина, сегодня зебра Алексия, а я наметил Катю, но она удрала в неизвестном направлении...

Звонок. Незнакомый номер. Я ответил.

– Послушай, Треуглов, а тебе не кажется, что это слишком? Мы же договорились, что ты как сука-то?!

В трубке молчали.

– Я думаю, надо обсудить сложившуюся ситуацию? Может, пора встретиться?

– Здравствуй, Виктор, это я.

Сказал Хазин.

События склонны объединяться в группы. Единичные события редки, каждое событие вечера вторника притягивает событие утра среды. Есть подозрение, что гравитация влияет не только на вещество. Если случается А, наверняка случится и В. При реализации А и В, С практически неизбежен. Вселенная имеет форму круассана, плотные скопления по краям и огромные пустоты внутри. Бездна Эридана.

– Хазин, ты?

– Я, Виктор, я.

Тесей взял в карьер. Понеслось.

– Рад тебя слышать, – сказал я.

Забавно, но это было отчасти правдой.

– Я тоже рад, – сказал Хазин.

А Хазин не рад.

– Ты можешь разговаривать? – спросил Хазин. – Свободен?

– Да вроде...

– Есть вопрос, который нужно обсудить, Виктор.

– Ну давай обсудим.

Хазин замолчал. Я ждал.

– Это серьезный вопрос, – сказал Хазин.

– Слушаю, – сказал я.

Хазин высморкался. И продолжал молчать.

– Хазин? – позвал я.

– Не надо в это лезть, – сказал Хазин.

– Что?

– Не лезь в это дело, – повторил Хазин.

– В какое дело, Хазин?

В трубку запыхтели. Интересно, Хазин сейчас кто?

– Слушай, Витенька, хочу тебе дать серьезный совет, – сказал Хазин. – По старой дружбе, Витенька, понимаешь меня?

Где-то я уже слышал этот голос. Сегодня я слышал этот голос. Этим же голосом говорил старый утренний урка.

– Совет на пятьсот тысяч, – сказал Хазин. – Рекомендую его выслушать.

– Хазин, а ты где?

– Виктор...

– Ты в Геленджике? – продолжал я. – Ты прилетел?

– Я не в Геленджике! – рявкнул Хазин. – Я с тобой поговорить хочу!

– Говори, – ответил я спокойно.

Я откинулся к стене.

– Это серьезно, Виктор, – Хазин говорил в нос. – Это весьма серьезно...

– Ты вырезал «Калевалу» на рисовом зерне? – спросил я.

Хазин замолчал. Мне показалось, он подавился. Я был бы рад, если бы он подавился.

– Виктор, я должен тебя предупредить – это не лучший выбор.

– Чего выбор?

Я начинал несколько злиться.

– Я твой старый друг...

– Мой друг – Гандрочер Кох, – сказал я. – Мой друг – Гандрочер Хекклер.

– Вижу, ты мало изменился, – с сожалением вздохнул Хазин. – Такой же тотальный мудозвон. Пожалуй, пора повзреть.

– Пошел на хрен, – сказал я.

– Чуть позже. Послушай все-таки мой совет – это не лучший выбор!

– Какой выбор-то?!

Хазин молчал. Нет, действительно интересно, кем он работает?

– Ты все еще фотографируешь? – спросил я.

– Что значит фотографируешь?

– Ты же фотограф. Раньше был во всяком случае. Чем занимаешься сейчас?

– Я не фотографирую. А почему ты спросил?

Хазин явно заволновался сильнее.

– Ну, ты же раньше фотографировал. Каждый шаг, каждый пук. Запечатлевал, так сказать.

– Виктор, послушай внимательно, – голос Хазина стал вкрадчивым. – Я ничего нигде не фотографировал, ты понял?

– Нет, не понял...

– Не суйся в это дело, Витя. Держись подальше от Чагинска!

– С чего ты взял, что я куда-то собираюсь? – спросил я.

– Витя, ты со мной в эти игры не играй, – сказал Хазин. – Ты не представляешь...

– Так объясни, – перебил я.

– Не лезь в это дело! – зашептал Хазин. – Не вмешивайся, Витя! Добром не кончится!

– Хазин, ты мне до сих пор не объяснил, во что именно я не должен вмешиваться?

Хазин закашлялся.

– Ты сам знаешь, Витя, во что не надо вмешиваться, – сказал он. – Ты же не дурак, понимаешь...

– Не понимаю. И я не собираюсь...

– Короче, Витя, – Хазин сделал вид, что утратил терпение. – Я тебя предупредил.

– И о чем ты меня предупредил?

– О том, что, если ты предпримешь определенные шаги, я не смогу гарантировать твою безопасность.

Хазин замолчал. Он не отключался, слушал, как яотреагирую на эту нелепую угрозу.

– Хазин?

– Я не смогу гарантировать твою безопасность, – повторил Хазин.

Он смог добавить в голос еще угрозы. Я представил, как Хазин стоит перед зеркалом и упражняется с голосом: вот умеренно, вот страшно, вот ледяное спокойствие, вот нервы, официоз. Поэт Уланов так же читает стихи про Дросю.

– Послушай, Хазин, – сказал я. – Я вот что хочу тебе сказать, Хазин. Пошел ты, Хазин, на хрен!

Я отключился.

Во рту до сих пор мерзкая кислятина от сырников, зуболомная кизиловая приторность, насколько же я был опрометчив, что заказал их на завтрак. Скверный завтрак предупреждает скверный день...

Это Крыков! Я позвонил Крыкову. Крыков насторожился. Крыков связался с Хазиним, старые друзья, красные носки, а вот Хазин не насторожился, Хазин перепугался. Перепугался, сделал стойку и несколько истерических движений, настолько перепугался, что позвонил мне и явил удивительную игру голосами... зачем я взял эти сырники, Катя, зачем ты кинула меня, мы могли бы быть счастливы на марциальных водах...

Звонок.

Захотелось выкинуть телефон в мусоропровод. Еще не полдень, а телефон не радовал.

Снова Хазин. Настойчивый, сука, апрельский юркий свиристель, неизбежный, как Смерть.

– Что тебе, Хазин? Еще раз тебя послать? Пошел на хер, Хазин.

– погоди, Виктор!

На этот раз в голосе Хази́на чувствовался страх. За жирными самоуверенными оборотами, за въевшейся наглостью, за привычкой, кажется, командовать, Хазин явно начальник, хранитель тайны квадратной печати, держатель секрета стола.

– Виктор, не отключайся, – требовательным голосом произнес Хазин. – У меня к тебе определенное предложение.

– Слушаю, мой друг.

Хранитель печали, мастер ствола.

– Я могу предложить тебе некоторые условия, – сказал Хазин.

В этот раз деловым серьезным голосом.

– Слушаю, мой друг.

– Если ты откажешься от своих планов, то мы сможем компенсировать тебе причиненное беспокойство.

Баснословный день. Спросонья ретро-косплей, затем семинар «Как отказаться от планов, про которые ты еще не знаешь».

– Кто это «мы»? – поинтересовался я.

– Это не важно, – предсказуемо ответил Хазин. – Мы можем предложить достойную компенсацию твоих усилий. Поверь, Виктор.

Моих усилий. Ладно, посмотрим.

– Хазин, ты же понимаешь, что все не так случайно, да? Возможно, мы несколько по-разному представляем... актуальность ситуации.

Актуальность ситуации – это гениально, похвалил самого себя. Сейчас Хазин пытается понять, что я имел в виду.

– Я имею представление, – сказал Хазин. – И могу тебя заверить – компенсация будет более чем достойной.

Вероятно, под планами Хазин понимал поездку в Чагинск.

Вероятно, к посылке кепки Хазин отношения не имеет.

Вероятно, Хазин знает, что ко мне приезжал Роман.

И почему-то Хазин очень этим обеспокоен.

– Наша компенсация позволит разрешить множество проблем, – сказал Хазин.

Настолько обеспокоен, что сначала угрожает, а потом предлагает деньги. Это было так необычно и странно, что я почти позабыл про косолапый визит вооруженных граждан. Имеет ли к этому визиту отношение Хазин?

– Виктор?

– Да, слушаю.

– Как тебе предложение?

– Предложение интересное, – сказал я. – Но я должен подумать.

– Почему? – вкрадчиво спросил Хазин.

– Как почему? Это не то предложение, на которое соглашаются сразу. И ты не ответил, чем занимаешься. Ты кто, Хазин?

– Это совершенно не важно. Но если тебе интересно, я занимаюсь консультациями. В области социальной динамики.

Консультант в области социальной динамики. Специалист широкого профиля. Решала. Врет, конечно, какой из Хазина решала.

– И как консультант по широкому кругу вопросов, ты не рекомендуешь мне ехать в Чагинск? – спросил я. – Почему же?

– Тебе нужны ответы или деньги? – спросил Хазин грубо.

– Я подумаю, – сказал я и отключился.

Третий раз Хазин перезванивать не стал. Но позвонит, я в этом не сомневался. Дрянные все-таки сырники с утра, отрывка уже началась, изжога, похоже, неминуема. Возможно, стоит заказать что-нибудь съедобное. Кашу, возможно, сейчас пошла бы суздальская каша; к сожалению, доставка в термосе убивает суздальскую кашу, а ехать в «Усть-Ям» неохота. Горячее. Пусть банальная гречка с грибами, в «Усть-Яме» она хороша. Раклет. В округе ни одной приличной раклетной. Горячий багет с плавленым сыром на крайний случай.

Хазин не перезвонил.

Тогда я сам набрал. Луценко.

– Все нормально, – всхлипнул Луценко. – Чего звонишь? Ты дома? Они тебя ждали?

– Миш, ты говорил, что у тебя еще одна машина есть?

Брякнуло стекло. Наливает.

– Да какая машина, Вить, так, ведро ржавое... не на ходу давно.

– Мне машина нужна.

– Зачем тебе машина? – плаксиво спросил Луценко.

– Обстоятельства улыбнулись.

Луценко явно хлебнул из горлышка. Значит, третья бутылка имелась. Правильно, кто же хранит дома две?

– Вить, ты что, оторваться решил? Мне кажется, лучше не надо, ты правильно говорил, нечего бежать...

– Да не решил я валить, не решил, успокойся.

– А зачем тебе тогда машина?

– Деньги. Можно достать деньги. Быстро достать. Надо съездить кое-куда, а на поезде не могу...

– Сколько денег?

– Хватит.

Бутылка упала.

– Это правильно, – сказал Луценко. – Это так и надо. С этими живодерами... Лучше им отдать... Слушай, а может, и я впишусь, а? Если говоришь, что там по баблу все ровно...

– Нет, – оборвал я. – Я сам. Так дашь машину?

– Без вопросов, Витя, бери. Но лучше, наверное, поторопиться, а то вдруг вернутся...

Луценко говорил, что они непременно вернутся. И деньги лучше иметь. От денег грех отказываться, особенно в наши дни. Сегодня ты откажешься от денег, завтра они откажутся от тебя. Но я не думал про деньги, нет. Впервые за последние годы я чувствовал пугающий интерес.

Глава 5

Вдовы Блефуску

Фур в начале лета обычно немного, поток двигался в основном к морю, дорога на север была почти свободна.

От Краснодара до Кинешмы успел за двое суток. Резкспортная финская «восьмерка» Луценко на трассе оказалась хороша, легко держала сто двадцать на ровных участках и сотню на обычных, рулилась точно, да и выглядела неплохо, хотя и в красном. Отсутствие кондиционера, впрочем, слегка раздражало, особенно в первый день, на второй в районе... проскочил через дождь, на второй день стало холоднее, или привык. Ныла спина, от сцепления сводило отвыкшую левую ногу – я не водил давно и, похоже, слегка разучился. Однако мне нравилось. Дорога. Пока сидел за рулем, ни о чем, кроме дороги, не думал.

Переночевал в кемпинге под Воронежем, выехал с утра и остановился уже за Кинешмой, проголодавшись. Кафе «Калинка», выпечка, шашлык, окрошка. «Калинка» оказалась ошибкой, в тот день я рассчитывал попасть в Чагинск до сумерек, но осетинский пирог готовили сорок минут. Я дожидался сахараджина за столом и смотрел на Волгу.

Над рекой прозрачными парусами переливался перегретый воздух, играли радужные фантомы, со стороны Костромы к мосту подтягивалась баржа с песком, со стороны Нижнего выгребал высокий круизный лайнер, в этом году много воды и мутная, в верховьях дожди.

Семнадцать лет назад мы с Хазиным сидели здесь же, правда, кафе называлось «Бурлаки» и подавали в нем другое: уху трех видов, в том числе из сушеного карася, жареного леща с гречневой кашей «Аксаков», тех самых пошлых порционных судачков, печенных в томате пескарей, шучьи котлеты «Емеля», пельмени «Сабанеев», я запомнил. Моста тогда не было, и мы с Хазиным переправлялись на пароме, ждали пять часов, купались, пили пиво. «Бурлаки» не выжили, «Калинка» предлагала стандартный придорожный набор, с лагом в пару лет, разумеется.

Осетинский пирог не оправдал времени приготовления, собственно, от сахараджина в нем не осталось ничего – ни тонкого эластичного теста, ни сочной ароматной начинки, ни правильной маслянистости, не пирог, а тоскливый чебурек с рубленой кинзой и укропом, и теста не пожалели. Доесть его я так и не смог, а забирать с собой не стал.

Хороший мост.

У Волги автомобильное движение исчезло, я пересек мост в одиночестве и на скорости, как всегда казалось, что сейчас по нему ударят крылатой ракетой, я не сомневался, что координаты наших мостов внесены в мозги их нынешних «минитменов».

За Волгой сменился лес: вместо лиственных массивов начались темные мрачные ельники, а за ними синие и прозрачные сосновые рощи, стало светлее, постепенно исчезли деревни, сошли на нет поля, окончательно наступил север.

Заправки стали редкими, на одной из них я купил две двадцатилитровые канистры и залил их бензином, не зря – следующая заправка оказалась нерабочей, а на последующей сливали топливо, и насосы оказались засорены.

Дороги тоже испортились, скорость упала до ста, впрочем, быстрее ехать не хотелось; чем дальше я удалялся от Волги, тем медленнее становилось время и тем скорее я его пересекал.

На вторую ночь пути я остановился в гостинице «У пасеки».

Навигатор «У пасеки» не показывал, но оставалось семьдесят километров до отворота и примерно сто пятьдесят до Чагинска, рисковать я не хотел, решил переночевать здесь и въехать в Чагинск с утра, на свежую голову.

Раньше на месте гостиницы был лес, я это неожиданно вспомнил – выразительное место на пригорке над ручьем. Здание гостиницы было выкрашено в озорной полосатый цвет, над входом, свесив лапки, сидели две веселые железные пчелы с кружками медовухи. К ручью спускался крутой заросший цветочный луг, из травы все так же выглядывали крыши зеленых ульев, а у воды крутила колесом аккуратная мельница. Вид буколический.

На стоянке «У пасеки» собралась дюжина чумазных фур, я пристроился с краю и отправился в номер. Одноместных здесь не держали, в наличии имелся трехместный. Соседей не подселили, я понадеялся, что они и не появятся, лег в койку и сразу уснул, а проснулся от того, что в комнате опять находились двое. Почему-то в этот раз было страшнее. Два человека в «У пасеки» страшнее двух человек в отеле Голубой бухты. Незаметно нащупал монтировку, припасенную с вечера, открыл глаза.

На койках, склонившись над тумбочкой с ночником, сидели два дальнобойных мужика, они сосредоточенно ели пирожки, колбасу и пили чай. В нос попало перо, я чихнул и сделал вид, что проснулся.

Водилы обернулись.

– Извини, братан, похавать не успели, а столовка закрыта, – сказал один.

Второй сунул руку в ночник и выкрутил одну лампочку, стало темнее.

– Сам не голодный? – поинтересовался второй.

– Да не, – отказался я. – Благодарю.

Соседи продолжили есть пирожки и пить чай. Я успокоился, повернулся на спину и стал обдумывать, зачем отправился в Чагинск.

Это было крайне нелогично, более того, глупо. Посылка с кепкой меня испугала, я намеревался тем же вечером бежать в Черногорию... И почему-то еду в Чагинск. Внятного ответа на этот вопрос по-прежнему не находилось. Вернее, он имелся, но звучал крайне нелепо – я отправился в Чагинск, потому что Хазин перепугался, что я туда поеду. И кто-то – теперь наверняка ясно, что не Хазин, – прислал кепку «Куба» и что ответ, зачем он это сделал, – в Чагинске.

И еще. Где-то на втором-третьем горизонте крутилась щучья мысль. Хазин предлагал деньги. Много, хватило бы на решение внезапных проблем и осталось бы на пяток неплохих блондинок. И я не сомневался, что Хазин, узнав о моем визите в Чагинск, предложит еще больше. Переговоры надо начинать исключительно с выигрышных стартовых позиций, это я уяснил давно.

Проснулся слишком рано, три двадцать, но светло вовсю. Одного соседа не было, второй брился, сидя в постели, станком, на сухую, кивнул и спросил:

– Сам-то куда?

– До Чагинска.

Мужик зевнул и посоветовал:

– Тогда лучше с севера заезжай. Там дорога более-менее, а от отворота сикараки сплошные. А тебе чего в Чагинске-то? Курьер?

– Тайный покупатель, – ответил я.

– Чего там покупать-то? – усмехнулся сосед. – Там дыра страшная...

– Вот и надо проверить, – сказал я. – Работа такая.

– Ну, смотри сам...

Мужик дунул на лезвие.

– Народ оттуда бежит, – сказал он. – Половина давно сбежала, другая на низком старте.

– Чего так?

– Радон потек, – ответил сосед. – Там атомную электростанцию хотели строить, стали фундамент готовить, ну и чего-то в земле пережало. Слишком глубокую яму вырыли, короче, вот и дорылись...

Мужик продул лезвие и стал громко скоблить им правую щеку.

– Радон? – уточнил я.

– Ага. Радиация во всех колодцах, а от нее рак. Врачи все сами разбежались, лечить некому. У меня братан троюродный там жил – уехал тоже. Он корову держал до последнего – так она у него от рака сдохла, в боку дыра с кулак проросла. Ну, он прикинул – и сдернул. Правильно, не для людей там место.

– И что, ничего нельзя сделать? – спросил я. – С радоном?

– Так они не признают, что у них радон. Типа все само по себе разваливается, все сами по себе загнивают. А эта ихняя мэрша крысит, как не в себя...

Сосед снова продул бритву, посмотрел на просвет.

– Администрации дали денег на водокачку, а водокачки-то и нет...

Вечное сияние угара муниципий.

– Если по чесноку, с городишком нелады, – сосед поковырялся в ухе мизинцем. – Тухловато там, ну, сам почувствуешь.

Мужик убрал бритву в футляр.

– Так по старой дороге никак, значит? – уточнил я.

– От отворота? Можно, в принципе, если машину не жалко. «Восьмерка» красная твоя?

– Ага.

– Финка? Англичанка?

– Финка.

– Ну, тогда проскочишь, если без дождя.

Мужик отправился в ванную и сразу выглянул.

– Вчера дожди обещали.

Я тоже решил побриться, достал машинку, стал возить по щекам, ножи дергали волоски, и это способствовало просыпанию.

Проверил телефон.

Новых вызовов не было. А вчера и позавчера вечером звонил Вайатт Эрп, напоминал и угрожал. И Луценко еще, вчера. Интересовался, где я и как. И незнакомый номер, я перезванивать не стал. Это мог быть Хазин или еще кто, но я надеялся, что это блондинка Катя, хотелось думать.

Из ванной опять показался сосед.

– Съезжаешь? – спросил он.

– Ну да.

Я убрал телефон.

– Если надумаешь «восьмеру» свою продавать, позвони, а?

– Куда?

Сосед выступил из ванной, достал из пиджака визитку, вручил мне.

– За хорошие деньги возьму.

– Подумаю.

– И это... лучше в Овражье заправься, – посоветовал сосед. – В Чагинске бензин помойный, лучше «финку» таким не гробить.

Я пообещал не гробить и покинул номер. Сдал ключ на ресепшене, в ответ девушка подарила пятидесятиграммовую баночку молодого меда и сказала, что мед можно заказать с доставкой по всей Центральной России.

Солнце вот-вот собиралось подняться над лесом, я грел двигатель и смотрел на дорогу. Глаза толком не разлиплись, в правом присутствовал песок, все-таки слишком рано, можно было поспать еще часок... решил ехать. Отосплюсь на месте.

От «У пасеки» до Овражья не встретил никого. Малочисленные фуры еще толком не ожили, стояли вдоль дороги с задернутыми шторками, по асфальту вовсю прыгали крупные

лягушки, за ними охотились ежи и длинноногие птицы вроде карликовых цапель. Я не ожидал такого изобилия живности и ехал не очень быстро, чтобы не задавить ежа и не поймать в лобовое стекло клювастую мини-цаплю.

В само Овражье заезжать не пришлось – заправку перенесли ближе к трассе. Обычная заправка, здесь наливали бензин, подкачивали шины, продавали дворники и лимонад, разогревали булки, варили кофе, предоставляли доступ к лапшичному автомату и, к моему изумлению, предлагали желающим продукцию фирмы «Дукати». Клиентов по раннему времени не было, старый заправщик дремал на барном стуле, кассирши в павильоне спали, причем настолько крепко, что мне пришлось свистнуть.

Пока заправщик заполнял канистру и бак «восьмерки», я поинтересовался у кассирши – как идут дела с «Дукати», она ответила, что ничего, но покупают в основном брелоки и термосы, за месяц всего два ножа, а ножи самые дорогие. Я спросил, как мотоциклы, продавщица удивилась – при чем тут мотоциклы, купите мультитул. Я давно хотел мультитул, и купил мультитул «Дукати», и перешел к лапшичному автомату.

Имелся выбор китайской, корейской и японской, я решил попробовать корейскую говяжью, внутри автомата зашипело и загудело, он затрясся и выдал стаканчик, наполненный кипятком, и крышку.

Заправочные тетки изучали меня с непонятным интересом, видимо, я был первым человеком, купившим и мультитул, и лапшу. Завтракать при тетках не хотелось, я вернулся в машину и отъехал от колонок, встал в стороне.

Корейская лапша оказалась приемлемых вкусовых качеств. Сама лапша плотная и эластичная, хорошей пропитки, сытная. Бульон горячий, насыщенный, естественно, говяжий и перечный, но без глутаматного пригара. Овощи натуральные, крупной нарезки, с собственным вкусом, но заметно вяленые. Специи ароматные, сочетание удачное, соли умеренно. Масло качественное, растительное, с нотками кунжута. Неплохо для торгового автомата уровня недорогого кафе азиатской кухни. Пожалуй, даже вкусно.

Я ел лапшу и осматривался.

Овражье разрослось. Раньше тут было несколько домов и химбаза, теперь к прежним домам добавились новые, а к индустрии – станция техобслуживания грузовиков и три сотовые вышки; напротив заправки через дорогу сиял свеженький билборд. Полноразмерный, с подсветкой, в антивандальном всепогодном исполнении.

Не совсем молодой, но заметно энергичный дядька в синем рабочем комбинезоне и белой пластиковой каске на фоне типового здания новенькой школы. «Будущее – сегодня!» энергичным шрифтом сообщал билборд от лица строителя. Я отметил, что ничего выдающегося, двадцать лет назад мы работали лучше – и шрифт, и фон, и дядьки были гораздо убедительнее.

Я доел лапшу до дна и отметил, что идея лапшичных автоматов не лишена перспектив. В Геленджике попробовать поставить несколько на Набережной. Хотя вряд ли выйдет, там конкуренция, а вот в поселках по побережью можно, за вендингом будущее. Возможно, лучше открыть не спортивную студию, а бюро торговых автоматов. Кофе, семечки, лапша, икра, молоко и мороженое, батарейки, туалетная бумага и так далее, надо перенимать передовой японский опыт.

Выкинул стаканчик и включил радио, не мешает, после еды клонит в сон, возраст... Я чувствовал боль в плечах, слишком давно не сидел сутками за рулем, сказывалось. Радио принимало неровно, трансляция велась из Овражья, передавали музыку восьмидесятых и девяностых, от музыки девяностых меня тошнило еще в девяностых, но сейчас эти пьесы почему-то не вызвали отторжения. Я подумал, что здесь две причины: либо я стал стареть, и это первая, либо музыка соответствовала окружающей действительности, и это вторая и истинная... Мужик на билборде кого-то напоминал.

Я определенно видел его раньше...

Мимо заправки вразвалку прогрохотала фура: пора уезжать, а то скоро и остальные проснутся, ненавижу ездить с фурами. Оставался финишный бросок. Я пожевал кофейные зерна и отправился в путь.

До отворота на Чагинск проскочил за тридцать минут и, разогнавшись, едва не пропустил съезд. Я ожидал, что дорога изменится, сосед по «У пасеки» обещал некие сикараки, но дорога оставалась хорошая. Я засомневался, правильно ли повернул, но тут асфальт счастливо оборвался и начался грейдер, вполне сносный в некоторых местах и малопроходимый в других. Иногда грейдер вовсе растворялся в песке, дорога становилась окончательно проселочной, однако самих сел по сторонам не наблюдалось. Кусты по обочинам разрослись, лес сжал дорогу, сузил ее до полутора полос, в некоторых местах казалось, что местность одичала бесповоротно. Забавно. Я подумал, что стоило записать путешествие на камеру, а потом запустить ролик в рапиде. Получится весьма познавательно – карнавальное мельтешение красок Краснодарского края начинает остывать в Воронеже и с каждой сотней километров на север покорно затухает в постель, и из цветов остается зеленый и коричневый, сто пятьдесят километров зеленого и коричневого.

Я держал скорость, за кормой «восьмерки» оседала холодная утренняя пыль, дорога незаметно шла в гору, иногда я тормозил перед колдобинами, и пыль догоняла. С прожектором и бубном пробирался я сквозь войд Волопаса. Сквозь лес вяло поднималось солнце, туман то и дело перехлестывал дорогу и светился розовым.

Скоро я почувствовал реку. Справа, не различимый за зеленью, шел Ингирь, и хотя воды видно не было, холодом и сыростью от нее тянуло.

На поворотах сквозь пыль и рыжую землю проступал ломаный серый асфальт или гладкие булыжники Макарьевского тракта, напоминая, что под тонким слоем нового мира спит мир потерянный и старый. Утром это особенно видно, я люблю утро, в нем есть зерно надежды, через хмурое утро, через туговыйный строй жизни идет с прожектором и бубном поэт Иван Эсбукетов.

Пискнул телефон, напоминая, что пора принять хлорофилл.

Туман выдавливался из кустов на дорогу, в тумане лучше не гонять, опасно, налетит какой-нибудь дурачок на дрововозке; стоит найти место повыше и перестоять, я снизил скорость, «восьмерка» осела, и гравий стал скрести по днищу. Казалось, что машину пытаются ухватить подземные когти, я вспомнил тунгусскую народную сказку про багатура Ечибельдыя и черные железные руки из ада, пугавшую меня в детстве.

К месту вспомнил, туман оставался малопроницаем, проклятые железные руки ловили «восьмерку», дорога резко пошла влево, колеса грохнули на шве, и я выехал на внезапный мост. Насколько я помнил, моста здесь быть не должно ввиду полного отсутствия реки, но мост стоял, причем синего цвета.

Я проскочил этот синий мост, затормозил, приткнулся к обочине и вернулся к мосту пешком.

Внизу никакой воды не текло, не виднелось даже русла, напротив, вполне разросся шиповник и ива. Возможно, это был весенний мост, функциональный в разлив, в апреле и мае. Или запасной мост, его построили на сэкономленные средства или средства меценатов – когда где-нибудь понадобится мост, его перенесут в нужное место. Или мост имени ВЦСПС, я вспомнил, когда учился в первом классе, мы жили у промышленного канала, через который как раз собирались строить такой. Поставили стелу с обещанием, что к концу пятилетки мост ВЦСПС непременно будет, но отчего-то не получилось, а я ждал, потому что приходилось в школу пилить лишние два километра каждый день...

Здесь есть мост, где-то его нет, постит Тушканчик пост, плачет Уланов поэт. Телефон снова пикнул о хлорофилле.

Хороший, в принципе, мост. В три полосы, крашенный яркой и толстой синей краской, я попробовал отковырнуть, но краска не поддавалась, ноготь сломал.

Возможно, это экспериментальный мост. Конструкция и на самом деле необычная – слишком легкий с виду, словно связанный из железобетонных соломин. Этот мост – модельный мост для всех будущих мостов Нечерноземья. Мост грядущих дней. Вперед, сквозь «Угар муниципий», «Молот Берии», он бы оценил, я сам оценил, размышляя о сущности синего моста; я принял хлорофилл. Конечно, стоило принять его до корейской лапши, но так уж получилось, вероятно, завтра стоит поголодать.

Забавно. Я отметил, что практически не удивился этому нелепому мосту на ровном месте, более того, нашел ему сразу несколько достоверных оправданий. Хорошее и полезное качество, незаменимое. Не исключаю, что я был его носителем с детства, но к текущему возрасту оно достигло совершенства. Ты видишь поэта Уланова, слушаешь идиотские стишки, но тебя это не смущает, потому что на фоне других идиотов Уланов смотрится небезнадежно. И стихи у него местами попадаются смешные, и их действительно можно напечатать книжкой и продать, другие идиоты их купят и найдут оригинальными, а все, что можно продать, имеет право на жизнь.

Ты организуешь конференцию «Евразийский космизм», и на нее съезжаются всамделишные космисты. Арендуют зал на неделю и всю неделю интенсивно взаимодействуют с иерархами Хрустальной Цитадели, днем плотно общаются с небожителями, вечером устраивают на берегу журфиксы с молодым вином и фейерверками. А ты распечатываешь им квалификационные дипломы, и каждый, кто внес в фонд развития космизма пятьсот долларов, получает сертификат «Хранителя алмазного предела». И ты нанимаешь тенора из Краснодара, чтобы на торжественном вечере закрытия он исполнил гимн «Слезы Матери Миров», и он тоже не удивляется – чего за триста евро удивляться. Мы все не удивляемся, мы серьезны и терпеливы.

Когда идиоты приходят к тебе с утра с дробовиком, ты не удивляешься, понимаешь, что их прислал другой идиот и у него есть на это свои идиотские причины, они весомы в его глазах, и неким образом это оправдывает его дебилские причины и для тебя.

Ты смотришь, как Современный Прометей жжет мексиканские спички, и веришь, что это успокаивает, и досадуешь, что это придумал не ты.

Я вернулся к машине и отправился дальше. Солнце окончательно поднялось, но туман не рассеяло, так что приходилось ехать аккуратно. Впрочем, разогнаться и не получилось бы, дорога отсутствовала, приходилось кривулять между колдобинами на первой-второй передаче: на пятьдесят километров я потратил больше часа. За это расстояние мне встретились лишь застывшая фура и пожилой рыболов на «Альфе», причем, может, и не рыболов.

Чагинск приближался. За Стариковом туман пропал и начались вырубки. И справа, и слева вдоль дороги лысели делянки, некоторые свежие, с вывернутыми пнями, похожими на осьминогов, другие весенние, успевшие затянуться буйным кипреем, третьи и вовсе прошлогодние, с поднявшимся диким молодым сосняком. Разработки велись не сплошь, между делянками оставались широкие прогоны, насколько я понял, оставленные для того, чтобы лесосека не выглядела сплошной. У придорожных канав собирались отходы лесной добычи – ободранная кора, высохшие ветки, собранные в копны, разбросанные комли и вырубленные кусты, пахло прелой древесиной и гарью.

Сама дорога испортилась еще больше, собственно, из проселочной дороги ее разъездили в широкие колеи, в некоторых местах «восьмерка» неприятно подсаживалась на брюхо, но каждый раз успешно выгребала. Пожалуй, в дождливую погоду без лебедки сюда лучше действительно не соваться, да и в сухую тоже.

Проехал Баскаково.

Первое упоминание Баскакова в летописях относится к четырнадцатому веку, название однозначно указывает на ордынский период. Однако подлинный расцвет Баскакова пришелся

на вторую половину восемнадцатого века, на период бурного развития промышленности и торговли, когда вдоль быстрого и полноводного Ингиря один за другим росли купеческие и ремесленные села, когда создавалась единая транспортная сеть, связавшая Северо-Восточную Россию с центральными губерниями, с Москвой и Санкт-Петербургом; именно здесь, в глухих углах и логах Мерьского края, рождалась грядущая экономическая мощь России. Я с иронией отметил, что старые навыки утрачены не в полной мере, при желании я смог бы легко написать «Баскаково: вчера, сегодня, завтра».

Автобусная остановка в Баскакове была квадратная и синяя.

Потом началась паль, она поднималась от Баскакова в холм, а затем растекалась вниз по склону, расходилась вширь. По левой стороне эту паль начали прибирать и укладывать в штабеля, справа выгоревшие сосны продолжали стоять, возле них морда к морде трелевочники, затем я обогнал три дремотных лесовоза.

Дорогу по-прежнему крутило, в днище стучали камни. Сгоревший лес кончился, и опять несколько километров по сторонам дороги тянулись дикие вырубki и глухое березовое мелколесье, поднявшееся на месте прежних просек. Дорога забиралась все выше к водоразделу, стало виднее по сторонам, и Ингирь уже блестел справа между деревьями.

Слева должно было показаться Салтаново, заметное место. Когда-то здесь на горе обитал атаман Салтан, грабил купеческие барки на Ингире и обозы на Макарьевском тракте, но как-то раз, во времена Алексея Михайловича Тишайшего, по Ингирю шел стрелецкий отряд, и Салтан по ошибке налетел на него. Стрельцы без особого затруднения перебили ватагу, а самого Салтана стали пытаться и вешать. Атаман взмолился о пощаде и пообещал на все награбленные средства вознести на горе церковь, самую высокую в округе. Церковь получилась что надо, ее было видно издалека, а сам Салтан раскаялся и стал в церкви настоятелем – как ни странно, но все это было на самом деле.

Салтановскую церковь я не увидел, да и мимо самого села едва не проскочил – вся Салтановская гора невероятно заросла липами и яблонями, сквозь которые не было видно ни домов, ни коровников, ни овощехранилищ; о том, что здесь еще осталось село, напомнил соответствующий дорожный знак.

После Салтанова дорога слегка улучшилась: поверх старого асфальта был накидан относительно новый, успевший, впрочем, во многих местах расщепляться. А за десять километров от Чагинска асфальт и вовсе стал сносным, ямы были залатаны, а посреди дороги прорисована заметная и ровная разделительная линия.

Я приближался к Чагинску, впереди показались белые огни переезда.

Переезд не изменился. Возможно, крыша будки смотрителя была раньше синего цвета, сейчас зеленая. И еще слева по ходу была установлена сплюснутая старая «Волга», а над ней транспарант «Будь осторожен!».

«Восьмерка» прогремела по железным плитам, я подумал о том, что стоит завести канал «Переезды России». Переездов в России десятки тысяч, можно выкладывать, как через них идут составы, грохочущие по переездам, успокаивают нервы ничуть не хуже эквадорских спичек... Нет, хуже, «Переезды» – это плохо.

На въезде в город появилось кое-что новенькое – композиция в виде большой буквы «Ч». Собственно, композиции особой не было, буква «Ч» и дата – 1593. Вероятно, теперь именно с этим годом связывают основание Чагинска. Я попытался вспомнить, что случилось в означенном году, но толком не смог – то ли Иван Грозный помер, играя в шахматы, то ли еще что-то в этом духе. Голова не очень шевелилась, я все сильнее чувствовал усталость, все-таки не выспался, все-таки хлорофилл лучше принимать на голодный желудок, железное правило, да и почти двести километров по кишкотрясу не добавили бодрости. Я намеревался проехать в центр и остановиться в гостинице, поспать часика три, принять душ, пообедать в кафе и начать думать, что делать дальше.

Мимо кладбища не хотелось, поэтому после буквы «Ч» я свернул на Промышленную. Я не очень хорошо ее помнил, кажется, раньше тут располагалась «Сельхозтехника», ремонтные мастерские и нефтебаза. Ворота «Сельхозтехники» с шестеренками и серпами сохранились, однако за ними я не увидел никаких комбайнов, бульдозеров и молотилок, вместо них высились аккуратные хлысты свежих бревен и белели горы опилок. На месте ремонтных мастерских картина не отличалась – бревна и опилки, опилок больше, опилочные дюны. Нефтебаза минувшие годы тоже не пережила: на ее территории располагался пункт приема и вместо опилок, бревен и прочего теса громоздились бурые черметные кручи.

За нефтебазой обособились магазины запчастей к отечественным машинам, судя по запущенному виду и выцветшим вывескам, давно не работающие.

Здание «Электросетей» сохранилось, но выглядело кисло: видимо, лет десять назад его пытались перекрасить в фисташковый, но он не продержался долго, облупился, и теперь здание напоминало облезлую винтажную шкатулку, сами же сети походили на проржавевший чертополох.

Напротив «Электросетей» щелчком проснулся приемник, трансляция велась из Овражья, хотел сделать погромче, но зазвонил телефон.

Эрп. С незнакомого номера, и он еще не сказал ни слова, но я понял, что Эрп.

– Привет, москвич, ты зачем свинтил? – прогундел Эрп.

Это еще одно из моих ненужных качеств – умение предугадывать скотов. Скот еще только набирает воздуха, а я уже знаю, что это он. Профессиональная деформация.

– Ты же сам велел – доставать денег, – ответил я. – Вот я и достаю.

– А ты где?

– В Чугунске.

– Да ты не в Чугунске, я же вижу... Ты смотри, москвич, терпения не испытывай, мы за тобой приглядываем, мы тебя достанем...

Эрп еще поугрожал, недолго и без особого вдохновения, потом отключился, и я свернул на Вокзальную.

Тополя разрослись, вытянулись в длинные трубы, так что я не узнавал улицу. Листва, несмотря на июнь, бронзового цвета. И пух. Вся Вокзальная была завалена грязными ошметками тополиного пуха. Семь часов, на улице ни людей, ни движения.

Все словно уменьшилось, утратило одну пятую часть прежнего масштаба, город усох и сделался мельче. В том месте, где в Вокзальную впадала Пионерская, до сих пор стоял дом богомолка. Дом богомолка, так бабушка говорила, дом сильно скопился набок, почернел, но еще держался, с укоризной взирая на прохожих пустыми окнами. На стороне железнодорожных путей – списанные пассажирские вагоны на подставках, судя по трубам, торчащим из окон, жилые. В маневровых тупиках – чумазый бесконечный нефтевоз. На стороне города – дома. Все те же самые, я их отлично помнил, двухэтажные черные бараки, в первом доме жил дядя Ваня, троюродный брат моей бабушки, во втором одна тетка развешивала сушиться рыбу и упала с веранды, сломала бедро, в доме напротив типографии жена охотоведа отравилась грибами. Ничего. Я ожидал реакции. Думал, что почувствую... Не знаю, что-нибудь. Пусть хоть страх. Ничего. Радио «Овражье» передавало Кузьмина. В горле перекатылся кислый железистый привкус хлорофилла. Когда хочется спать, мозг отказывается полноценно работать и бояться.

Советская была перекрыта рогатками; в сторону центра пробирался улицей, название которой забыл или не знал, здесь мало что поменялось, но чувство, что дома уменьшились, не покидало.

Чагинск.

Пожалуй, это из-за слишком быстрого погружения. Когда ныряешь с вышки, первые секунды ты оглушен ударом и ошпарен водой, ты на несколько секунд превращаешься в кожу, и только потом начинается глубина.

Я остановился возле гостиницы.

Здесь тоже случились изменения не в лучшую. Сгинул «Мотоплуг и дрель», мне хотелось верить, что «Мотоплуг и дрель» пребудет во времени, но получилось не так, теперь на его месте располагался заурядный салон связи. Вместо «Парикмахерской» – магазин «Все по 43».

Я вошел в здание. Гостиницы больше не было, на месте фанерной будки администрации блеснул ларек телефонных аксессуаров. Я прогулялся по коридору. Некоторые номера были закрыты, в других размещались ИП с названиями вроде «Форте-Макс», «Веллингтон» или «Дисплаза-Люкс», впрочем, закрытые по раннему времени. Работающим оказался лишь «БТД-Сервис», я заглянул. Здесь торговали постельным бельем и полотенцами, и этими товарами был заполнен весь номер от пола до потолка, в узком промежутке сидела девушка, переклеивала этикетки и считала на калькуляторе.

– Здравствуйте, – сказал я.

Девушка вздрогнула и уронила калькулятор.

– Тут раньше гостиница была, – сказал я.

Девушка глядела с недоумением, видимо, на ее памяти гостиницы здесь никогда не было.

– Не знаю... – пожала плечами продавщица. – Нет тут гостиницы. Зачем у нас?

– Для специалистов, – сказал я.

– Специалисты в Галиче принимают, – ответила девушка и стала неловко поднимать калькулятор. – А если вам к зубному, то он по пятницам приезжает.

– По пятницам?

– Да, с восьми до шести, но лучше по записи.

– Спасибо, – сказал я. – Возможно, запишусь.

– Брать что-нибудь будете? – спросила девушка. – У нас завоз.

Она разобралась с калькулятором и посоветовала купить полотенца, списанные с РЖД, три по цене одного. Я купил и поинтересовался, где можно остановиться. Девушка посоветовала группу «Подсмотрено в Чагинске», там иногда предлагают квартиры.

Я вернулся в машину, включил телефон. 4G. Связь устойчивая и ровная. Запустил «Подсмотрено в Чагинске».

Квартиры никто не сдавал, в основном ругались по поводу позорных дорог и некачественных товаров из магазина «№ 49». Некто Елизавета Потолицина продавала крафтовые рамки для фотографий и розовую детскую коляску. Ванесса предлагала девушкам за сорок прийти в Дом культуры на кружок самодеятельной живописи. Истопник Егор сообщал про то, что у него сегодня задушили двух кур и если эта сволочь не образумится, он примет меры, с хорьками у него разговор короткий.

Я зарегистрировался и написал, что сниму квартиру со всеми удобствами на неделю, желательно в центре; через три минуты меня послали на хрен, и я решил доехать до Центральной площади.

Вокруг площади разрослась акация, она заглушила тротуары, и теперь передвигаться оставалось по проезжей части, улицы потеряли названия – таблички на домах давно обвалились или не просматривались за кустами. Похоже, что чагинцы перестали ухаживать за деревьями и кустарниками и центр города захватила зелень; я выехал на Центральную площадь внезапно, словно вывалившись из сирени.

Памятника больше не было. Постамент с оббитыми углами был пуст и без всякого изваяния сверху. Цепи, окружавшие пьедестал, исчезли, их, без сомнения, сперли вместе со столбами, исчезли и надписи, обозначающие героя. Не думаю, что памятник украли, скорее, он постепенно пришел в негодность, и его отправили на реставрацию, но назад не вернули,

поскольку неисправности оказались несовместимы с дальнейшей эксплуатацией. Пересвет не прижился.

Я объехал вокруг, думал, что сбоку есть табличка с предупреждением о дате окончания работ, но таблички не оказалось.

На южной стороне площади стоял ангар непонятного назначения, в западном пределе белела кирпичами незаконченная новостройка, павильоны рынка были забиты деревянными щитами, но через дорогу круглосуточно работала аптека «Твоя аптека», я решил заглянуть в нее.

Аптека не отличалась от сотен подобных, в которых я бывал на протяжении жизни, ощущение чистоты и посторонности.

– Из Костромы? – спросила аптекарша.

Мне показалось, что я ее уже видел когда-то, девушка умеренно крупной размерности, лет тридцати от роду, с толстой переносицей, распространявшейся на лоб, с черными глазами, в принципе, ничего.

– Нет. А что?

Ее отец ацтек-полукровка, сын вольтижера бродячей труппы «Теночтитлан», в далеком девяносто третьем он, злоупотребив брусничной настойкой, выпал из циркового вагончика, замерз почти насмерть, но и был найден и выхожен работницей птицефермы. Оправившись от обморожения, циркач скрылся, а через положенный срок у одинокой птичницы родилась бойкая черноглазая девчонка. Ну так, примерно.

– Где-то я вас раньше встречала, – ответила дочь Монтесумы. – Вы гидролог?

– Так, немного. Мне мультивитамины.

– Понятно.

Аптекарша принялась отковыривать от пузырька с витаминами стикер с ценой, а мне стало интересно, зачем здесь гидрологи?

– А что, все плохо? – спросил я. – Ну, по водной части?

Хазин. Что-то говорил про Монтесуму, не помню что, вряд ли он разбирался в этом вопросе.

– В прошлом году ваши приезжали, – аптекарша показала за спину большим пальцем. – Сказали, что если ничего не изменится, то через пару лет РИКовский слезет.

– Слезет?

– Ну да, обвалится.

Аптекарша справилась со стикером и вручила мне витамины, почему-то я подумал, что она Ванесса и есть. Сильное имя.

– Это еще неизвестно, – сказал я. – РИКовский с запасом строили, почти сто лет простоял.

– И еще сто лет простоял бы, – сказала аптекарша. – Там все сваи из лиственницы. Но из-за этой ямы сам берег подмывает.

– Распространенная проблема, – согласился я. – Так часто случается. Водные горизонты, сами понимаете, нестабильны, все играют.

– Это из-за станции.

– Так ее и нет вроде...

– Ее нет, а землю расковыряли. Зинка обещала прошлым летом заделать, а как была дыра, так и осталась! По мосту машины полгода не ездят, теперь все через Новый. Нельша пересохла, Сендега в болото превратилась... Уголь брать будете?

– Уголь?

– Активированный. Вы же гидролог?

– Да, конечно, мне пять штук.

Аптекарша посчитала пять упаковок активированного угля.

– А йод?

– Йод?

– Ну да, – аптекарша выставила на прилавок пластиковую банку. – У нас все йод берут.

– Зачем?

– Радон же, – вздохнула аптекарша. – Радон в каждом подполе. Сами понимаете, это не шутки. А йод от него помогает.

– Помогает?

– Ага, – аптекарша потерла шею. – Чтобы не накапливался в щитовидке и простате. Пробить?

Помимо йода я купил пластырь и но-шпу, будущее простаты меня волновало.

– Удачи! – пожелала девушка.

Я вернулся в машину, проверил «Подсмотрено в Чагинске» и убедился, что меня послали второй раз, сдать же квартиру не предлагал никто. Я не очень расстроился, чувствовал, что жилье подвернется, как-нибудь... несомненно, подвернется. Пока же я решил осмотреть РИКовский мост и направился к Ингирию. По Набережной, потом налево, вниз...

РИКовский мост оказался закрыт, поперек дороги лежали два бетонных блока и краснел «кирпич», дальше пришлось пробираться пешим ходом.

РИКовский выглядел отлично. Недавно отремонтирован, пах свежим деревом и был снабжен новыми тросовыми растяжками, ледоломы обиты железом, а табличка «р. Ингирь» оборудована подсветкой от солнечной панели; я вышел на середину моста.

На другом берегу Ингирия, похоже, мало чего осталось. Ни доручастка, ни столовой, ни мастерских – на месте мастерских чернел выгоревший пустырь, на месте столовой свалка щербатых бетонных шпал.

Дорога на Нельшу заросла, котлован...

Вода окончательно проела перемычку земли между котлованом и рекой, и теперь котлован был озером или, точнее сказать, широким речным заливом. Ингирь тек через котлован, русло сместилось, и грунт на насыпи РИКовского моста просел, и хотя попытки остановить размывание с помощью щебня имелись, было ясно, что река старательно пробивает новый путь и ее успех лишь дело времени.

Сам Ингирь заметно обмелел и задыхался в песке, казалось, что песок этот выдавливался из лопнувших земных недр, разгоняя воду по краям, и теперь самые глубокие места темнели возле берегов, а по середине реки выпячивался песчаный горб. Сама вода оставалась прозрачной, но рыб я не увидел, как и рыбаков, река была безжизненна, странно, но ей это вроде бы шло, она словно устала от рыб и людей и теперь радовалась одиночеству.

На проводах, перекинутых от берега к берегу, висели кеды и блесны, но не новые, а явно давнишние – блесны успели почернеть, а кеды растрепаться. Течение гоняло по образовавшемуся заливу белую пластиковую бочку.

По Чагинской горке над рекой белела березовая роща, на месте маслозавода – ивы, Чагинск отступил от реки, убрался за холм.

Я перебрался через мост и обошел вокруг котлована.

Окрестности котлована поросли травой и низким приятным кустарником, породу которого я не знал, но решил, что это вереск. От самого котлована не сохранилось прямоугольных очертаний, вода скруглила его, было сложно представить, как раньше здесь старались бульдозеры и грузовики и лежала сломанная драга; наверное, зимой здесь устраивают неплохой каток. Тут должны водиться налимы, отличное место для налимов...

Берег за Ингирем оставался абсолютно диким: ни пластиковых бутылок, ни рыбачьих мест, ни свалок, ни гарей от костров и мангалов, словно люди тут больше не появлялись. Радон, вспомнил я. Именно здесь случилась его роковая утечка, именно отсюда он распространился по округе, отравил землю и воды...

Я зевнул и сел на старый топляк. Спать охота. И пить, от минералки не отказался бы, в горле пересохло, все-таки лапша была крепка...

Неожиданно я подумал, что дело не в лапше. Сонливость, першение в горле, рассредоточенность, тяжесть в голове, тремор...

Я вытянул перед собой руку и растопырил пальцы. Они заметно подрагивали. Я попытался вспомнить симптомы отравления радоном, но не смог, собственно, я их и не знал. Достал телефон. Здесь 4G не работал, проверить не получилось.

В принципе, это могло быть. Радон скапливается в карьерах, в низинах, в колодцах, местные знают и на этот берег не суются. Забавно. Приехать в Чагинск, отравиться в первый день радоном... Если что, я стану первым писателем, отравившимся радоном, это оригинально. Буду как Золя.

Я закашлялся и поспешил вернуться на мост, прислонился к перилам, открыл «Подсмотрено в Чагинске», на мосту Интернет работал.

Истопник Егор дублировал свои угрозы насчет хозяина хорька и обещал ему локальные неприятности. Выдра Лариса говорила, что знает, чей хорек, и рано или поздно молчать не станет, у нее у самой четырех мясных кроликов задавили, а это десять тысяч. Сергей Лобов отвечал Выдре, что ее драные кролики стоили от силы трюльник, а Егору рекомендовал смотреть канал «Коты-онанисты».

Сдать квартиру по-прежнему никто не торопился, бочка никак не могла выбраться из залива. Истопник Егор был рассержен и настроен решительно. Ладно. В голове постепенно собирался двойной кирпич, ненавижу такое состояние – когда в голове кирпич, то всего остального тела словно не существует, голова тянет за собой...

Я поторопился к «восьмерке», шагал тяжело, ноги словно одеревенели. Да, это не радон, я просто убодался за последние дни, усталость постучалась... Надо найти тихое местечко и отоспаться, пару часиков хватит.

Устроился за рулем, покрутил радио, оно опять передавало серый сухой треск, от которого спать хотелось сильнее, определенно стоит найти тихое местечко и отдохнуть, поехали.

Я поднялся на Набережную, пересек Чагинск с востока на запад, свернул возле Кирпичного к Новому мосту, через километр съехал в лес, подальше, чтобы не было видно с дороги. Заглушил мотор, вытянул ноги. Хороший лес. Не природный, само собой, высаженный, сосны невысокие, но зато прозрачный. В таких лесах на душе всегда хорошо.

Проверил телефон.

Обновился «Современный Прометей», вторая часть по Эквадору, но с раннего утра Прометей не хотелось. Равно как «Угара муниципий» и «Водопадов Нибиру». Но неожиданно повезло с «Пчак-хвон-до». Мне как старому и постоянному подписчику канала предлагалось прямо сейчас за небольшую сумму подключиться к конференции, в ходе которой Остап Висла продемонстрирует свое мастерство непосредственно в прямом эфире. Это будет не 25-й урок, а демонстрационное занятие вне серии, показательное. Хотелось спать, но пропустить Вислу я не мог, перечислил на кошелек Остапа требуемый взнос и немедленно получил ссылку. Я оказался восьмьсот четвертым участником конференции.

Трансляция велась из привычного тренировочного подвала, Остап Висла в статистической фазе тренинга висел в прави2ле напротив включенного телевизора и рассказывал, почему он решил прибегнуть к прямому эфиру. Мастер объяснял это критикой недоброжелателей, которые утверждали, что ролики Остапа не только глубоко постановочные, но еще и подвергаются искусному монтажу. Что каждый ролик снимается множеством дублей, а с одного дубля мастер пчак-хвон-до может показать лишь технику фигурного ковыряния в носу. Теперь же, чтобы посрамить оголтелых хейтеров и обскурантов, он, Остап Висла, презентует свою тренировку вживую, разумеется, с помощью своего верного помощника Струмента.

Сообщив это, Остап освободился из «юнион Джека» и подчеркнул, что дата и время его упражнений совпадают с текущими, любой может убедиться на экране. По телевизору за его спиной показывали репортаж с комбикормового завода, время и дата действительно соответствовали.

Утвердив свою достоверность, Остап приступил к динамическому этапу тренировки. Он приладил к голове устройство, напоминавшее боксерское приспособление для развития реакции и скорости удара – обруч и теннисный мячик, правда, в варианте Вислы мячиков было два. Экипировавшись таким образом, Остап приступил к упражнению.

Почти сразу выяснилось, что метод Вислы отличается от традиционного боксерского – вместо того чтобы наносить удары по шарикам, Остап принялся крутить головой. Шарик на резинках описывали орбиты вокруг темени, через три минуты подобного верчения Остап замер и сказал, что это известное старинное упражнение, отлично развивающее вестибулярный аппарат, именно с помощью этого нехитрого прибора повышали свою легендарную точность мастера Окинав. В доказательство этого Остап свирепо боднул Струмента в голову. Мне показалось, что удар был не особо точен, однако манекену этого хватило, и он с кожаным звуком растянулся на полу. Висла потрогал лоб и сообщил, что такое ударное превосходство ему помог развить именно этот несложный гаджет.

Висла принялся крутить мячи снова, постепенно наращивая скорость и амплитуду, закончилось это тем, что резинки лопнули, а мячи улетели. Висла, слегка косоглазая, заявил, что в этом и есть цель гимнастики – вращать головой как можно интенсивнее, чтобы мячи отрывались, отрыв есть свидетельство образования нужной резкости в верхнем отделе позвоночника, а резкость нужна для этого самого удара, против которого не может устоять ни один пусть и самый сильный противник.

В доказательство Висла поставил Струмента вертикально и снова боднул его в голову. Видимо, голова у самого Остапа уже кружилась, поскольку в этот раз Струмент устоял. Остап быстро сориентировался, сделал вид, что так и задумано, и ударил манекен в горло ребром ладони. Струмент закачался, но не упал, чтобы одержать окончательную победу, Висла вступил в ближний бой.

Он обхватил манекен, оторвал его от пола и замер, покачиваясь в шатком равновесии. Думаю, Остап хотел продемонстрировать некий неуклюжий вариант броска с прогибом, но силы явно оставили мастера, Остап просел под весом коварного Струмента, а затем и вовсе весьма некстати наступил на теннисный мяч.

Нога Остапа поехала, он громко рухнул на пол, а Струмент торжествующе обрушился на своего мучителя. Со стороны это походило на осмысленное действие, словно Струмент был не абсолютный манекен, а тоже мастер пчак-хвон-до.

Остап лежал на полу, Струмент громоздился на нем. Над ними работал телевизор, по телевизору показывали программу про нерест лосося. Остап не шевелился, глаза закрыты.

Похоже, Висла был абсолютно уверен в своих силах, поражение от манекена в его планы не входило, и он не подстраховал тренировочный сеанс секундантами, положившись исключительно на собственные силы. И это сыграло против него – на помощь никто не спешил.

Висла оставался без сознания, глаза закрыты, язык вывалился набок. На фоне бессознательности мастера возбужденные косяки лосося штурмовали перекаты Норвегии. Я бы назвал эту серию «Струмент наносит ответный удар».

На четвертой минуте мастер открыл глаза, вернулся в сознание и стал выкарабкиваться из-под противника. Я подумал, что Остап Висла не такой уж и мудак, каким старался казаться. Или каким он хотел выглядеть в глазах своих зрителей. Во всяком случае, он начал монетизировать свою популярность. Я, например, хотел узнать, как Остап обыграет сегодняшнее фиаско в новых роликах, я попал на крючок и готов был засылать в его кассу малую толику.

Освободившись Висла молча покинул подвал. Я отложил телефон, опустил сиденье, устроился поудобнее, уснул быстро.

Звонил телефон.

Людям никогда не снятся мобильные телефоны. Если ты слышишь звук телефона, ты в исходной реальности. Я открыл глаза. Опять незнакомый номер. Не ответил, переместил в блеклист, отключил звук.

Тихо.

Дождь – мягкий, неслышный, как шепот. Я опустил стекло. Пахло грибами и синим мхом, лес был наполнен прохладой и водным паром, сосны терялись в сером сумраке.

Шестнадцать ноль восемь. Проспал пять часов в автомобильном кресле, шею ломило, ноги затекли в коленях, на капоте лежала замысловатая коряга. Вряд ли сама упала, наверное, грибник увидел спящего в машине и решил пошутить, положил на капот корягу, похожую на Конька-горбунка.

Колени не распрямлялись, я решил их расходить вокруг машины.

Дождь висел над лесом, капли терялись в хвое, разбивались в пыль; я переобулся в сапоги и вышел. Интенсивно подышал хвойной влагой, сделал несколько приседаний и увидел боровик. Это был классический боярский боровик, толстый, наглый, с шершавой замшевой шляпкой, он ехидно поглядывал изо мха, сверкая дождевыми каплями и не оставляя выбора.

Я достал мультитул «Дукати», срезал гриб и убедился, что он не червивый, напротив, весьма плотный и крепкий. Тут же представилась чугунная сковородка с мерными, один к одному боровиками, тушенными в сметане, и миска вареной картошки с маслом и укропом, и рюмка водки. Противостоять этому было решительно невозможно, я достал из багажника пакет, сделал несколько шагов и нашел еще два. Боровиков оказалось много, и все они были одинаковыми, чуть больше грецкого ореха, жирными и хрусткими. Я собирал их и собирал, не мог остановиться – нет, грибник тут явно не проходил.

От машины старался не удаляться, держал в зоне видимости, не забывая, что заблудиться под вечер в лесу ничего не стоит, особенно в дождь.

Пакет наполнился больше чем наполовину, я набрал килограмма два и прикидывал, что стоит, пожалуй, остановиться, но грибная жадность не оставляла. Тогда я сказал себе, что срежу еще дюжину и на этом точка.

Наклонившись за восьмым, я потерял равновесие и завалился. Мох оказался пропитан водой, я мгновенно промок, вода была холодной и липкой. Железные руки таки достали доблестного Ечибельдья и унесли его в багровые пределы. А все потому, что он любил смотреть «Котов-онанистов». Пакет с грибами, кстати, багатур уберег.

Я вернулся к машине озябшим и мокрым, вода стекла в сапоги и хлюпала, спина мерзла. Запустил двигатель и включил печку, стекла мгновенно запотели. Проверил телефон. Два новых звонка с разных номеров. Хорошо. Надо выбираться отсюда.

Выехал на дорогу. На асфальте скопились лужи, «восьмерку» слегка покручивало на лысоватой резине, я возвращался в Чагинск.

Возле Кирпичного поперек асфальта тянулся язык серой глины, я перешел на первую, ехал аккуратно.

Наверняка звонил Хазин. Наверняка уже знает, что я в Чагинске.

Или тот, кто прислал кепку. Он тоже знает. Интересно, что ему от меня надо? Что он хотел сказать этой посылкой? А может, он хотел подстегнуть меня к поездке в Чагинск? И я подстегнулся.

Незаметно въехал в город. Улицы едва различались в сумерках, фонари еще не включили, а свет, зажженный в домах, терялся в мокрой сирени; над Чагинском завис дождь, я свернул у стадиона и умудрился заблудиться, поворачивал в незнакомые тупики, барахтался в лужах перекрестков. Надо было выбраться к Вокзальной площади, там доска объявлений, может, кто-

нибудь сдает... Но я не мог найти Вокзальную, сумерки изменили геометрию города, или я позабыл ее настолько, что не мог найти дорогу. Я хотел плюнуть и воспользоваться навигатором, но после очередного поворота увидел свет в конце улицы.

Магазин «№ 49».

Магазин кстати, куплю чего пожевать... Ряженки или йогурта, от чертовой лапши ныл желудок, возможно, лучше мацони, это оказался не магазин.

Библиотека. Та самая. Каким-то образом я выехал к библиотеке.

В некоторых библиотеках очередь на книги, в других читатель редкий гость.

В одних библиотеках течет крыша, в других есть душевые кабины.

Много библиотек, где есть художественные выставки, много библиотек, где есть компьютерный класс.

Есть библиотеки, в которых бывал Чуковский, есть библиотеки, которые будут оптимизированы.

Над входом горел фонарь, на лужайке белел припаркованный «Логан», в стойлах блестяли мокрые велосипеды. Штор библиотекам не полагалось, я увидел освещенный читальный зал, в нем сидели дети, человек пять.

В окно машины постучали, я опустил стекло. Фигура в зеленом дождевике с рюкзаком через плечо.

– Сейчас отъеду, – пообещал я.

– Да нет, стойте, если хотите, – ответила девушка. – У нас тут вайфай, если что, раз-два-три пароль.

– Да у вас связь везде хорошая, – сказал я.

– Ага.

– А где... Нина Сергеевна?

– Бабушка на пенсии давно, – ответила девушка. – А заведующая на конференции сейчас...

На конференции, и не исключено, чуть не застряла в дольмене.

– В Перми, – успокоила девушка. – А вам именно бабушка нужна?

Девушка сняла капюшон.

Я потерял глаз. Нина Сергеевна. Бабушка. Внучка... Аглая.

– Я вас сразу узнала, – объявила Аглая. – Вы Виктор, и мы, между прочим, знакомы. Помните меня?

– Аглая?

– Аглая Дмитриевна! – хихикнула девушка.

– Да, очень приятно...

Я выбрался из машины и пожал Аглае руку.

Выросла. Выше меня на полголовы. Красавица.

– Вы что, в воду свалились? – спросила Аглая.

– Грибы собирал, – ответил я. – То есть под дождь попал... сильный...

– Промокли, – утвердительно кивнула Аглая.

Я промолчал. Дождь продолжался.

– Пойдемте, я вас чаем напою, – предложила Аглая.

– Чаем?

– Ага, – Аглая помахала рюкзаком. – Я за печеньем ходила. Пойдемте, Виктор, попьем чаю, расскажете про себя.

Я согласился.

Закрыв машину и пошагал за Аглаей.

– Вы из Кинешмы едете? – спросила Аглая. – Там какая погода?

– Умеренная, – ответил я.

- А у нас испортилась. Хотя передавали хорошую.
Мы вошли в прихожую библиотеки, Аглая сняла дождевик.
Я бы не узнал ее. Наверняка бы не узнал. Она похудела... Или не похудела... Кажется, у нее тогда был мерзкий жирный кот по кличке... Антон. Антон Папа Шульц.
Я улыбнулся.
Аглая поправила прическу.
– Я тут в отпуске, – сообщила Аглая. – А заведующая квалификацию повышает, потом ей диплом писать... вот и попросила меня присмотреть. Так что я тут на лето. Библиотекарствую.
Глаза. От того, что похудела, глаза стали выразительными. Или от жизни.
– А где в остальное время работаете? – поинтересовался я.
– Пресс-служба, филфак оканчивала... А вы?
– Да я так...
В прихожую заглянула девчонка.
– Аглая Дмитриевна, мы самовар уже два раза кипятили, – сообщила она.
– Да, сейчас идем. Возьми печенье.
Аглая вручила девчонке рюкзак, та убежала.
– Вы давно приехали?
– Сегодня, – ответил я.
– И как вам Чагинск?
– Не успел еще осмотреться. Я в лесу остановился, отоспаться хотел... А проснулся – дождь. В лесу красиво, грибов полно...
– А по-моему, тут ужасно, – перебила Аглая. – Я с института сюда не приезжала, а как приехала... Две недели пребывала в шоке!
– Почему?
– Так разруха тут, – шепотом, чтобы не слышали дети, произнесла Аглая. – Почта еле работает. Кинотеатр закрыли, хлебозавод разорился, вокзал снесли...
– Вокзал? Он же вроде памятник архитектуры?
Когда-то по пути из Екатеринбурга в Москву в нем останавливался Мамин-Сибиряк.
– Вокзал хотели вроде как реставрировать, по бревнам раскатали, но потом решили обратно не собирать, сказали, что плесенью все проедено. Или грибом. Санэпидстанция велела все бревна сжечь на свалке.
– И что?
– Поставили контейнер морской. Все равно один поезд в неделю останавливается.
– А как же...
– Да ладно поезда, тут больницу закрывать собираются! Это как? Роженицы в Мантурово ездят, здесь отделение закрыто. И вообще, – Аглая поежилась. – У них тут движение за разгородку.
– За что?
– За разгородку. За то, чтобы лишить Чагинск звания города. Сделать поселком городского типа.
– Зачем?
– У ПГТ сплошные плюсы, – объяснила Аглая. – Сельским учителям платят больше, сельским медикам платят больше, можно на пенсию выходить раньше, льготы всякие, проезд, поступление. Да и население сокращается, так что скоро может стать не Чагинск, а Чагино!
Разгородка – это сильно.
– Чай горячий! – позвала девочка из читального зала.
– Пойдемте, а то чай остынет.
Чагино.

В читальном зале пахло жженым деревом. Два пацана, сидя за небольшим верстаком, старательно выжигали по фанере, одна девочка вырезала из бумаги снежинку, другая девочка читала журнал, третья раскладывала печенье по тарелкам, самовар стоял на отдельном чайном столике.

– Ребята! – Аглая похлопала в ладоши.

Я испугался, что сейчас она объявит «у нас в гостях известный писатель», но Аглая про меня ничего не сказала.

– Ребята! Давайте пить чай!

Мальчишки погасили выжигатель, девочки собрались за столом. Стали молча жевать печенье, есть конфеты и пить чай. Аглая налила мне в большую конопатую кружку, а себе в самодельную глиняную, мы отошли к подоконнику.

– Читатели? – глупо спросил я.

– Да. У нас тут кружок вроде. Такой, общий.

– Общий кружок?

– Ага. Вроде городского детского пространства. Все приходят сюда по своим интересам. Рисуют, выжигают, читают. Кто-то кружки лепит...

Аглая постучала ногтем по кружке.

– На новый трехмерный принтер собираем, – сказала она. – Читательский кружок у нас тоже есть, раз в неделю собираемся.

– А КСЦ «Дружба»?

– Там трубы замерзлись. Так что теперь все к нам ходят. А я присматриваю за ними...

Чай был горячий и пришелся кстати.

– А это что? – спросил я.

В углу читального зала находился... кажется, камень. Валун ростом в метр, накрытый марлей.

– Проект готовим, – сказала Аглая. – Никому не показываем, чтоб не сглазили.

– Понятно...

Вкусовые качества чая, разумеется, не отличались достоинствами, а печенье было из магазина.

– Я в пресс-центре строительной компании работала, – сказала Аглая. – А весной сократили, вот я на лето и приехала. А как вы?

Я хотел соврать про успехи и перспективы, но подумал, что Аглая вполне могла про меня узнать в Интернете. «Центр коммуникативных компетенций», коммуникации, технологии, ивент. Слава богу, что не успели издать Уланова, несомненно, публикация книги «Анабасис Дроси Ку» украсила бы мое портфолио.

– Да нормально, – ответил я. – Занимаюсь примерно тем же самым.

– Пиаром?

– Консалтингом. В основном устраиваю всякие мероприятия.

– Вроде выставок кошек? – спросила Аглая.

Я поперхнулся чаем. Аглая похлопала мне по спине.

– Нет, немного другие выставки, – ответил я. – Сельхозоборудования или медицинской одежды. Конференции разные проводим, конвенты. «Нахлыст России».

– Нахлыст?

– Съезд рыболовов. Съезд потомков Маяковского. Съезд производителей сои.

– Сои?

– «Соевый и рапсовый союз», слышали?

– Нет вроде. А что вы в Чагинске делаете? Какой-нибудь съезд?

– Да нет, я в Нижний ехал, дай, думаю, заскочу...

Я замолчал. Аглая улыбалась.

– Ну, в общем решил книгу писать, – зачем-то сказал я.

– Книгу? Отличная идея, если честно!

Девочка принесла мне печенье на блюде.

– У меня уже давно одна история в работе, – сказал я. – А теперь вот решил на натуру обратиться.

Аглая молчала. Смотрела и чуть улыбалась, то ли заинтересованно, то ли сочувственно. Я растерялся.

– Приехал, а гостиницы нет...

– Тут ничего нет, я же говорю, – Аглая пожала плечами. – Ни гостиницы, ни хостела, ни гостевого дома, столовок и тех не осталось.

Девочка смотрела на нас. Я взял печенье, она ушла.

– Это Таня, – объяснила Аглая. – Наша главная читательница.

– Вы, я помню, тоже читать любили, – сказал я.

– Отпустило, – отмахнулась Аглая. – После филфака сразу и отпустило. Нет, иногда почи-
тываю, но не так, как раньше. Слишком много в детстве читала, перечитала, наверное.

Аглая взяла печенье.

– Я сам в детстве читал много, – сказал я. – И потом... потом меньше читал, больше писал. Вот и сейчас появились некоторые идеи... Правда, не ожидал...

Печенье старое, срок годности явно истек, пахнет мышами и по вкусу недалеко, стал грызть из уважения.

– Если хотите, можете пока в котельной переночевать, – предложила вдруг Аглая.

– Что?

– В котельной. В ней даже зимой можно жить, там тепло и раскладушка.

Тепло и Раскладушка – это гениально. Я хотел в Черногорию. Я бы мог быть в Черногории, но я в бойлерной чагинской детской библиотеки.

– Хорошо, – согласился я. – Знаете, я разместил объявление в группе, но никто не откликается...

– Это понятно. Пойдемте.

Мы оставили чай, покинули читальный зал и вышли на улицу.

Котельная представляла собой пристроенный к библиотеке каменный сарай. В свою очередь к бойлерной был приставлен деревянный сарай, явно угольный; дождь между тем несколько усилился.

– Правда, тут у нас Петрович в апреле повесился, – сказала Аглая, перебирая ключи. – Но он смирный...

Аглая открыла замок, мы вошли.

– Петрович?

– Это шутка.

Аглая включила свет.

Не то чтобы я часто бывал в котельных, бойлерных или водокачках, но мне всегда представлялось, что они устроены именно так: котел, насос, топчан. Немалая библиотека из списанных книг, две горы журналов, небольшой верстак, электрическая плитка. Вешалка с рабочей одеждой, под ней обрезанные сапоги. В углу раскладушка и довольно чистый с виду матрас, зеленое пластиковое кресло. Опрятно, ни угля, ни пыли, ни грязных тряпок.

– Тут, конечно, не очень... – поморщилась Аглая. – Но, я думаю...

– Тут отлично, – возразил я. – Спасибо большое, Аглая, вы меня сильно выручили.

– Но на ночь я оставлю вам ключи от библиотеки, – пообещала Аглая. – Ну, если вдруг захотите умыться... И вайфай оставлю.

– Спасибо.

Я сел в пластиковое кресло.

– Вы тут пока устраивайтесь, а я отойду, у нас еще обсуждение.

Аглая ушла.

Я сидел в зеленом кресле котельной в Чагинске, смотрел в сумерки за дверью. Семь часов, а темно, я в котельной, и где-то вокруг тоскует в ночи Истопник Егор, у него недавно опять задрали двух куриц, и он в гнев, о, Дрося, я здесь меньше суток, но чувствую – начал пропитываться торфяным чагинским воздухом.

Я достал телефон.

Вайфай от библиотеки тек мощный и устойчивый, я перебрался на раскладушку и устроился на матрасе, набитом жестким ворсом лося.

«Подручный Сом», «Современный Прометей», «Молот Берии», нет, пожалуй, все-таки «Пчак-хвон-до», но, увы, Остап Висла не обновился.

«Подсмотрено в Чагинске».

Кит Тиков предлагал купить навоз, пахту и гравий.

Выдра Лариса предлагала бэушную коляску.

Я сходил в машину, принес вещи. Ноутбук и спальник, непромокаемый мешок с походным снаряжением. Лег на раскладушку и не думал, наверное, час.

Потом заглянула Аглая с чайником и рюкзаком.

– Мы закрываемся, – сказала она. – А вы тут располагайтесь. Тут тихо, и если что – полиция рядом.

– Да, спасибо.

Я сел на раскладушке. Аглая поставила чайник на верстак.

– Подпишите? – Аглая достала из рюкзака книгу.

«Пчелиный хлеб».

Я, разумеется, почувствовал себя мудаком. Наверное, глаз дернулся. Я и раньше, подписывая книги, так себя чувствовал.

– Это не библиотечная, – заверила Аглая. – Это моя.

Весьма, кстати, потертая, писателю приятно.

– Ну да, утенок и бульдог...

– Что?

– С удовольствием подпишу.

Я взял книгу, открыл первую страницу.

«Аглае Черпаковой от автора. Удачи, здоровья, хорошего настроения! 2018 год».

– Спасибо, – Аглая спрятала книгу. – Очень хорошая.

– Да, мне тоже нравится. Правда, давно не перечитывал.

– Возьмите в библиотеке, – улыбнулась Аглая. – А сейчас? Что-нибудь сочиняете?

– Рассказы в основном, – ответил я. – В журналы берут, в сборники... Наброски разные...

– А я фотографией увлекалась, – сказала Аглая. – Знаете, я та самая девочка с зеркалкой...

Аглая сощурила глаз и щелкнула языком.

– Ничего не получилось.

– Почему?

– Не знаю. У меня все в жанре «я и круассан» получалось.

Вселенная имеет форму круассана, с этим невозможно спорить. Аглая.

– Короче, смешно. Стихи пробовала, драматургию...

Аглая поежилась и улыбнулась.

– Еле ноги унесла.

– Это часто случается, – согласился я.

– Да, теперь я знаю. А ваша новая про что? Книга?

– Про Чагинск.

- Документальная? Вы тогда ведь, кажется, документальную писали, так?
- Эта не документальная, художественная. Писательское расследование.
- Про Костю, значит, – утвердительно сказала Аглая.
- Я не понял.
- Про Лапшина же! Костя Лапшин и Максим Куприянов, они тогда пропали.
- Да, как раз про это. Тема отличная, честно говоря. Я еще тогда хотел, материалов много собрал, но... По определенным причинам...
- Я взял из стопки журнал «Экономические вести».
- Не получилось, – сказал я. – Но сейчас... это актуально.
- «Вести» предрекали серьезный кризис.
- Забавно, – улыбнулась Аглая.
- Что?
- Ваш друг тоже про это пишет.
- О, «Коты-онанисты», я слышу вашу чугунную поступь.
- Друг? – осторожно спросил я.
- Да, ваш друг. Вы тогда вместе с ним приезжали.
- Хазин?
- Хазин? Нет, другой, танцор который. Роман!
- Интересно как...
- Он мне звонил, – сказала Аглая. – То есть не мне лично, в библиотеку, а я трубку взяла.
- Недели две назад. Или три... Не помню.
- И что сказал?
- Сказал, что пишет книгу про то исчезновение, хочет поговорить с бабушкой. А я ему сказала, что бабушка давно в Калининграде, но я все прекрасно помню. И знаете, он меня тоже вспомнил!
- Да?
- Шустрый Шмулик, собака.
- Да-да, вспомнил, как я стихи читала.
- Да, тогда вечер вроде был...
- А вы помните?!
- Аглая поглядела на меня с непонятной надеждой.
- Что-то про бегемотов. Красивые стихи, нам всем понравилось...
- Это Ломоносов, – сказала Аглая. – А там все бухие были, никто не понял.
- Вы читали великолепно.
- Вы же сам пьяный были, я помню.
- Я не нашелся, что ответить, спросил:
- И что вы ему рассказали? Роману?
- На свет начали собираться комары, влетали в дверь.
- Про Костю в основном. Мы же дружили тогда... И с Максом...
- Аглая замолчала. Взяла пластинку от комаров, насадила на булавку, подожгла и сразу задула. Пластинка задымила.
- Они ко мне заходили, – сказала Аглая. – В то самое утро...
- Аглая размахивала пластинкой. Комары бесились и падали.
- А у меня горло болело, а вечером еще стихи читать... я не пошла... Как подумаешь...
- Пластинка погасла, Аглая подожгла ее снова, задула.
- Так что вы ему рассказали про Костю? – спросил я.
- Да немного. Знаете, по телефону разве чего расскажешь... А вы не в соавторстве пишете?
- Мы обсуждали этот вопрос. В принципе, в этой идее есть здоровое...

Зазвонил телефон, я достал, нет вызова.

– Это мой!

Аглая достала свой.

– Да, мам, иду. В библиотеке еще. Да, сейчас закрываюсь. Я же на машине!

Аглая спрятала телефон.

– А Роман тоже писатель? – спросила она.

– Да, немного.

Пластинка погасла, Аглая опять ее разожгла.

– Ладно, мне пора бежать, а то мама нервничает.

Аглая приколотла булавку к верстаку и направилась к дверям.

– Погодите!

Она остановилась.

Я достал пять тысяч.

– Это что? Не возьму, не придумывайте...

– На новый три-дэ принтер, – пояснил я. – В фонд общественного пространства.

– Нет-нет! – отказалась Аглая. – Лучше в ящик!

Я не очень понял, чем ящик лучше.

– Ладно, до завтра!

Аглая убежала. Послышался звук мотора.

Я остался один, закрыл дверь. Лег на раскладушку. Лосиная шерсть впиалась в спину и шею. Лучше в ящик. Роман, значит, взялся серьезно. Книгу пишет. Пусть пишет.

Я лежал, размышляя, что делать, и в очередной раз склонился к тому, что в моем случае пока лучше не делать ничего. События все еще развивались в русле непонятной логики и неясных целей, и идеальной стратегией оставалась тишина. Ждать и наблюдать. Тот, кто прислал бейсболку, сделает шаг, я в этом не сомневался. Ладно...

Аглая приехала на машине. Теоретически у нее мог иметься муж. Я попытался представить ее кретина-мужа. Безусловный кретин, только кретин может отпустить жену в Чагинск. Кретин и работает в департаменте здравоохранения. Она могла поссориться с этим животным и уехать к маме. Впрочем, он мог работать и в других отраслях...

Я подтянул герметичный мешок, сунул руку, достал пакет. Из пакета вытряхнул бейсболку. Ждать и наблюдать. Следующий шаг не за мной.

Повесил бейсболку на гвоздь.

Выключил свет, перелез в спальник.

Чагинск.

Я закрыл глаза, но знал, что спать не получится. Дождь продолжался по железной крыше, за стенами слышались шаги, казалось, что Истопник Егор неподалеку. Ходит вокруг котельной, обиженный тем, что в его убежище теперь посторонний. Истопник Егор – активный сторонник разгородки. Егор за Разгородку.

Глава 6

Ловля священного тайменя

Из крыши котельной прямо мне на лоб тек холоднейший воздух: то ли дыра в шифере, то ли заслонка какая сдвинулась. Я попытался от этого воздуха закрыться, но голова уже простыла, и сон простыл, я хотел спать, но понимал, что не получится, здравствуй, Чагинск.

Поднялся с раскладушки. Семь часов. В мироздании открылась онтологическая заслонка, вот-вот в нее хлынут коты-онанисты, здравствуй, Чагинск.

Выглянул в окошко. Дождь продолжался, пустырь за библиотекой расквасился, сирень и акация стояли, налитые влагой, вода пробиралась под дверь котельной, и поперек помещения протянулся толщиной с карандаш ручеек. Я сходил в хозблок, умылся и освежился, вернулся в котельную, принял хлорофилл и вскипятил воду для чая. Гулять в дождь не хотелось, и я решил, что побуду в котельной, подожду. Заглянет Аглая. Или еще кто-нибудь, я не сомневался.

Я вернулся в спальный мешок и взял с полки книгу, фэнтези про перемещения в пошлые миры, но прочитать сумел всего несколько абзацев, причем дело было не в тексте и не в самой книге; буквы составлялись в слова, а слова в предложения, но смысл этих предложений непонятным образом ускользал. Я попробовал другую книгу, и с ней произошло то же самое, равно как и с третьей: навык чтения был словно утрачен, поражен реактивной дислексией, как при простуде больной забывает вкус или запах, так и я потерял возможность воспринимать книжное содержание. На всякий случай я взял журнал и убедился, что на журнальный текст внезапный недуг не распространяется. Жаль, что никакого желания читать журналы не возникло, пришлось вернуться к телефону.

К хмурому утру и дождю, пожалуй, лучше всего подходил оптимистичный Гандрочер Кох. Он успел выложить новый ролик, но отчего-то не огнестрельной тематики, а холодной. Гандрочер испытывал, по его словам, весьма редкий экземпляр австрийского штыка девятнадцатого века и заверял, что штык стопроцентно аутентичный, находившийся в его семье с тысяча девятьсот пятнадцатого года, с того момента, как прадед принес штык с Первой мировой. И пробил час штыку вспомнить дело.

Гандрочер пригласил зрителя в столярку и начал с колбасы. Мне показалось, что это довольно банально – колбасу рубили штыками, палашами и шашками до и наверняка будут рубить после, к тому же с колбасой штык справлялся без затруднений, правда, слегка замешкавшись на сырокопченой. Но сегодня Гандрочер внес в свои пьесы свежую струю. Проверив штык на колбасе, он объявил, что пробил час реального испытания и выставил на верстак пять плоских консервных банок с красной этикеткой. Я сразу понял, что это, и оценил старания Гандрочера, и оценил новизну сюжета. Пробовать сюрстремминг в наши дни стало практически общим местом: его дегустировали студенты, плиточники, военные историки, музыкальные критики и садоводы, но совмещение сюрстремминга со штыком было безусловной новеллой. Примкнув штык к винтовке и расположив консервы друг за другом, Гандрочер нанес короткий, но мощный удар. Штык прошел и смял банки, жель лопнула и рассол брызнул во все стороны, причем значительная часть попала Гандрочеру на лицо. Гандрочер замер. Я думал, его стошнит. Любого бы стошнило. Но Гандрочер стоял, не шелохнувшись. Стоял и стоял, потом с некоторым отстранением сел на табуретку и остался сидеть. Вероятно, его стошнило внутрь себя. Неплохой выпуск.

Позвонил Эрп.

– Как дела, москвич? Слушай внимательно! Кап-кап-кап, кап-кап-кап...

Сегодня Эрп пытался быть оригинальным и бухтел «кап-кап-кап» пять минут. Я положил телефон на подоконник, выпил чаю и дал второй шанс книге про пошлые миры. Внезапно, вероятно, после Эрпа, она зашла, более того, я, к собственному удивлению, увлекся и дочитал почти до конца, но около половины десятого в дверь постучали. Я понял, что это не Аглая, стук был слишком настороженным.

Началось.

На всякий случай я взял кочергу, спрятал ее за дверью и только после этого открыл.

На пороге стоял Федор.

Федор стал толще и, как мне показалось, выше ростом.

– Привет, Витя! – он радостно схватил меня за плечи. – Ты прямо как Папа Карло здесь, не хватает нарисованного мангала!

Сюрстремминг утром, Полтава к обеду.

– Здравствуй, – сказал я.

– Здравствуй, здравствуй!

Федор ввалился в котельную, оттеснив меня, тут же быстро и с опаской огляделся, убедившись, что в котельной больше никого, нагло уселся в зеленое кресло – влез, впрочем, не без усилий.

– Сидишь в заднице, как Фредди Крюгер, – сказал Федор. – Помнишь Фредди? В видео-салоне тогда смотрели, ты еще обоссался!

– Это ты обоссался, – уточнил я.

– Подполковник полиции не может обоссаться, – весомо возразил Федор. – Он может... круто обоссаться!

Федор рассмеялся.

Да, Федор потолстел. Но не как толстеют обычно, а неравномерно, в верхней части туловища, в груди, плечах и шее. Он стал похож на мультипликационного борца – обширный торс и незначительная нижняя часть человека, пропускавшего в зале день ног. Волосы пережили годы не в полном объеме – на лбу блестели глубокие залысины, зато те, что сохранились, были красиво уложены волной, покрашены в черный, хотя на границе с отвисшими щеками слегка просвечивала седина. На свою фотографию в Интернете не похож, в жизни лучше.

На Федоре был приличный серый костюм, дорогие туфли, неплохой галстук, все подобрано со вкусом. Костюм сидел непринужденно, Федор был явно привычен к этой одежде, а не надел ее с утра. А еще маникюр, тщательное бритье, гладкая кожа и часы. Часам я, если честно, позавидовал. Давно хотел. Пусть не турбийон, но хороший швейцарский хронометр. Солидные часы, хай-фай трек с ретро-декой Nakamichi Dragon, «Фендер Стратокастер», набросок Сальвадора Дали, первое издание «Мастера и Маргариты», скромные радости зрелого возраста.

– Ты как в наших говнях запутался? – поинтересовался Федор.

– Да я только вчера...

– Эх, Вить-Вить, мог бы и сообщить, – перебил Федор. – Я бы тебя встретил по-человечески...

– Случайно получилось, – сказал я. – Я не планировал, у меня в Нижнем конференция сорвалась, вот и решил заскочить по пути.

– Вот так ты всегда! Раз в сто лет к старым друзьям заезжаешь, да и то потому, что сорвалось что-то там... А просто так, а?! Повидаться, посидеть, вспомнить детство грозное?

Я разглядывал Федора. Он держался совершенно спокойно и ничуть не тяготился ролью старого друга, словно на самом деле был рад меня встретить.

– Сколько лет, сколько лет... – Федор вздохнул. – Да, годы идут, все меняется. А ты книжки все пишешь?

– Иногда.

От Федора пахло одеколоном, разумеется, недешевым. И Федор явился первым.

– А я с утра на службу еду, смотрю – машина незнакомая стоит, номера южные, а у нас редко кто чужой бывает, ну и позвонил в библиотеку. Черпакова, конечно, юлила... Но потом раскололась. Вот я и решил к своему старому корефану заглянуть.

– Очень рад, – сказал я.

Сволочь.

– А я как рад! Давно тебе позвонить собирался, да все руки не доходят. Слушай, а ты почему здесь остановился?

– Гостиницы у вас нет, не в машине же ночевать...

– Это уж точно. Гостиницу нерентабельно держать – никто же сюда не ездит.

– А как же родина Пересвета? – спросил я.

Федор снова рассмеялся. Он набрал воздуха, чтобы сказать... Но выдохнул. Достал длинные коричневые сигареты, закурил.

– У меня отпуск скоро, – сказал Федор. – Но уехать не могу, надо за всем присматривать...

Федор курил с наслаждением, быстро, одними глазами продолжая поглядывать вокруг, оценивать. Мне показалось, оценивал он в основном меня. Машина несколько сбила его с толку; потратив час на изучение Интернета, к однозначным выводам Федор не пришел.

– Да, было смешно, что уж говорить... Витя, а давай ко мне?

Неожиданно. Или нет.

– Моя баба как раз в Египет умоталась, дом свободен, переезжай!

Реакцию Федор не растерял.

– Не, спасибо, – отказался я.

– Витя, я же серьезно! У меня пять комнат простаивает, теща пыль собирать не успевает. Живу на Береговой, как белые люди. Белые люди – красные крыши, знаешь такую поговорку?

– Нет, Федь, спасибо, – отказался я.

– А что так? – сощурился Федор. – Шашлычок-машлычок, пивасик нормальный, отдохнули бы...

– Книгу пишу.

– И что?

– Это...

Я заметил кепку. Со вчерашнего вечера она висела на гвозде. На самом видном гвозде.

– Надо сосредоточиться, – пояснил я. – Если я у тебя буду жить, то вряд ли получится.

– Я больше не бухаю, – заверил Федор. – Все культурно, не выше пяти градусов, да и то по пятницам...

– Да я тоже, но дело не в этом. Понимаешь, книги хорошо пишутся в посторонних условиях. В гостиницах, в съемных комнатах, в поездах...

– Тебе что, нравится в этой конуре?

– Книга сама себя не напишет.

– Значит, все-таки книга?

Федор поискал, куда стряхнуть пепел, подтянул кирзач истопника.

– А ты, значит, подполковник? – улыбнулся я.

– Есть немного, – Федор смотрел сквозь дым. – То есть категорически так.

Наверняка стал умнее, подумал я. Во всяком случае хитрее. Опаснее.

– Да ладно, – Федор помахал сигаретой. – Понятно же, что так сюда никто не поедет. Книга... Ты вроде и тогда собирался книгу писать?

– Тогда не получилось.

– Да уж, – Федор загасил сигарету. – Тогда не получилось...

Федор бросил окурок в сапог, плюнул вдогонку.

– А сам кем? Кроме книг?

Подполковник. Неплохо.

– Да так, – я помахал руками. – Примерно как раньше. Организую.

– И дела идут?

– Кризис, – ответил я. – Какие дела...

– Ну да, кризис. Если дела не идут, лучше писать книги.

Кепку Федор не замечал.

– Ты прав, Витя, кризис задолбал, все как обосратые ходим... – Федор поправил галстук. – Надоело все, Витя, живем как в погребе – поставщики, тендеры, заказы...

– Тендеры? – не понял я.

– Что? Да нет, я говорю стабильности мало. Слушай, а про что книга-то? Про адмирала опять?

Я не ответил.

– Брось! – махнул рукой Федор. – Брось ты этого адмирала, я тебе столько расскажу – на сорок книг хватит! Если все описать – не поверят! Ты помнишь Механошина? Который тогда мэром был?

Федор опять хохотнул, но в этот раз не так весело.

– Механошина помню...

– Оказался сектант! Махровейший сатанист!

– Механошин – сатанист? – с недоверием переспросил я.

– Ну, не совсем сатанист, – поправился Федор. – Скорее, язычник-нудист.

Теперь уже я почти рассмеялся. Представилось.

– Не, точно! Вот про что книгу надо писать! Я тебе сейчас расскажу...

Федор дотянулся до чайника, налил в кружку теплой воды, выпил. Туфли чистые, отметил я. На улице слякоть, поперек котельной ручей, а Федор умудрился не запачкаться.

– Так вот, – Федор поставил кружку на котел. – Это суперистория! Механошин вдруг решил, что он дворянских кровей. Что его какая-то прабабка приходилась правнучкой князю Гагарину. Заказал в Москве исследование в Гербальдической палате... ну, или где-то там... ему все исследовали и выяснили, что никакой он не дворянин. Но купец. И не простой купец!

Федор снова потянулся к чайнику и кружке, налил воду и выпил.

– Из молокан! – глубокомысленно прошептал Федор. – То ли кормчий, то ли сиятельный сплавщик, короче, потомственный боцман первой ладьи. Ну, Механошин стал выяснять, кто такие молокане и в чем функции главного кормчего, книги старые достал, там все вроде подробно прописано...

Боцман первой ладьи – это неплохо. Я слушал, стараясь понять – это правда или Федор врет. И тот и другой варианты представлялись вполне правдоподобными.

– Сначала Механошин все потихоньку делал – книжки почитывал, потом в Интернете смотрел, а потом и кукуха поехала.

– Интересно, – согласился я. – И как это... проявилось?

– Вроде никак, то есть с виду был как раньше, но внутренне изменился.

Федор потер пальцем висок.

– Короче, он в мэрии создал ячейку, там главный бухгалтер состояла, ведущий экономист, ну много кого, мужики тоже. Ходили по ночам на реку и купались голыми, прикинь?!

– Солидно, – согласился я.

Как сложится развязка этой истории, я примерно представлял.

– Конечно, они не возле города плавали, а там, ниже по течению. Но все равно кто-то их заснял. Механошин подал в отставку, но...

Федор замолчал, смотрел куда-то вбок.

– И дальше что? – спросил я.

– Дальше было особенно весело...

Вдруг я понял, что Федор смотрит на бейсболку.

– Это... что?

– Кепка, – ответил я.

– Кепка...

Федор достал еще сигарету, зажег.

– Тут была?

Едва не брякнул, что тут.

– Нет, – ответил я. – Моя.

Федор молчал. Кусал ноготь.

– Похожа, – сказал Федор. – Точно такая же. «Куба» вроде...

– Да, похожа. Долго искал, таких сейчас не делают, по всем барахолкам шарился.

– Зачем?

Федор протянул к бейсболке руку, но тут же отдернул, не прикоснувшись.

– Для книги, – сказал я. – Погружение в материал, все такое...

– Книга... – Федор почесал голову. – Так ты про это решил писать...

– Да это не я, собственно, решил...

– В смысле не ты? – перебил Федор.

Сигарета дымила, курить ее Федор забыл, пепел падал на брючину.

– Книжки сами решают, когда их писать, – пояснил я. – Тут ничего не поделаешь.

– Ага, сейчас, – ухмыльнулся Федор. – Книжки сами решают...

– Нет, действительно. Это как озарение происходит: вдруг раз – и ты чувствуешь, что это надо сделать, что время книжки настало.

Федор задумался, заметно помрачнел, смотрел в пол.

– Это из-за...

Федор сделал выразительное лицо и покривил щекой.

– Что?

– Да ладно, Вить, не крути, ясно же, какое время настало!

Федор заметил пепел на штанине, но никак на это не отреагировал.

– Понимаю, – сказал Федор. – Вполне все понимаю...

Федор снова уставился на бейсболку.

– А где, кстати, настоящая? – спросил я.

– Кепка-то? Так забрали тогда в область, я ее и в руках не держал...

– И?

– И все.

Уверенность минус, Федор больше не походил на уверенного подполковника полиции. Он заметил в пальцах сигарету, бросил на пол, задавил.

– Слушай, Витя, я тогда лейтехой бегал, не при делах был, ты же помнишь?

Я промолчал.

– Тогда дурдом здесь творился, ты же сам помнишь...

– То есть с тех пор так ничего и не нашли? – спросил я.

– А что там находить? Тел нет, свидетелей нет, одна кепка. Но кепка – это фикция... Да и кровь не совпала, я же тебе говорил. Никаких улик, на убийство указывающих... Это даже не глухарь, это ничего!

Подполковник заволновался в кресле.

– Понятно, – сказал я. – Так я примерно и представлял ситуацию.

– Ситуацию?

– Федя, ты же не слепой. Сам видишь, что в городе творится.

Я многозначительно улыбнулся.

– Да вижу, вижу, не слепой... – прошептал Федор. – Зинка краев не видит, ей давно про это говорили!

Зина.

– Ты прав, Витенька, у нас помойка, – покривился Федор. – Такая помойка, что в двух словах не расскажешь. Вот взять...

У Федора зазвонил телефон, он ответил.

– Да. Да, понятно. Не в ящик, а в коробку! В коробку, я сказал!

Федор яростно отключился.

– Ладно, Вить, я побежал, эти идиоты... Короче, побежал!

Федор выпростался из кресла, пожал мне руку и пообещал:

– Я загляну еще.

– А если я перееду?

Федор хмыкнул и удалился.

Первый визит. И, кажется, кепку прислал не он. Или слишком хорошо притворяется. Зачем... Зачем ему все это?

Я сел на раскладушку. Вопрос: Федор сам прибежал или послан был? Кто может послать подполковника? Не очень понятно, ладно...

Открыл «Берцы Империи».

Сегодня в «Берцах» было скучновато. Вертолетные двигатели, вести с полей, завод макароных изделий, метизный завод – одним словом, семимильные шаги индустрии.

Порадовали юные изобретатели из Западного федерального округа, разработавшие роботов – аквариумных рыбок – и научившие их биться друг с другом.

Пенсионер из Якутска запатентовал краску-гаситель: если покрасить такой стены, то ни сигналы сотовых телефонов, ни вайфай, ни телесигнал в помещение не проникнут. Предлагалось красить такой детские сады, школы и поликлиники.

Пенсионер из Голчанова предлагал проект народной пенсионной лотереи, в которой, с одной стороны, разыгрывается сверхдостойное пенсионное содержание, а с другой – проигравшие лишаются уже действующего обеспечения. Лотерея позволит снять социальную напряженность и избавить бюджет от излишнего бремени.

Минут через пять в дверях показалась Аглая.

– Убрался? – шепотом спросила она.

– Вроде да...

Я, нет мне покоя, вскочил с раскладушки.

Аглая вошла. Сегодня на ней был строгий серый костюм и красные резиновые сапоги. Мне везет на библиотекарей, подумал я. Наверное, потому что писатель. Я их притягиваю и сам к ним тянусь. Это рок, судьба. Если бы я был сервис-мастером швейных машинок, на меня бы охотились швей-мотористки. Две тысячи семнадцатый, «Швейное дело», вспоминаю с теплотой, там была одна бригадирша, звали ее Ольга.

От Аглаи пахло сиренью. Настоящий запах, не духи. Девушка с утра собирает сирень, несет в библиотеку, потом варит кофе – от нее пахло еще и кофе. И пирожками. Чудесно.

– Что ему нужно?

– Если честно, не очень понял.

– С утра тут... бродил, – поморщилась Аглая. – Высматривал, номера записывал. Потом расспрашивал, кто приехал...

– Профдеформация, – сказал я. – Шерифом себя чувствует.

– Это уж точно...

Я предложил Аглае зеленое пластиковое кресло, Аглая отказалась.

– Вы извините, я ему рассказала, – вздохнула она. – Про вас.

– Это не тайна ведь. Федор бы и так узнал. К тому же я сам к нему собирался заглянуть.

- Да ну его...
- Аглая смотрела на кепку.
- Я насторожился. Но Аглая смотрела уже на журналы.
- Когда я приехала, он тоже расспрашивал – зачем да надолго ли. Бред, вам не кажется?
- Комплекс Бобчинского, – ответил я. – Или Добчинского. Или городничего. В каждом проезжем борзописце мерещится коварное инкогнито из Петербурга.
- Точно, – согласилась Аглая. – Хотел меня на временный учет поставить, представляете?
- Вполне. Ничего не поделаешь, угар муниципий.
- Что?
- Ерунда. Знаете, я собираю разные... выражения, слова. Идиомы.
- Все писатели так делают, – сказала Аглая. – Я сама в блокнот записывала. Кстати, а что ему от вас надо было?
- Наверное, тоже на учет хотел поставить.
- Аглая улыбнулась.
- Вы же знакомы?
- Да, друг детства. Вместе мучили кошек.
- Аглая нахмурилась.
- Фигурально, – поправился я.
- Фигурально мучили кошек.
- Ну, мы их не мучили, собственно... Федьке бабка постоянно велела топить всяких кошек, а я ему помогал.
- Вы топили кошек?! – не поверила Аглая.
- Нет, конечно. Мы их в Нельшу относили и там выпускали. В Нельше кошачья вольница была...
- Да, я помню! У меня самой был кот из Нельши! Там они все мордастые!
- В Лухе коты глазасты, в Нельше коты мордасты, в Буге коты-онанисты, в Риге коты... Что-то заклинило на этих котах паскудных, поэт Уланов дурно на меня воздействует, надо гнать прочь этого кретина.
- А он спрашивал, зачем вы приехали?
- Разумеется, – ответил я. – И я ответил, что приехал писать книгу.
- Зачем вы ему сказали?
- Аглая спросила это с трогательным волнением.
- Видите ли, Аглая, правда и ложь в наши дни слились до степени тождественности. Так что нет никакого смысла говорить неправду. Смело говорите правду – вам все равно никто не поверит.
- Так косолапо умничают исключительно старые мудаки.
- Я работала в пресс-службе, – напомнила Аглая.
- Да! – я хлопнул себя по лбу. – Взялся учить профессионала... Извините, Аглая, писателям... присуща некоторая ограниченность...
- Аглая смутилась. А я не знал, что сказать.
- Тут у вас целый ручей... Это ужасно...
- Это здорово, – возразил я. – В детстве я хотел жить в гигантском орехе. Чтобы вокруг лес, а под ногами ручей. Так что...
- Я похлопал по стене.
- Мечты сбываются.
- А я хотела жить на Ки-Уэсте, – сказала вдруг Аглая. – Знаете, там в тридцатые годы железная дорога проходила по насыпи через океан, и поезда ехали почти по воде. В непогоду это выглядело необыкновенно!

– Это был любимый поезд Хемингуэя, – сказал я. – Он как раз жил на Ки-Уэсте и часто на нем ездил. Кстати, в Ки-Уэсте его дом-музей.

– Дом-музей? – удивилась Аглая.

– Да, – сказал я. – Он написал там «Старик и море», а потом застрелился. В том смысле, что написал на Ки-Уэсте, а застрелился в другом месте, чуть позже.

В Кейп-Коде коты-онанисты, в Ки-Уэсте коты...

– Виктор, я хотела у вас спросить... – Аглая слегка замялась. – Тут такое дело... Не знаю, насколько это уместно... Одним словом, моя мама приглашает вас на обед.

Коты Ки-Уэста нам ни разу не товарищи. Мама Аглаи неожиданней, чем визит Федора. Так же неожиданно, как посылка с бейсболкой.

– Вы не знакомы, – тут же сказала Аглая. – Но она тоже «Пчелиный хлеб» читала. А я ей рассказала, что вы приехали, так она очень обрадовалась. Хочет вас пригласить.

– Неудобно вроде как...

Честно говоря, никаких неудобств я не чувствовал, напротив, обед вполне отвечал выбранной стратегии – загорать на бережке, смотреть на течение, дожидаясь колокольчиков донок. Да и есть хотелось.

– Она уже стол накрыла, – вздохнула Аглая. – Я ей говорила, что неудобно, так она не слушает. Колбасы купила, рыбу синюю, багет. Соглашайтесь, все равно у нас обедать негде.

– А «Растебьяка»?

Аглая посмотрела непонимающе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.